

Истоки и смысл русского коммунизма

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

1. Образование русской интеллигенции и ее характер. Славянофильство и западничество
2. Русский социализм и нигилизм
3. Русское народничество и анархизм
4. Русская литература XIX века и ее пророчества
5. Классический марксизм и марксизм русский
6. Русский коммунизм и революция
7. Коммунизм и христианство

ВВЕДЕНИЕ

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕЯ И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны - явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет.

Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия - христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. В русской истории, вопреки мнению славянофилов, нельзя найти органического единства. Слишком огромными пространствами приходилось овладевать русскому народу, слишком велики были опасности с Востока, от татарских нашествий, от которых он охранял и Запад, велики были опасности и со стороны самого Запада. В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию. Неверно было бы сказать, что Россия страна молодой культуры, недавно еще полу-варварская. В известном смысле Россия страна старой культуры. В киевской России зарождалась культура более высокая, чем в то время на Западе: уже в XIV веке в России была классически-совершенная иконопись и замечательное зодчество. Московская Россия имела очень высокую пластическую культуру с органически целостным стилем, очень выработанные формы быта. Это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства. Московская культура вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям. Но в Московском царстве очень слаба и не выражена была культура мысли. Московское царство было почти безмысленным и безсловесным, но в нем было достигнуто значительное оформление стихии, был выраженный пластический стиль, которого лишена была Россия петровская, Россия пробудившейся мысли и слова. Россия мыслящая, создавшая великую литературу, искавшая социальной правды, была разорванной и бесстильной, не имела органического единства.

Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов. Но в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины¹. У русских "природа", стихийная сила, сильнее чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры. Элемент природно-языческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента - первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и

¹ См. интересную книгу Fedor Stepun - "Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution".

православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру. Для русского народа одинаково характерен и природный дионисизм и христианский аскетизм. Бесконечно трудная задача стояла перед русским человеком - задача оформления и организации своей необъятной земли. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. На Западе тесно, все ограничено, все оформлено и распределено по категориям, все благоприятствует образованию и развитию цивилизации - и строение земли и строение души. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Ему нелегко давалось оформление, дар формы у русских людей не велик. Русские историки объясняют деспотический характер русского государства этой необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины. Замечательнейший из русских историков Ключевский, сказал: "государство пухло, народ хирел". В известном смысле это продолжает быть верным и для советского коммунистического государства, где интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности советского государства.

Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру. Религиозная энергия русской души обладает способностью переключаться и направляться к целям, которые не являются уже религиозными, напр., к социальным целям. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты. Русские ортодоксы и апокалиптики и тогда, когда они в XVII веке были раскольниками-старообрядцами, и тогда, когда в XIX веке они стали революционерами, нигилистами, коммунистами. Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры, всегда этим определяется принадлежность к русскому народу.

После падения Византийской империи, второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры. Инок Филофей был выразителем учения о Москве, как Третьем Риме. Он писал царю Ивану III: "Третьего нового Рима - державного твоего царствования - святая соборная апостольская церковь - во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твое царство: один ты во всей поднебесной христианский царь. Блюди же, внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство уже иным не достанется". Доктрина о Москве, как Третьем Риме, стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определилась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно также и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры. Под символикой мессианской идеи Москвы - Третьего Рима произошла острая национализация церкви. Религиозное и национальное в московском царстве так же между собой срослось, как в сознании древне-еврейского народа. И так же как юдаизму свойственно было мессианское сознание, оно свойственно было русскому православию.

Но религиозная идея царства вылилась в форму образования могущественного государства, в котором церковь стала играть служебную роль. Московское православное царство было тоталитарным государством. Иоанн Грозный, который был замечательным теоретиком самодержавной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души. Интересно отметить, что в Московский период в русской церкви было наименьшее количество святых. Лучший период в истории русской церкви был период татарского ига, тогда она была наиболее духовно независима и в ней был сильный социальный элемент². Вселенское сознание было ослаблено в русской церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил

² См. Г. Федотов "Святые древней Руси", Париж 1931.

свое православие, перестали смотреть как на истинно православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческие влияния воспринимались народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство. Православная вера есть русская вера, не русская вера - не православная вера.

Когда при патриархе Никоне начались исправления ошибок в богослужебных книгах по греческим образцам и незначительные изменения в обряде, то это вызвало бурный протест народной религиозности. В XVII веке произошло одно из самых важных событий русской истории - религиозный раскол старообрядчества. Ошибочно думать, что религиозный раскол был вызван исключительно обрядоверием русского народа, что в нем борьба шла исключительно по поводу двуперстного и трехперстного знамения креста и мелочей богослужебного обряда. В расколе была и более глубокая историософическая тема. Вопрос шел о том, есть ли русское царство истинно православное царство, т.е. исполняет ли русский народ свое мессианское призвание. Конечно, большую роль тут играла тьма, невежество и суеверие, низкий культурный уровень духовенства и т.п. Но не этим только объясняется такое крупное по своим последствиям событие, как раскол. В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры, Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист. Народное православие разрывает с церковной иерархией и с государственной властью. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет Град Китеж. Возникает острое апокалиптическое сознание в левом крыле раскола, в так называемом беспоповстве. Раскол делается характерным для русской жизни явлением. Так и русская революционная интеллигенция XIX века будет раскольничьей и будет думать, что властью владеет злая сила. И в русском народе и в русской интеллигенции будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда. В Московском царстве, сознавшим себя третьим Римом, было смешение царства Христова, царства правды, с идеей могущественного государства, управляющего неправдой. Раскол был обнаружением противоречия, был последствием смещения. Но народное сознание было темным, часто суеверным, в нем христианство было перемешано с язычеством. Раскол нанес первый удар идее Москвы, как Третьего Рима. Он означал неблагоприятное русское мессианское сознание. Второй удар был нанесен реформой Петра Великого.

II

Реформа Петра была фактом настолько определяющим всю дальнейшую историю России, что по оценке ее разделились наши направления XIX века. Сейчас одинаково нужно считать неверной и устаревшей и славянофильскую и западническую точку зрения на дело Петра. Славянофилы видели в деле Петра измену исконным национальным русским основам, насилие и прорыв органического развития. Западники никакого своеобразия в русской истории не видели, считали Россию лишь страной отсталой в просвещении и цивилизации, западно же европейский тип цивилизации был для них единственным и универсальным. Петр раскрыл для России пути западного просвещения и цивилизации.

Славянофилы неправы были потому, что реформа Петра была совершенно неизбежной: Россия не могла дальше существовать замкнутым царством, при отсталости военной, морской, экономической, при отсутствии просвещения и техники цивилизации. При этом русский народ не только не мог выполнить своей великой миссии, но самое его независимое существование подвергалось опасности. Славянофилы неправы были еще потому, что именно в петровский период истории был расцвет русской культуры, было явление Пушкина и великой русской литературы, пробудилась мысль и стали возможны сами славянофилы. Россия должна была преодолеть свою изоляцию и приобщиться к круговороту мировой жизни, только на этих путях возможно было мировое служение русского народа.

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории, держались упрощенных взглядов на прогресс просвещения и цивилизации, не видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад. Они не видели того, что все же видели славянофилы - насилия над народной душой, произведенного Петром. Реформа Петра была неизбежна, но он совершил ее путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями. И народ ответил на это насилие созданием легенды о Петре, как антихристе.

Приемы Петра были совершенно большевистские. Он хотел уничтожить старую московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины. Приемы Петра относительно церкви и старой религиозности очень напоминают приемы большевизма. Он не любил старого московского благочестия и был особенно жесток в отношении к старообрядчеству и староверию.. Петр высмеивал религиозные чувства старины, устраивал всешутейший собор с шутовским патриархом. Это очень напоминает антирелигиозные манифестации безбожников в советской России. Петр создал синодальный строй, в значительной степени скопированный с немецкого протестантского образца, и окончательно подчинил церковь государству. Впрочем, нужно сказать, что не Петр был виновником унижения русской церкви в петровский период русской истории. Уже в московский период церковь была в рабской зависимости от государства. Авторитет иерархии в народе пал раньше Петра. Религиозный раскол нанес страшный удар этому авторитету. Уровень просвещения и культуры церковной иерархии был очень низкий. Поэтому и церковная реформа Петра была вызвана необходимостью. Но она была произведена насильнически, не щадя религиозного чувства народа. Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации.

Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем. Петр секуляризировал православное царство, направил Россию на путь просветительства. Этот процесс происходил в верхних слоях русского общества, в дворянстве и чиновничестве, в то время как народ продолжал жить старыми религиозными верованиями и чувствами. Самодержавная власть царя, фактически принявшая форму западного просвещенного абсолютизма, в народе имела старую религиозную санкцию, как власть теократическая. Ослабление духовного влияния официальной церкви было неизбежным результатом реформы Петра и вторжения западного просвещения. Рационализм проник в самую церковную иерархию. Знаменитый митрополит эпохи Петра Феофан Прокопович был в сущности протестантом рационалистического типа. Но в петровскую эпоху это имело свою компенсацию в ряде святых, которых не знала московская эпоха, в старчестве, в подземной духовной жизни.

Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу. Русское барство XVIII века поверхностно увлекалось вольтеризмом в одной части, мистическим масонством в другой. Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чуждую расу. Просветительница и вольтеринка Екатерина Вторая, переписывавшаяся с Вольтером и Дидро, окончательно создала те формы крепостного права, которые вызвали протест заболевшей совести русской интеллигенции XIX века. Влияние Запада первоначально ударило по народу и укрепило привилегированное барство. Такие люди, как Радищев, были исключением. Лишь в XIX веке влияния Запада на образовавшуюся русскую интеллигенцию породили народолюбие и освободительные стремления.. Но и тогда образованные и культурные слои оказались чужды народу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской, императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века и даже до века грядущего, до XXI века. Россия XVIII и XIX столетий жила совсем не органической жизнью. В душе русского народа происходила борьба Востока и Запада и борьба эта продолжается в русской революции. Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она ни клялась западными теориями. Созданная Петром империя внешне разрасталась, сделалась величайшей в мире, в ней было внешнее принудительное единство, но внутреннего единства не было, была внутренняя разорванность. Разорваны были власть и народ, народ и интеллигенция, разорваны были народности, объединенные в российскую империю. Империя с ее западного типа государственным абсолютизмом менее всего осуществляла идею Третьего Рима. Самый титул императора, заменивший титул царя, по славянофильскому сознанию был уже изменой русской идее.

Деспотический Николай I был типом прусского офицера. При дворе и в высших слоях бюрократии немецкие влияния были очень сильны. Основное столкновение было между идеей империи, могущественного государства военно-полицейского типа, и религиозно-мессианской идеей царства, которое уходило в подземный слой, слой народный, а потом в трансформированном виде в слой интеллигенции. Столкновение между сознанием империи, носителем которого была власть, и сознанием интеллигенции будет основным для XIX века. Власть все более и более будет отчуждаться от интеллигентных, культурных слоев общества, в которых будут нарастать революционные настроения. Дворянство, которое было передовым и наиболее культурным слоем в начале и еще в середине XIX века, во вторую половину века будет понижаться в культурном уровне, делаться реакционным и должно будет уступить место разночинной интеллигенции, которая принесет с собой совсем иной, новый тип культуры. Отсутствие единства и цельности культуры выразится в том, что умственные и духовные направления XIX века будут разделяться на десятилетия и каждое десятилетие принесет с собой новые идеи и стремления, новый душевный уклад. И все же русский XIX век создаст одну из величайших в мире литератур и напряженную, своеобразную, очень свободную мысль.

Большая часть русского народа - крестьянство, жило в тисках крепостного права. Внутренно народ жил православной верой и она давала ему возможность переносить страдания жизни. Народ всегда считал крепостное право неправдой и несправедливостью, но виновником этой несправедливости он считал не царя, а господствующие классы, дворянство. Религиозная санкция царской власти в народе была так сильна, что народ жил надеждой, что царь защитит его и прекратит несправедливость, когда узнает всю правду. По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу, эти понятия были слабы даже у дворян. Земля Божья и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ею пользоваться. Наивный аграрный социализм всегда был присущ русским крестьянам. Для культурных классов, для интеллигенции народ оставался как бы тайной, которую нужно разгадать. Верили, что в молчаливом, в бессловесном еще народе скрыта великая правда о жизни и наступит день, когда народ скажет свое слово. Интеллигенция, оторванная от народа, жила под обаянием теллургической мистики народа, того, что народнические писатели 70-х годов называли "властью земли".

К XIX веку Россия оформилась в огромное, необъятное мужицкое царство, закрепощенное, безграмотное, но обладающее своей народной культурой, основанной на вере, с господствующим дворянским классом, ленивым и малокультурным, нередко утерявшим религиозную веру и национальный образ, с царем наверху, в отношении к которому сохранилась религиозная вера, с сильной бюрократией и очень тонким и хрупким культурным слоем. Классы всегда в России были слабы, подчинены государству, они даже образовывались государственной властью. Сильными элементами были только монархия, принявшая форму западного абсолютизма, и народ. Культурный слой чувствовал себя раздавленным этими двумя силами. Интеллигенция XIX века стояла над бездной, которая всегда могла разверзнуться и ее поглотить. Лучшая, наиболее культурная часть русского дворянства чувствовала ненормальность и неоправданность своего положения, свою вину перед народом. К XIX веку империя была очень нездоровой и в духовном и в социальном отношении. Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать, как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа. Вопреки мнению славянофилов, русский народ был народом государственным - это остается верным и для советского государства - и вместе с тем это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина и Пугачева, революционная интеллигенция, анархическая идеология, народ искавший нездешнего царства правды. В созданном через страшные жертвы огромном государстве-империи этой правды не было. Это чувствовал и народный слой, и лучшая часть культурного дворянства, и вновь образовавшаяся русская интеллигенция. Русское царство XIX века было противоречивым и нездоровым, в нем был гнет и несправедливость, но

психологически и морально это не было буржуазное царство и оно противопоставляло себя буржуазным царствам Запада. В этом своеобразном царстве политический деспотизм соединялся с большой свободой и широтой жизни, свободой быта, нравов, с отсутствием перегородок и давящего нормативизма, законничества. Это определялось основной устремленностью русской природы к бесконечности и безгранности. Ограниченность, раздельность, малость не свойственны были русскому царству, русской природе и русскому характеру. Мы увидим, что Россия не пережила ренессанса и гуманизма в европейском смысле слова. Но на вершинах своей мысли и творчества она пережила кризис гуманизма острее, чем на Западе. Русский гуманизм был христианским, он был основан на человеколюбии, милосердии, жалости, даже у тех, которые в сознании отступали от христианства. Весь петровский, императорский период существовал конфликт между Святой Русью и империей. Славянофильство было идеологическим выражением этого конфликта. В XIX веке конфликт принял новые формы - столкнулась Русь ищущая социальной правды, царства правды с империей, искавшей силы.

ГЛАВА 1 ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ЕЕ ХАРАКТЕР СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ЗАПАДНИЧЕСТВО

1

Чтобы понять источники русского коммунизма и уяснить себе характер русской революции, нужно знать, что представляет собой то своеобразное явление, которое в России именуется "интеллигенция". Западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuals*. *Intellectuals* - это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и пр. Совершенно другое образование представляет собой русская интеллигенция, к которой могли принадлежать люди не занимающиеся интеллектуальным трудом и вообще не особенно интеллектуальные. И многие русские ученые и писатели совсем не могли быть причислены к интеллигенции в точном смысле слова. Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой морально, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями, и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличать его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями и притом идеями социального характера. Во вторую половину XIX века слой, который именуется просто культурным, переходит в новый тип, получающий наименование интеллигенции. Этот тип имеет свои характерные черты, свойственные всем его настоящим представителям. В интеллигенции были типические русские черты и совершенно ошибочно то мнение, которое видело в интеллигенции денационализацию и потерю всякой связи с русской почвой. Достоевский отлично понимал русский характер интеллигента-революционера и назвал его "великим скитальцем русской земли", хотя он и не любил революционных идей.

Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, но эта беспочвенность была характерно русской. Интеллигенция всегда была увлечена какими-либо идеями, преимущественно социальными, и отдавалась им беззаветно. Она обладала способностью жить исключительно идеями. По условиям русского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела, и это очень способствовало развитию в ней социальной мечтательности. В России самодержавной и крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу. Литературные критики были властителями дум социальных и политических. Интеллигенция приняла раскольничий характер, что так свойственно русским. Она жила в расколе с окружающей действительностью, которую считала злой, и в ней выработалась фанатическая раскольничья мораль. Крайняя идейная нетерпимость русской интеллигенции была самозащитой; только таким путем она

могла сохраниться во враждебном мире, только благодаря своему идейному фанатизму она могла выдержать преследования и удержать свои черты. Для русской интеллигенции, в которой преобладали социальные мотивы и революционные настроения, которая породила тип человека, единственной специальностью которого была революция, характерен был крайний догматизм, к которому искони склонны были русские. Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. Но усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения. Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смещениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души. У русской радикальной интеллигенции выработалось идолопоклонническое отношение к самой науке. Когда русский интеллигент делался дарвинистом, то дарвинизм был для него не биологической теорией, подлежащей спору, а догматом, и ко всякому не принимавшему этого догмата, например, к стороннику ламаркизма, возникало морально подозрительное отношение. Самый крупный русский философ XIX века, Вл. Соловьев сказал, что русские нигилисты исповедывали веру, основанную на странном силлогизме: человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга. Тоталитарно и догматически были восприняты и пережиты русской интеллигенцией сенсимонизм, фурьеризм, гегелианство, материализм, марксизм, марксизм в особенности. Русские вообще плохо понимают значение относительного, ступенность исторического процесса, дифференциацию разных сфер культуры. С этим связан русский максимализм. Русская душа стремиться к целостности, она не мирится с разделением всего по категориям, она стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта. Но она легко совершает смешение, принимает относительное за абсолютное, частное за универсальное, и тогда она впадает в идолопоклонство. Именно русской душе свойственно переключение религиозной энергии на нерелигиозные предметы, на относительную и частную сферу науки или социальной жизни. Этим очень многое объясняется.

Уже в XVIII веке начал зарождаться тип русской интеллигенции. Первым русским интеллигентом был Радищев, автор "Путешествия из Петербурга в Москву". Слова Радищева: "душа моя страданиями человеческими уязвлена была" конструировала тип русской интеллигенции. Радищев был воспитан на французской философии XVIII века, на Вольтере, Дидро, Руссо. Но он не был антирелигиозного направления, как многие "вольтерианцы" того времени. Французские идеи преломились в русской душе прежде всего как сострадательность и человеколюбие. Радищев не мог вынести крепостного права, унижений и страданий народа. Во время появления книги Радищева Екатерина II была уже охвачена реакционными настроениями. Радищев был арестован, приговорен за свою книгу к смертной казни с заменой каторжной тюрьмой. Также был арестован и заключен в Петропавловскую крепость видный деятель русского просвещения XVIII века Новиков, мистик-масон, христианин и человек очень умеренных политических взглядов. Так встречено было образование русской интеллигенции русской властью. Первые шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, а не революции, сопровождалась жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой.. Радищев имел для своего времени довольно смелые и радикальные взгляды и был одним из предшественников революционной интеллигенции и русского социализма. Но в XVIII веке русская мысль не была еще оригинальной. Только XIX век будет веком оригинальной мысли, веком самосознания. Но он же будет веком внутренней революции. Само сознание было у нас восстанием против окружающей действительности, против императорской России. Просвещение разрушило старую веру в православное царство и искание царства приняло иное направление, по иному была осознана русская миссия.

Необычайно было одиночество русских культурных и свободолюбивых людей первой половины XIX века³. Были культурные люди, но не было культурной среды. Люди того времени жалуются, что они окружены тьмой, что их никто не понимает и никто им не сочувствует. Масса русского дворянства и чиновничества была очень некультурна, невежественна, лишена всяких высших интересов. Это и была та "чернь", о которой говорил Пушкин. Образ Чацкого в "Горе от

³ См. книгу М. Гершензона "Молодая Россия"

ума" изображает это одиночество лучших, наиболее умных и культурных людей того времени. В начале XIX века в эпоху Александра I Россия пережила культурный ренессанс. То был золотой век русской поэзии, эпоха мистических течений и движения декабристов. Сам Александр I был царь-интеллигент, всю жизнь искавший правды, в молодости враг самодержавия и крепостного права, но человек раздвоенный и не сильный.

Ренессанс той эпохи происходил в очень маленьком и тонком слое дворянства. Культурные и ищущие правды люди должны были жить небольшими группами и содружествами. Массонство, мистически окрашенное, было очень распространено в Александровскую эпоху и играло большую воспитательную роль. Массонство было первой формой самоорганизации общества. В эту форму выливалась наиболее напряженная духовная жизнь того времени. Начало XIX века было эпохой разрыхления русской души. Она стала восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям. Это была эпоха универсализма, эпоха интерконфессиональных христианских объединений. И тогда начала образовываться русская всечеловечность характерная для XIX века. Через наполеоновские войны Россия пришла в непосредственное взаимодействие с Западом. Русское офицерство побывало в Европе и возвратилось с расширенным кругозором. Сам Александр I был русским "всецеловеком". Он видался с Овеном и говорил с ним о новом социальном устройении, он молился вместе с квакерами. Но это не помешало тому, что конец его царствования ознаменовался мрачной реакцией. Русская душа готовилась к XIX веку, но не было целостности и единства в русской жизни. Была пропасть между верхним культурным слоем русского дворянства, который тогда служил в гвардии, и средней массой дворянства. В этом верхнем слое были духовные и литературные движения, в нем подготавливалось движение декабристов, направленное к освобождению от самодержавия и крепостного права. Но все происходило в таком маленьком и социально уединенном слое, что не могло существенно изменить русской жизни. Восстание декабристов, которое свидетельствует о бескорыстии лучшей части русского дворянства, было обречено на неуспех и было жестоко раздавлено. Главные деятели декабристского движения были казнены или сосланы в Сибирь Николаем I. Большая часть декабристов держалась умеренных и даже монархических взглядов. Но Пестель, представлявший крайнее левое крыло декабристов, автор "Русской Правды", может быть назван первым русским социалистом, социалистом до социалистов, как выразился Герцен. В нем обнаружилась уже та воля к власти и к насилию, которая в XX веке обнаружилась у коммунистов. Но социализм Пестеля был, конечно, по условиям того времени, аграрным. Пестель был республиканцем, сторонником народовластия и в тоже время централистом. Он не был либералом и склонен был к деспотизму. Но в то же время, когда происходило движение декабристов, огромная масса русского дворянства была темной, ленивой и вела бессмысленную жизнь. Средний русский дворянин сначала служил в гвардии, скоро выходил в отставку и поселялся в деревне, где ничего не делал и проявлял себя всякими самодурными выходками и мелочным деспотизмом. Это было величайшей неудачей петровской эпохи. Эта эпоха создала тип "лишних людей", создала или Рудиных или Обломовых. И лучшими были те "лишние люди", которые мучительно сознавали свою лишность, как некоторые герои Тургенева. Только в одном Пушкине, единственном ренессансном русском человеке, блеснула возможность иного отношения к жизни. Пушкин как бы соединил в себе сознание интеллигенции и сознание империи. Он писал революционные стихи и он же был поэтом русской великодержавности. После подавления восстания декабристов, после воцарения Николая I все пошло путем нарастания раскола и революции. Русская интеллигенция окончательно оформилась в раскольничий тип. Она всегда будет говорить про себя "мы", про государство, про власть - "они". Русский культурный слой оказался над бездной, раздавленным двумя основными силами - самодержавной монархией сверху и темной массой крестьянства снизу.

Русская мысль, беспочвенная и бунтующая, была в XIX веке внутренне свободной и дерзновенной, не связанной тяжелым прошлым с традицией, внешне же стесненной и часто гонимой. Невозможность по политическим условиям непосредственного социального дела привела к тому, что вся активность перешла в литературу и мысль, где все вопросы ставились и решались очень радикально. Выработалась безграничная социальная мечтательность, не связанная с реальной действительностью. Русские были сен-симонистами, фурьеристами, прудонистами, когда в России было еще крепостное право и самодержавная монархия. Они были самыми крайними, тоталитарными гегельянцами и шеллингянцами, когда в России не было еще никакой философской культуры и философская мысль была на подозрении. Русские культурные люди полюбили

бесконечные, ведшиеся по целым ночам разговоры и споры о мировых вопросах в небольших кружках, в салонах 30-х и 40-х годов. Первое пробуждение самостоятельной мысли и самосознания XIX века произошло в Чаадаеве, человеке исключительно одаренном, но почти ничего не написавшем. Он был ленив, как и все русские бары. Его необычайно острые и сильные мысли выразились в одном "философическом письме". Это целая философия истории. Историческая тема - основная в русской мысли XIX века. Самостоятельная русская мысль прежде всего задумалась над тем, в чем задача России и особенность ее пути, Восток ли она или Запад. Первый русский историк Чаадаев был офицером лейб-гвардии гусарского полка в отставке, подобно тому, как первый самостоятельный и самый замечательный русский богослов Хомяков был офицером лейб-гвардии конного полка. Философия истории Чаадаева была восстанием против русской истории, против русского прошлого и русского настоящего. Дело Петра пробудило русскую мысль и русское творчество. Герцен сказал, что на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина. К этому надо прибавить, что он ответил явлением западнической и славянофильской мысли. Вся русская мысль XIX века, занятая общими вопросами мирозерцания, была западнической или славянофильской, т.е. решала проблему о том, должна ли быть Россия Западом или Востоком, нужно ли идти путем Петра или вернуться к до-петровской, московской Руси.

Чаадаев выступил решительным западником и западничество его было криком патриотической боли. Он был типичным русским человеком XIX века верхнего культурного слоя. Его отрицание России, русской истории - типическое русское отрицание. Его западничество было религиозным, в отличие от последующих форм западничества, он очень сочувствовал католичеству, видел в нем активную, организующую и объединяющую силу всемирной истории и в нем видел спасение и для России. Русская история представлялась ему лишенной смысла и связи, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу - отражение той потери культурного стиля и единства, которая характерна для Петровской эпохи.

Россию Чаадаев считает уроком и предостережением для других народов. Власть увидела в Чаадаеве революционера. Но в действительности он был близок по своим идеям к де-Местру, Бональду и Шеллингу, с которыми он переписывался и который был о нем высокого мнения. Культурно рафинированный Чаадаев не мог примириться с тем, что он обречен жить в некультурном обществе, в деспотическом государстве, которое держит в тисках темный народ, не просвещая его. Чаадаев высказал мысль, которую нужно считать основной для русского самосознания, он говорит о потенциальности, непроявленности русского народа. Эта мысль могла казаться осуждением русского народа, поскольку она обращена к прошлому, - русский народ ничего великого в истории не сотворил, не выполнил никакой высокой миссии. Но она же может превратиться в великую надежду, в веру в будущее русского народа, когда она обращена к будущему, - русский народ призван осуществить великую миссию. Именно на этой потенциальности и отсталости русского народа весь XIX век будет основывать надежду на то, что русский народ призван разрешить вопросы, которые трудно разрешить Западу, вследствие его отягченности прошлым, - например, вопрос социальный. Так было и у Чаадаева. Русское правительство ответило на первое творческое пробуждение русской мысли объявлением Чаадаева сумасшедшим, он был подвергнут медицинскому освидетельствованию. Чаадаев был этим подавлен и умолк. Потом он пишет "Апологию сумасшедшего" и в ней высказывает характерные для русского сознания мысли о русском мессианстве. Одно дело суд над прошлым, другое дело надежда на будущее. Именно в силу своей потенциальности, сохраненности в нем огромных, непочатых сил, русский народ призван сказать свое оригинальное слово миру, исполнить великую миссию. В Чаадаеве заключены были уже многие основоположные русские мысли. В своем расколе с современностью, в своем протесте против неправд русской жизни русские культурные люди пробовали обратиться к католичеству и в нем искать спасения. В этом отношении характерна фигура Печорина, который эмигрирует и делается католическим монахом. Он соединяет католичество с утопическим социализмом. В этот период пытались христиански обосновать социализм, увлекались Ламенэ, интеллигенция была еще религиозно настроена. Печорин писал в одном своем стихотворении.

"Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья".

Типически русские слова, слова отчаяния, за которыми скрыта любовь к России. На Западе, будучи католическим монахом, Печорин тосковал по России и верил, что Россия несет с собой новый цикл мировой истории.

Основным западным влиянием, через которое в значительной степени определилась русская мысль и русская культура XIX века, было влияние Шеллинга и Гегеля, которые стали почти русскими мыслителями. Это влияние не означало рабского подражания, как влияние вольтерианства XVIII века. Германская мысль воспринималась активно и перерабатывалась в русский тип мысли. Это особенно нужно сказать про славянофилов, у которых влияние Шеллинга и Гегеля также оплодотворило богословскую мысль, как некогда влияние Платона и неоплатонизма оплодотворило богословскую мысль восточных учителей церкви. Хомяков создает оригинальное православное богословие, в которое входят переработанные мотивы германского идеализма. Подобно немецким романтикам, русская мысль стремится к целостности и делает это более последовательно и радикально, чем романтики, которые сами утратили целостность. Целостность христианского Востока противопоставляется рационалистической раздробленности и рассеченности Запада. Это впервые было сформулировано И.Киреевским и стало основным русским мотивом, вкорененном в глубинах русского характера. Русские коммунисты-атеисты утверждают целостность, тоталитарность не менее православных славянофилов. Психологически русская ортодоксальность и есть целостность, тоталитарность. Русские западники, которым чужд был религиозный тип славянофилов, увлеклись гегелианством, которое было для них столь же тоталитарной системой мысли и жизни, охватывающей решительно все. Когда Белинский или Бакунин были гегелианцами, они были именно такими гегельянцами. Русский молодой человек, принадлежавший к поколению идеалистов 30-х и 40-х годов, исповедывал тоталитарное шеллингианство или тоталитарное гегелианство в отношении ко всей жизни, не только жизни мысли и жизни социальной, но и жизни личной, в отношении любви или чувства природы. Белинский, революционер по натуре и темпераменту, положивший основания русскому революционно-социалистическому мирозерцанию, одно время стал консерватором из-за увлечения философией Гегеля. Он считал себя обязанным принять разумом, что все действительно разумно.

Творческая оригинальность религиозной и философской мысли обнаружилась у славянофилов. Они обосновывали миссию России, отличную от миссии народов Запада. Оригинальность славянофилов связана была с тем, что они пытались осмыслить своеобразие восточного, православного типа христианства, легшего в основу русской истории. Хотя славянофилы искали органических основ и путей, но они были также раскольниками, жили в разрыве с окружающей действительностью, Они отрицали императорскую, петровскую Россию, они не чувствовали себя дома в действительности Николая I, и власть относилась к ним подозрительно и враждебно, несмотря на их православие и монархизм. Не было ничего общего между системой официальной народности или официального национализма, выработанной в эпоху Николая I и ставшей идеологией власти, и славянофильским пониманием народности.. Система официальной народности была основана на трех принципах - православие, самодержавие и народность, и система славянофильская признавала эти же три принципа. Но дух был противоположный. Совершенно ясно было, что для системы официальной народности примат принадлежал принципу самодержавия, православие же и народность были ему подчинены. Ясно также, что народность была сомнительна и претерпела влияние худших сторон западного государственного абсолютизма. Николай I был типом прусского офицера. Православие же было не духовное, внешне-государственное и превращенное в средство. Совсем иной смысл принципы эти имели у славянофилов. Прежде всего они признавали абсолютный примат религиозного начала и искали православия очищенного, не искаженного и не извращенного историческими влияниями. Также стремились они к выявлению подлинной народности, народной души. Они видели образ русского народа освобожденным от искажений, которые они приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму. К государству у них было совсем иное отношение, чем в системе официальной народности. Славянофилы - антигосударственники, у них есть даже сильный анархический элемент, они считали государство злом и власть считали грехом. Они защищали монархию на том основании, что лучше, чтобы один человек был замаран властью, всегда греховной и грязной, чем весь народ⁴. Царь не имеет права на власть, как никто не имеет. Но он обязан нести тяготу власти, которую возложил на него народ. Русский народ славянофилы считали не государственным, Русский народ имеет

⁴ Особенно силен анархический элемент у К.Аксакова.

призвание религиозное, духовное и хочет быть свободен от государственного для осуществления этого призвания. Эта теория противоречит, конечно, тому факту, что русский народ создал величайшее в мире государство, и означала разрыв с традициями не только Петра, но и великих князей московских. Но славянофилы выразили тут один из полюсов русского сознания, характерную черту интеллигенции XIX века и всей русской литературы. Славянофилы были основоположниками того народничества, которое столь характерно для русской мысли XIX века и потом приняло религиозные формы. Славянофилы верили в народ, в народную правду и народ был для них прежде всего мужики, сохранившие православную веру и национальный уклад жизни. Славянофилы были горячими защитниками общины, которую считали органическим и оригинально русским укладом хозяйственной жизни крестьянства, как думали все народники. Они были решительными противниками понятий римского права собственности. Не считали собственность священной и абсолютной, собственника же считали лишь управляющим. Они отрицали западную буржуазную, капиталистическую цивилизацию. И если они думали, что Запад гниет, то потому, что он вступил на путь этой буржуазной цивилизации, что в нем раскололась целостность жизни. Славянофилы уже предвосхитили то различие между культурой и цивилизацией, которые на Западе стало популярно со времен Шпенглера. Несмотря на консервативный элемент своего мирозерцания, славянофилы были горячими защитниками свободы личности, свободы совести, мысли, слова и своеобразными демократами, признавали принцип верховенства народа. Хомяков в своих стихах обличал исторические грехи России, не только петровской, но и до-петровской России и был даже более резок, чем западники.

Славянофилы и западники были враги-друзья. Герцен сказал: "мы подобны двуликому Янусу, у нас одна любовь к России, но не одинаковая". Для одних Россия была, прежде всего, мать, для других - дитя. Славянофилы и западники 30-х и 40-х годов принадлежала к одному кругу, спорили в одних и тех же салонах, которые видели битвы Герцена и Хомякова. Лишь позже они окончательно разошлись. Нетерпимый Белинский не хотел уже встречаться со своим другом К.Аксаковым. Лучшие, наиболее культурные и мыслящие русские люди XIX века не жили в настоящем, которое было для них отвратительно, они жили в будущем или прошлом. Одни, славянофилы, мечтали об идеальной допетровской Руси, другие, западники, мечтали об идеальном Западе. Но и консервативное обращение славянофилов к далекому прошлому было лишь утопией совершенного строя, совершенной жизни, так же как было обращение западников к Западу, который они плохо знали. Западники часто бывали просветителями, цивилизаторами и это наименее интересный тип. Более интересен тип западника, подвергший русской переработке западные, по преимуществу французские, социальные учения. Если в России тоталитарно, целостно и максималистически воспринялись гегелианство и шеллингианство, то столь же тоталитарно, целостно и максималистически воспринимались сен-симонизм и фурьеризм. В лагере западников радикального крыла сильны были влияния французского социализма и французской литературы, особенно Жорж Занд. Жорж Занд имела колоссальное влияние на выработку эмоциональной жизни в русском культурном строе, на выработку русского отношения к свободе и искренности чувства, русского протеста против насилия, условности и неискренности в чувствах. План же осуществления социальной правды вырабатывался по Сен-Симону и Фурье. И, конечно, сами французы не знали такого увлечения этими идеями.

В конце 40-х годов у русского помещика Петрашевского собирался на дому кружок, который обсуждал социальные вопросы, план нового и лучшего устройства человечества. Большая часть кружка были фурьеристы или сен-симонисты. Идеи были самые радикальные в смысле переустройства человечества, но характер бесед самый мирный и безобидный⁵. Никакой революционной деятельностью петрашевцы не занимались, - в те времена революционной деятельности в России не было и не могло быть, - все происходило в сфере мысли. Более всего, конечно, хотели освобождения крестьян. Утопический социализм членов кружка был идиллический. Устанавливают три стадии в развитии в России социалистических идей: стадию социализма утопического, социализма народнического и социализма научного или марксистского. Петрашевский был очень типичен для русского помещика, воспламенившегося утопическими социалистическими идеями. Он сказал: "не находя ничего достойным своей привязанности - ни из женщин, ни из мужчин - я обрек себя на служение человечеству". Тут выражено очень характерное для русской

⁵ См. П.Сакулин: "Русская литература и социализм". 1922.

революционной интеллигенции настроение - любовь к "дальному", а не любовь к "ближнему". Петрашевский устремлен к дальнему, к счастью человечества. Он верит в счастье человечества. Наивный утопизм Петрашевского выразился в том, что он устроил в своем имении для крестьян фаланстер по Фурью. Но крестьяне подожгли этот фаланстер.. Это факт символический. Так крестьяне в 70-х годах не примут социалистической интеллигенции, которая пойдет в народ для самоотверженного служения ему. Петрашевский даже утверждал на допросе, что фаланстеры вполне возможны в крепостнической и самодержавной России. Мнение характерное для утопической стадии социализма.

Из кружка петрашевцев крайнее, революционное направление представлено было Н.Спешневым, который по-видимому послужил Достоевскому поводом к созданию образа Ставрогина в "Бесах". Спешнев был атеистом, коммунистом и даже был близок к марксизму. В кружке петрашевцев принимал участие Достоевский, хотя он был наиболее скептиком отношении возможности осуществления социальной утопии Фурью. Мирные собрания кружка петрашевцев кончились также печально, как и все печально кончалось в то время в России. Все члены кружка были арестованы и 21 человек были приговорены к смертной казни с заменой каторгой. В их числе был Достоевский, которому пришлось пережить минуты приговоренного к расстрелу.

Дело петрашевцев не могло не укрепить революционных настроений русской интеллигенции. Русский социализм дальше не будет столь идиллическим. Появятся образы Нечаева и Ткачева. Очень интересно отметить, что первые марксисты в мире были русские. Русский марксизм, как движение, возник лишь во вторую половину 80-х годов. Но отдельные русские марксисты были уже в конце 40-х годов в Париже. Так степной помещик Н.И.Сазонов был в конце 40-х годов в Париже первым русским марксистом и может быть вообще одним из первых учеников Маркса⁶. Маркс, который вообще не любил России и русских, с удивлением пишет из Парижа, что у него появились последователи среди русских степных помещиков. У него было некоторое недоверие к этим слишком ранним марксистам. Марксу потом пришлось пережить большие неприятности с Бакуниным и выдержать с ним борьбу за I Интернационал, хотя, по-видимому, Бакунин изначально повлиял на марксовскую концепцию миссии пролетариата⁷. Во всяком случае очень характерна для нашей темы русская способность к беззаветному увлечению социальными идеями. К социализму весь XIX век у русских была, непреодолимая склонность. И все подготавливало у нас увлечение коммунизмом. Огромный интерес в истории русского самосознания, русской национальной идеи и русской социальной идеи представляет судьба Герцена.

3

Герцен был западником, спорил со славянофилами в салонах 40-х годов. Хотя он тоже прошел через гегелианство, но скоро перешел к Фейербаху. Основным влиянием на него было не влияние немецкое, а влияние французской социалистической литературы. Социалистическое миросозерцание Герцена выработалось под влиянием французских социалистов. Возникший тогда немецкий социализм, т.е. марксизм, был ему чужд. Герцен был из тех русских западников, которые страстно мечтали о Западе и идеализировали его. Герцен эмигрировал, был одним из первых русских эмигрантов. Он попал на Запад в атмосферу революции 48-го года; он сначала увлекся этой революцией и возлагал на нее большие надежды. Но Герцену суждено было пережить жгучие разочарования в последствиях революции 48 г., в Западе и западных людях вообще. Увлечение Герцена Западом было типически русским и типически русским было и разочарование Герцена в Западе. После него многие русские пережили аналогичное разочарование. Герцен был поражен и ранен мещанством Запада. Он увидел этот мещанский, мелкобуржуазный дух и в социалистах. Он один из первых увидел возможность социалистической буржуазности. Образ рыцаря заменился образом мещанина-лавочника. Обличение буржуазности Запада - традиционно-русский мотив. Это выражали в других терминах и славянофилы. Реакционер К.Леонтьев будет так же восставать против мещанства Запада, как и революционер Герцен.

Герцен, в отличие от других представителей левого лагеря, не исповедывал оптимистической теории прогресса, наоборот, он защищает пессимистическую философию истории, он не верит в разумность и благость исторического процесса, идущего к осуществлению верховного блага. Это

⁶ См. ту же книгу Сакулина.

⁷ См. интересную книгу Cornu: "Karl Marx, L'homme et l'œuvre", 1834.

оригинально и интересно у Герцена. Верховной ценностью он признает человеческую личность, которая раздавлена историческим прогрессом. Он кладет основание своеобразному русскому индивидуалистическому социализму, который в 70-ые годы будет представлен Н. Михайловским. Индивидуализм социалистический противоположен индивидуализму буржуазному. Герцен не видит сил, которые в Западной Европе могли бы противостоять царству мещанства. Западно-европейский рабочий сам мещанин и от мещанства спасти не может. Эмигрант Герцен, лишенный до самой смерти возможности физически вернуться на родину, духовно возвращается на родину. Как ни ужасен самодержавный режим Николая I, крепостное право, невежество, но именно в России, в русском народе скрыта потенция новой, лучшей, не мещанской, не буржуазной жизни. Герцен видит эти потенции в русском мужике, в сером мужицком тулупе, в крестьянской общине. В русском крестьянском мире скрыта возможность гармонического сочетания принципа личности и принципа общинности, социальности. Герцен был гуманист-скептик, ему были чужды религиозные верования. Вера в русский народ, в правду заключенную в мужике, есть для него последний якорь спасения. Герцен делается одним из основоположников русского народничества, своеобразного русского явления. В лице Герцена русское западничество сблизилось с некоторыми чертами славянофильства. В западническом лагере произошел раскол на народников-социалистов и либералов. Герцен и народники-социалисты верили в особые пути России, в ее призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма. Западники либералы думали, что Россия должна идти тем же путем, что и Западная Европа. Народники отрицательно относились к политике, они думали, что политика толкнет Россию по банальному западному пути развития, они признавали примат социального над политическим. Это характерно русский мотив. Герцен, Бакунин, даже такие зловещие революционеры, как Нечаев и Ткачев, в каком-то смысле ближе к русской идее, чем западники, просветители и либералы. Воинствующий атеизм русских революционных, социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой. Очень важно отметить, что либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли. Деятели либеральных реформ 60-х годов имели, конечно, значение, но их либерализм был исключительно практическим и деловым, часто чиновничьим, они не представляли собой никакой идеологии, в которой всегда нуждалась русская интеллигенция.

ГЛАВА II РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ И НИГИЛИЗМ

1

Хотя Белинский был человеком 40-х годов, принадлежал к поколению славянофилов и западников, но он может быть первый выразил тип революционной интеллигенции и в конце своей жизни формулировал основные принципы ее мирозерцания, которые потом развивались в 60 и 70 годы. Прежде всего Белинский не был русский барин, как все славянофилы и западники, как Герцен и Бакунин, он принадлежал к другому социальному слою, он разночинец. По душевной своей структуре он имел в себе типически интеллигентские черты, он был нетерпимым фанатиком, склонен к сектантству, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал себе мировоззрение не из потребности чистого знания, а для обоснования своих стремлений к лучшему, более справедливому социальному строю. Белинский был человеком исключительных дарований и исключительной восприимчивости к идеям, но уровень его образования был не высокий, он почти не знал иностранных языков и знакомился с идеями, которыми был увлечен, из вторых рук. С Гегелем он знакомился, главным образом, через рассказы Бакунина. Белинский прошел через все стадии идейных увлечений культурного русского слоя того времени. Он по очереди был фихтеанцем, шеллингианцем, гегелианцем, потом перешел к фейрбахианству, отрицал влияние французской литературы и французской социалистической мысли. Он был, прежде всего, замечательным литературным критиком, первый оценил Пушкина и Гоголя и начало творчества наших великих романистов. Сам он обладал художественной восприимчивостью и был способен к эстетическим суждениям, но он стал родоначальником того типа публицистической, общественной критики, которой суждено было сыграть огромную роль в истории интеллигентского сознания. У Белинского было

характерно русское искание целостного мирозерцания, которое дает ответ на все вопросы жизни, соединяет теоретический и практический разум, философски обосновывает социальный идеал. Целостная правда, как потом выразился Н. Михайловский, тоже вышедший из Белинского, есть правда-истина и правда-справедливость. Та же идея целостности, тоталитарности потом будет у Н. Федорова на религиозной почве и в марксизме-ленинизме. Русские критики-публицисты всегда будут проповедовать целостное мирозерцание, всегда будут объединять истину и справедливость, всегда будут учителями жизни. Белинский был первым, наиболее одаренным представителем этого типа. Он уже утверждает социальную роль литературного критика. Русская социальная мысль скрывалась под формой литературной критики, потому что по цензурным условиям она не могла себя иначе выразить.

В идейной эволюции и революции, которую пережил Белинский, наиболее интересен и важен кризис гегелианства⁸. Русская мысль пережила два кризиса гегелианства, у Хомякова кризис религиозный, у Белинского кризис социальный. Основной вопрос, который интересовал русских людей 40-х годов, увлекавшихся Гегелем, был вопрос об отношении к "действительности". Мысль Гегеля о разумности действительности, которая у самого Гегеля имела панлогистический смысл и означала признание подлинно действительным лишь разумного, в России была пережита очень напряженно и мучительно, но была неверно истолкована. Известно, что Гегеля можно понимать консервативно и революционно, - он породил правое и левое течение, он был философом прусского государства, в котором видел воплощение абсолютного духа, и он же через диалектику внес революционную динамику в мышление, породил Маркса.

Русские гегелианцы 40-х годов сначала поняли Гегеля консервативно и истолковали мысль о "разумности действительности" в том смысле, что нужно примириться с окружающей действительностью, действительностью николаевской эпохи и увидеть в ней разум. Такой момент консервативного гегелианства пережили Белинский и Бакунин, люди революционного темперамента, которые потом пришли к революционному мирозерцанию. Русские романтики-идеалисты 40-х годов бежали от социальной действительности в мир мысли, фантазии, литературы, в отраженный мир идей. Они страдали от уродства и неправды действительности, но бессильны были ее переделать. Разлад с действительностью делал русских людей бездейственными, выработал тип "лишних людей". Они не могли принять действительности не для примирения с ней, а для борьбы с ней. Но в гегелианстве заключалась возможность обращения к действительности, которое может получить двойной смысл. Тождество бытия и мышления есть не только перенесение бытия в мышление, но и перенесение мышления в бытие. У Белинского в конце 40-х годов в последний его период произошло бурное и страстное обращение к социальной действительности, но не для примирения, а для борьбы. Борьба предполагает обращение к действительности, к реальности. Мечтательное отношение к жизни делает невозможной борьбу. Но у Белинского это принимает форму кризиса гегелианства, с которым вся левая, революционная русская мысль порывает до возникновения русского марксизма, который вновь обратился к Гегелю, но понял его диалектику революционно. В последний период Белинский приходит к революционному социализму и воинствующему атеизму. Это нашло себе выражение в замечательных письмах к Бакунину, которые в старой России не могли быть напечатаны. Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой, человеческой личности, а борьба за живую человеческую личность превратилась в борьбу за социалистическое устройство общества. Так формулировалась характерная русская идея индивидуалистического социализма.

Белинский прежде всего с обычной своей страстностью восстает против отвлеченного идеализма, далекого от конкретной жизни, который приносит в жертву мировому духу, общему - индивидуальное, живую человеческую личность. "Судьба субъекта, индивидуума, личности, - пишет Белинский, - важнее судьбы всего мира и здоровья китайского императора (т.е. Гегелевской *Allgemeinheit*)", "Кланяюсь Вашему философскому колпаку,- обращается Белинский к Гегелю, - но со всем подобающим Вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, - я и там попросил бы отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови, - костей от костей

⁸ См. "Социализм Белинского". Статьи и письма. Редакция в комментарии П. Сакулина. 1925 г. В этой книге собраны замечательные письма Белинского к Боткину.

моих и плоти от плоти моей. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии".

Это очень важные для последующей русской проблематики слова. Тут поставлена проблема теодицеи, проблема оправдания страдания, которая есть основная русская проблема и источник русского атеизма, проблема цены прогресса, которая будет играть большую роль в социальной мысли 80-х годов. Белинский предвосхищает Достоевского, им была уже пережита проблема Ивана Карамазова о слезинке ребенка, в нем зачалась диалектика Достоевского в "Легенде о Великом Инквизиторе". Иногда кажется, что в мыслях Ивана Карамазова Достоевский имел в виду Белинского, которого он хорошо знал лично и с которым много спорил. Белинский переживает отчаяние и ожесточение после разочарования в идеализме. Он делается революционером, атеистом и социалистом. Очень важно, что в Белинском русский революционный социализм эмоционально соединяется, с атеизмом. Истоком этого атеизма было сострадание к людям, невозможность примириться с идеей Бога в виду непомерного зла и страданий жизни. Это атеизм из морального пафоса, из любви к добру и справедливости. Достоевский будет раскрывать эту своеобразную религиозную психологию и идейную диалектику. Из сострадания к человеку, из бунта против общего (идеи, разума, духа, Бога), давившего живого человека, Белинский делается социалистом. Он есть замечательное свидетельство о морально-психологических истоках русского социализма. Бунт против общего во имя личности переходит у него в борьбу за новое общее, за человечество, за его социальную организацию. Белинский не замечает, что, отвергнув все "общее", раньше давившее людей, он быстро подчиняет личность новому "общему". И ему представляется, что это новое "общее", которому он поклоняется - так как русский человек не может не поклоняться чему-либо - он утверждает во имя личности. То же самое будет происходить в 60-ые годы. "Социальность, социальность - или смерть! восклицает Белинский. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность. "Отрицание - мой бог".

В России в конце 40-х годов был уже тот же диалектический процесс мысли, который в Германии происходил в левом гегелианстве, у Фейербаха и Маркса. Происходит разрыв с отвлеченным идеализмом и переход к конкретной действительности. Белинский проникается, по его собственным словам, Маратовской любовью к человечеству. "Страшный я человек, пишет Белинский, когда в мою голову забивается какая-нибудь мистическая нелепость". Таков вообще русский человек, в его голову часто "забивается какая-нибудь мистическая нелепость". Очень замечательны эти слова Белинского. Из сострадания к людям Белинский готов проповедовать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. Белинский предшественник большевистской морали. Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости. Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных.

Белинский начинает утверждать, что русский народ - атеистический народ, но он еще сохраняет любовь ко Христу бедных и несчастных. Белинский пишет свое полное негодование письмо к Гоголю по поводу его книги "Переписка с друзьями". Письмо это, конечно, не могло быть напечатано и ходило по рукам. Белинский клеймил Гоголя предателем, проповедником рабства. Он был религиозно неправ, но социально прав. Белинский - центральная фигура в истории русской мысли и самосознания XIX века. И он более других должен быть поставлен в идейную генеалогию русского коммунизма, как один из его предшественников, гораздо более, чем Герцен и др. люди 40-х и даже 60-х годов. Он близок к коммунизму не только по своему моральному сознанию, но и по социальным взглядам. Он не типичен для народничества, он признает положительное значение индустриального развития и даже готов признать значение буржуазии, которой терпеть не может, совсем как впоследствии русские марксисты.

По Белинскому можно изучать внутренние мотивы, породившие мирозозерцание русской революционной интеллигенции, которое будет долгое время господствовать и в конце концов породит русский коммунизм, но уже в иной исторической обстановке, Мотивы эти, нужно видеть прежде всего в страстном, негодующем протесте против зла, несчастий и страданий жизни, в сострадании к несчастным, обездоленным, угнетенным. Но русские из жалости, сострадания, из невозможности выносить страдание делались атеистами. Они делаются атеистами, потому что не могут принять Творца сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир.. Они сами хотят

создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий. В русском атеизме были мотивы родственные Маркиону. Но Маркион думал, что Творец мира есть злой бог, русские же атеисты в иной умственный век думали, что Бога совсем нет, и, если, бы он был, что он был бы злым Богом. Этот мотив был у Белинского. Бакунин производит впечатление богоборца с мотивизацией родственной маркионизму. В Ленине это находит свое завершение. В первоисточках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилось в новую бесчеловечность. Это было предвидено Достоевским.

Две интенции сознания можно увидеть у Белинского. Он прежде всего обращает внимание на живую человеческую личность, на переживаемые ею страдания, прежде всего хочет утвердить ее достоинство и право на полноту жизни. Он восстает против "общего", против мирового духа, против идеализма во имя этой живой человеческой личности. Но направленность его внимания очень быстро меняется и личность поглощается социальным целым, обществом. Общество, новое общество, которое может быть создано лишь путем революции, может избавить человеческую личность от нестерпимых страданий и унижений. Большая часть общества, составляющая "народ", претерпевает эти несправедливые страдания и унижения. Но исключительная направленность сознания на общество и на необходимость его радикального изменения приведет к забвению самой человеческой личности, полноты ее жизни, ее права на духовное содержание жизни. Проблема общества окончательно подменяет проблему человека. Революция низвергает "общее", давившее человеческую личность, но она подавляет его новым "общим", обществом, которое требует себе полного подчинения человека. Это есть роковая диалектика в развитии революционно-социалистической и атеистической мысли. Русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде. Белинский был уже проникнут сектантским духом, который так характерен для русской революционной интеллигенции.

Белинского нельзя назвать в строгом смысле слова народником. У него не было характерной для народников веры в "народ". Но у него были уже сформулированы два принципа, которые легли в основание народнического социализма, - принцип верховенства человеческой личности и принцип общинной, социалистической организации человеческого общества. Личность и народ - две основных идеи русского народнического социализма. Гораздо более характерен для народнического социализма Герцен. Герцен более известен на Западе, чем Белинский, он был эмигрант, он издавал в Лондоне журнал "Колокол", был связан с западным социалистическим движением и книги его переведены на иностранные языки. Он был гораздо более индивидуалист и гуманист, чем Белинский. Но, как было уже говорено, он разочаровался в Западе и искал спасения в русском мужике, которого совсем не идеализировал Белинский. В Белинском был уже потенциальный марксист. Поразительнее всего, что в русском крестьянстве, жившем в условиях крепостного права, лишенном элементарного просвещения, Герцен видел бóльшую выраженность принципа личности, бóльшую цельность индивидуальности, чем у европейского человека, ставшего мещанином. В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности. С чужбины Герцен делается основоположником народнического социализма, который наибольшего развития достигает в 70-ые годы. Герцен верил, что в России легче и лучше осуществится социализм, чем на Западе, и не будет мещанским. Как и многие народники он против политической революции, которая может толкнуть Россию на западный, буржуазный путь развития. Быть социалистом в то время значило требовать экономических реформ, презирать либерализм, видеть главное зло в развитии капиталистической индустрии, разрушающей зачатки высшего типа общества в крестьянском укладе жизни. Часто это значило сочувствовать диктатуре, даже монархии. Социалисты-народники готовы были поддерживать монархию в России, если она станет на защиту народа против дворян и нарастающей буржуазии. Герцен в эмиграции на страницах "Колокола" приветствовал Александра II за акт освобождения крестьян. Но Герцен, несмотря на свои революционно-социалистические идеи, несмотря на свое эмигрантское положение, оказался чуждым для поколения 60-х годов. Он человек 40-х годов, русский культурный барин, гуманист и скептик, но не нигилист. Он не типичен для революционной интеллигенции, гораздо менее типичен, чем Белинский. Чернышевский, который развивал идеи народнического социализма, родственные Герцену, с презрением будет говорить о Герцене, что он барин 40-х годов, который все еще продолжает думать, что он спорит в салонах с Хомяковым. В 60-ые годы в интеллигенцию вошли новые социальные слои, прежде всего, семинаристы; дворяне перестали господствовать и появился более жесткий и более аскетический

душевный тип, более реалистический и активный. Эпигоны идеалистов 40-х годов, "лишние люди" представляются людьми отошедшего века. Появляются нигилисты.

2

Нигилизм есть характерно русское явление, в такой форме неизвестное Западной Европе. В узком смысле нигилизмом называется эмансипационное умственное движение 60-х годов и его главным идеологом признается Писарев. Тип русского нигилиста был изображен Тургеневым в образе Базарова. Но в действительности нигилизм есть явление гораздо более широкие, чем писаревщина, его можно найти в подпочве русских социальных движений, хотя нигилизм сам по себе не был социальным движением. Нигилистические основы есть у Ленина, хотя он и живет в другую эпоху. Мы все нигилисты, говорит Достоевский. Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И тем не менее нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе получившей православную формацию. Это есть вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащие во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли. Подобный православной аскетике нигилизм был индивидуалистическим движением, но также был направлен против творческой полноты и богатства жизни человеческой индивидуальности. Нигилизм считает греховной роскошью не только искусство, метафизику, духовные ценности, но и религию. Все силы должны быть отданы на эмансипацию земного человека, эмансипацию трудового народа от непомерных страданий, на создание условий счастливой жизни, на уничтожение суеверий и предрассудков, условных норм и возвышенных идей, порабощающих человека и мешающих его счастью. Это - единое на потребу, все остальное от лукавого.

В умственной сфере нужно аскетически довольствоваться естественными науками, которые разрушают старые верования, низвергают предрассудки, и политической экономией, которая учит организации более справедливого социального строя. Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, внеисторическая или сверхисторическая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков. Умственный аскетизм нигилизма нашел себе выражение в материализме, более утонченная философия была объявлена грехом. Русские нигилисты 60-х годов - я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. - были русскими просветителями, они объявили борьбу всем историческим традициям, они противопоставляли "разум", существование которого в качестве материалистов признавать не могли, всем верованиям и предрассудкам прошлого. Но русское просветительство, по максималистическому характеру русского народа, всегда оборачивалось нигилизмом. Вольтер и Дидро не были нигилистами. В России материализм принял совсем иной характер, чем на Западе. Материализм превратился в своеобразную догматику и теологию. Это поражает в материализме коммунистов. Но уже в 60-х гг. материализм получил эту теологическую окраску, он стал морально обязательным догматом и за ним была скрыта своеобразная нигилистическая аскеза. Был создан материалистический катехизис, который был усвоен фанатически широкими слоями левой русской интеллигенции. Не быть материалистом было признано нравственно подозрительным. Если вы не материалист, то значит вы за порабощение человека и народа. Отношение русских нигилистов к науке было идолопоклонническим. Наука, - под которой понимались, главным образом, естественные науки, в то время окрашенные в материалистический цвет, - стала предметом веры, она была превращена в идол. В России в то время были и замечательные ученые, которые представляли особенное явление. Но нигилисты-просветители не были людьми науки. Это были верующие люди и догматически верующие. Менее всего им свойствен был скептицизм. Методическое сомнение Декарта мало подходит к нигилистам, да и вообще к русской природе. Типический русский человек не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовывать себе догмат и целостно, тотально отдавать себя этому догмату. Русский скептик есть западный в России тип. В русском материализме не было ничего скептического, он был верующим.

В нигилизме в деформированном виде отразилась еще одна черта русского православного религиозного типа - нерешенность на почве православия проблемы культуры. Аскетическое православие сомневалось в оправданности культуры, склонно было видеть греховность в культурном творчестве. Это сказалось в мучительных сомнениях великих русских писателей относительно оправданности их литературного творчества. Религиозное, моральное и социальное сомнение в оправданности культуры, есть характерно русский мотив. У нас постоянно сомневались в оправданности философского и художественного творчества. Отсюда борьба против метафизики и эстетики. Вопрос о цене, которой покупается культура, будет господствовать в социальной мысли 70-х годов. Русский нигилизм был уходом из мира лежащего во зле, разрывом с семьей и со всяким установившимся бытом. Русские легче шли на этот разрыв, чем западные люди. Греховными почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека и народа. Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение. Они этим выгодно отличались от христиан своего времени, которые проявляли очень мало жертвоспособности и были соблазном, отталкивающим от христианства. Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей⁹. Удивительная жертвоспособность людей нигилистического мирозерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом.

Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии. Ряды разночинной "левой" интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться по-русски, т.е. экстремистски, нигилистически. Немалую роль тут играло и *ressentiment* семинаристов к дворянской культуре. Вместе с тем в молодежи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму. Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую, требовательную и исключительную, выработанную более тяжелой и мучительной школой жизни, чем та школа жизни, в которой выросли люди дворянской культуры. Это новое молодое поколение изменило тип русской культуры. Тип культуры шестидесятников, Добролюбова, Чернышевского, нигилистов, возраставшей революционной интеллигенции был пониженный по сравнению с типом дворянской культуры 30-х и 40-х годов, культуры Чаадаева, И. Киреевского, Хомякова, Грановского, Герцена. Культура всегда образуется и достигает более совершенных форм путем аристократического отбора. Демократизуясь, распространяясь в ширь на новые слои, она понижается в своем уровне и лишь позже, путем переработки человеческого материала, культура может опять повыситься. В малых размерах в слое интеллигенции в 60-е годы в России произошел тот же процесс, который в широких, всенародных масштабах произошел в русской революции. Изменение типа культуры выразилось прежде всего в изменении направления сознания и тем культуры. Это было предreshено уже Белинским в последний период его развития. "Идеалисты" 40-х годов интересовались, главным образом, гуманитарными науками, философией, искусством, литературой. Нигилисты 60-х годов интересовались, главным образом, естественными науками и политической экономией, что определило уже интересы коммунистического поколения русской революции.

Для понимания генезиса русского нигилизма в широком смысле слова и русской революционности 60-х годов очень интересен образ Добролюбова. На нем можно видеть, в какой душе родились нигилистические и революционные идеи. Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова и про Чернышевского.

⁹ См. очень интересную по материалам книгу о Чернышевском "Любовь людей шестидесятых годов", Academia. 1829 г.

Добролюбов оставил после себя "Дневник", в котором он описывает свое детство и юность. Добролюбов получил чисто православное религиозное воспитание. В детстве и еще в ранней молодости он был очень религиозен. Склад его был аскетический. У него было сильное чувство греха и склонность к постоянному покаянию. Самые ничтожные грехи его очень мучили. Он не мог себе простить, если он съедал слишком много варенья, слишком долго спал и т.п. Он был очень набожен. Он нежно любил своих родителей, особенно свою мать, и он не мог примириться с их смертью. Добролюбов был человек чистый, суровый, серьезный, лишенный всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть. И вот эта набожная, аскетическая до суровости серьезная душа теряет веру. Он теряет веру, пораженный злом, несправедливостью, страданиями жизни. Он не мог примириться с тем, что у такого злого, исполненного несправедливостей и страданий мира есть всеблагий и всемогущий Творец. Тут действует своеобразный маркионистический мотив. Добролюбов потрясен тем, что умирает любимая мать. Он также не может примириться с низменностью быта русского духовенства, с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации христианства в жизни. Добролюбов чувствует себя окруженным темным "царством". Его главная статья, написанная по поводу Островского, называется "Луч света в темном царстве". Человек сам должен внести свет в темное царство. Нужно просвещение, нужно революционное изменение всего строя жизни. Добролюбов был критиком, он писал о литературе. Он не доходил до таких крайностей, как Писарев, в отрицании эстетики, но и для него эстетика была роскошью, он аскетически отрицал избыточную роскошь эстетики. Добролюбов хочет земного счастья для человека и после потери веры другой цели не знает. Но сам он счастья не знает, жизнь его была безрадостная и он умирает почти юношей от чахотки. Русский нигилизм только и можно представить себе, как движение юности, нигилизм в старости носит отталкивающий характер.

Н. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 60-х годов, но и последующих поколений. Очень много способствовал его популярности тот ореол, которым окружала его имя ссылка на каторгу. Чернышевский был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорен к семи годам каторги и после этого провел еще двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжелых условиях. Сибирь и каторгу он вынес, как настоящий подвижник. Чернышевский был очень кроткий человек, у него была христианская душа и в его характере были черты святости¹⁰. Истязание Чернышевского было одним из самых постыдных деяний русского правительства старого режима. Чернышевский, как и Добролюбов, был сын протоиерея. Первоначальное образование его было богословским, он воспитывался в семинарии. Он был очень ученым человеком, настоящим энциклопедистом, знал и богословие, и философию вплоть до философии Гегеля, знал историю и естественные науки, но прежде всего, был экономистом. Как экономиста его очень ценил Маркс. У него были данные стать специалистом ученым, и, если он не стал им, то исключительно потому, что был увлечен общественной борьбой. Но он все же был книжным человеком и не производил впечатления человека страстного. Он писал нравоучительные романы, но особенным литературным талантом не обладал. Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой людей 40-х годов. В нем было безвкусице, принесенное семинаристами и разночинцами. Чернышевский был материалистом, последователем Фейербаха, и вместе с тем идеалистом земли, как и Добролюбов, как и все лучшие представители революционной и нигилистической интеллигенции. В нем также сильна была аскетическая черта. Крайний материализм, философски наивный и жалкий, он утверждал из аскетизма. Утилитарную мораль разумного эгоизма он утверждал из морализма, из любви к добру. Моральный мотив всегда был очень силен у нигилистов, теоретически отрицавших всякую мораль. Идеализм, спиритуалистическая метафизика, религия связывались с жизненным материализмом и социальной несправедливостью. Для этого христианство давало достаточно оснований. Идеалисты и спиритуалисты слишком часто прикрывали возвышенными идеями самые низменные интересы. И потому во имя жизненного идеализма, во имя осуществления социальной правды начали утверждать грубый материализм и утилитаризм, отрицать все возвышенные идеи, всякую возвышенную риторику.

¹⁰ См. цитированную книгу: "Любовь людей шестидесятых годов".

Чернышевский пишет утопический роман "Что делать?", который стал как бы катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции. В художественном отношении роман этот довольно слаб и безвкусен, но он очень интересен для истории русской интеллигенции. Моральные нападения из правого лагеря на этот роман были чудовищно несправедливы и клеветнически-лживы. Прав был замечательный русский богослов Бухарев, который увидел в нем христианский характер. "Что делать?" - аскетическая книга, что-то в роде наставления к благочестивой жизни русских нигилистов. Герой романа Рахметов спит на гвоздях, чтобы закалить свой характер и приучить себя выносить страдания и мучения. Проповедь свободы любви означала не проповедь распущенности, которая сильна была именно у консервативных господствующих классов, у гвардейских офицеров и т.п., а не у нигилистов, людей идеи. Эта проповедь означала требование искренности в чувствах, освобождение от всяких условностей, лжи и угнетения. Мораль Чернышевского стояла, конечно, гораздо выше рабской морали "Домостроя". "Сон Веры Павловны" в романе представляет собой социалистическую утопию, в которой устраиваются кооперативные мастерские. Социализм Чернышевского носил еще частью народнической, частью утопический характер, но уже является более других, одним из предшественников коммунизма в 60 годы. Это признает Плеханов, основатель русского марксизма, в своей книге о Чернышевском¹¹. Не даром Маркс для чтения Чернышевского изучал русский язык.

Наиболее самостоятелен Чернышевский, как экономист. Он не был противником индустриального развития, подобно многим другим народникам, но он ставит традиционный для русской; мысли XIX века вопрос о том, может ли Россия избежать капиталистического периода развития, и решает его в том смысле, что Россия может сократить до нуля срок капиталистического периода и прямо перейти от низших форм хозяйства к хозяйству социалистическому. Коммунисты, несмотря на свой марксизм, именно это и пытаются сделать. Чернышевский делает характерное для народнического социализма противопоставление национального богатства и народного благосостояния. В капиталистических странах национальное богатство возрастает, а народное благосостояние уменьшается. Чернышевский защищает крестьянскую общину. Он утверждает, что третий высший социалистический период развития будет походить на первоначальный низший период. Чернышевский, подобно Герцену и потом Михайловскому, отождествляет интересы народа с интересами человеческой личности вообще. Из всех писавших в легальной литературе Чернышевский был наиболее ярко выраженным социалистом и этим определилось его значение для русской интеллигенции, которая по своему моральному сознанию во вторую половину XIX века вся почти была социалистической. Нигилизм Писаревского типа был ослаблением социальных мотивов, но это было явление временное.

Наиболее слаба была философская позиция Чернышевского. Хотя он исходил от такого замечательного мыслителя, как Фейербах, но его материализм был вульгарный и окрашен в цвет популярных естественно-научных книжек того времени, гораздо более вульгарный, чем диалектический материализм марксистов. Чернышевский писал также по вопросам эстетики и был типичным представителем русской публицистической критики. Он отстаивал тот тезис, что действительность выше искусства и хотел построить реалистическую эстетику. В антиэстетизме Чернышевского был сильный аскетический мотив. Он уже хотел того типа культуры, который восторжествовал в коммунизме, хотя часто в карикатурной форме, - господство естественных и экономических наук, отрицание религии и метафизики, социальный заказ в литературе и искусстве, мораль социального утилитаризма, подчинение внутренней жизни личности интересам и директивам общества. Подвижничество Чернышевского и христианские добродетели этого "материалиста" - огромный вклад в тот капитал, которым живут и коммунисты, сами уже этих добродетелей не имеющие.

В отличие от Чернышевского и Добролюбова, главный выразитель русского нигилизма в собственном смысле Писарев был дворянское дитя. Это был изящный, элегантный молодой человек, с мягкими, отнюдь не нигилистическими манерами. Этот "разрушитель эстетики" имел вкусы эстета. Он был более талантливый писатель, чем Чернышевский и Добролюбов. Судьба его была типически русская. Он был арестован по ничтожному поводу и просидел четыре года в тюрьме в одиночном заключении, где и написал большую часть своих статей. После освобождения Писарев скоро умер еще совсем юным, от несчастного случая, он утонул. Из поколения просветителей 60-х годов он был

¹¹ См. Плеханов: "Н.Г.Чернышевский".

наиболее индивидуалистом, мотив социальный в нем слабее выражен, чем у Чернышевского. Писарев интересовался главным образом эмансипацией личности, освобождением от суеверий и предрассудков, от семейных уз, от традиционных нравов и условностей быта. Умственная эмансипация имела для Писарева центральное значение. И он надеялся достигнуть ее путем популяризации естественных наук. Он проповедует материализм, который по его наивному убеждению освобождает личность, в то время как он отрицает личность. Если личность целиком вырабатывается средой, то она не может иметь никакой свободы и самостоятельности. Писарев хотел выработки нового человеческого типа, это интересовало его больше, чем организация общества. Этот новый человеческий тип он назвал "мыслящим реалистом". Тут реалистическое поколение "сынов" резко противопоставляет себя идеалистическому поколению "отцов". В своем типе "мыслящего реалиста" Писарев многое предвосхищает в типе выработанным русским коммунизмом. Некоторые черты типа "мыслящего реалиста" были изображены Тургеневым в образе Базарова ("Отцы и дети"), но не особенно удачно.

В русском интеллигентском слое до появления нигилистов 60-х годов преобладал человеческий тип, который получил у нас наименование "идеалистов 40-х годов". Он был продолжением типа конца XVIII и начала XIX в., связанного с мистическим масонством. Он явился результатом переработки русской душой влияний немецкого романтизма и идеализма. Он вырос на почве культурного русского барства. Этому человеческому типу, очень благородному, свойственны были высокие стремления, любовь к "высокому и прекрасному", как потом любил иронизировать Достоевский, в нем было много мечтательности и слабая способность к действию, к реализации, в нем было не мало русской лени, порожденной барством. Из этого типа вышли "лишние люди". Тип "мыслящего реалиста", проповедываемый Писаревым, несет с собой совершенно другие черты, часто вырабатываемые по реакции против типа "идеалиста". "Мыслящий реалист" чужд всякой мечтательности и романтизма, он враг всяких возвышенных идей, не имеющих никакого отношения к действительности и не реализуемых, он склонен к цинизму, когда речь идет об изобличении иллюзий религиозных, метафизических и эстетических, у него культ дела и труда, он признает лишь естественные науки и презирает науки гуманитарные, он проповедует мораль разумного эгоизма не потому, что он был эгоистичнее "идеалистического" типа, - наоборот эгоистичнее был "идеалистический" тип, - а потому, что он хотел беспощадного разоблачения обманных возвышенных идей, которыми пользовались для самых низменных интересов.

Но уровень философской культуры "мыслящих реалистов" был низкий, гораздо более низкий, чем "идеалистов 40-х годов". Бюхнер и Молешотт, т.е. самый вульгарный материализм, основанный на популяризации естественных наук того времени, превратились в замечательных философов и стали учителями. Это было страшное падение по сравнению с Фейербахом, настоящим философом. "Мыслящий реалист" стал искать разгадки тайны жизни и тайны бытия в разрезывании лягушки. Именно от "мыслящих реалистов" 60-х годов пошел тот нелепый аргумент, ставший столь популярным в радикальной интеллигенции, что анатомирование трупов не обнаружило существования в человеке души. Не заметили обратного смысла этого аргумента; если бы обнаружили душу при анатомировании трупа, то это было бы доказательством в пользу материализма.

(Было несоответствие между серьезностью и значительностью человеческого кризиса, который происходил в "мыслящих реалистах", и жалкостью их философии, их грубого и вульгарного материализма и утилитаризма. "Мыслящий реалист" был, конечно, врагом эстетики, отрицал самостоятельное значение искусства. Он требовал в этом отношении суровой аскезы. Писарев совершал настоящий погром эстетики, отрицал совершенно Пушкина и предлагал русским романистам писать популярные трактаты по естествознанию. В этом отношении культурная программа коммунистов более умеренна - она предлагает изучать Пушкина, придает значение искусству. Диалектический материализм менее вульгарен, чем материализм бюхнеро-молешотовский. Но у коммунистов техника играет ту же роль, которую в 60-х годах играло естествознание, преимущественно биологические науки. Писаревский нигилизм объявил, что "сапоги выше Шекспира". Идея "социального заказа" в искусстве и литературе в писаревщине утверждалась даже в более крайней форме, чем в коммунизме. Если бы программа русского нигилизма была полностью осуществлена в русском коммунизме, то для качества культуры получились бы результаты более разрушительные, чем мы это видим в советской культуре. Появление "мыслящего реалиста" означало появление более жесткого типа, чем тип "идеалиста 40-х

годов", и вместе с тем более активного. Тип культуры оказался пониженным. Но в писаревском нигилизме была и здоровая реакция против бесплодной романтической мечтательности, бездейственности, лени, эгоистического замыкания в себе, был здоровый призыв к труду и знанию, хотя и одностороннему. В нигилизме была элементарная и действительная эмансипация. Огромное и положительное значение движение имело для эмансипации женщины. Аналогичный процесс повторился у нас при переходе от типа людей, создавших культурный ренессанс начала XX века ("идеалистическое" движение того времени), к типу русского коммуниста.

Идеологи коммунизма не заметили радикального противоречия, лежавшего в основании всех их стремлений. Они хотели освобождения личности, они объявили восстание против всех верований, всех норм, всех отвлеченных идей во имя этой эмансипации. Во имя освобождения личности они низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную жизнь. Но этим они подавляли личность, лишали ее качественного содержания, опустошали ее внутреннюю жизнь, отрицали право личности на творчество и на духовное обогащение. Принцип утилитаризма в высшей степени неблагоприятен для принципа личности, он подчиняет личность пользе, которая тиранически господствует над личностью. Нигилизм проявил насильнический, извне навязанный аскетизм в мышлении и творчестве. Материализм и был таким навязанным аскетизмом, бедностью в мышлении. Принцип личности никак не мог быть обоснован и укреплен на почве материализма. Эмпирическая личность оказалась лишенной права на творческую полноту жизни. Если бы талантливый Писарев дожил до более зрелого возраста, то он может быть заметил бы это основное противоречие, понял бы, что нельзя бороться за личность на почве веры в "лягушку". Течения 70-х годов сгладили крайности нигилизма 60-х годов. На мышление радикальной интеллигенции 70-х годов влияли уже не Бюхнер и Молешотт, а О.Конт и Герберт Спенсер. Произошел переход от материализма к позитивизму. Обнаружилась реакция против засилья естественных наук. Частично восстановлены были права эстетики и искусство не отрицалось совершенно. Но идея "социального заказа" продолжала господствовать над интеллигентским сознанием.

ГЛАВА III РУССКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО И АНАРХИЗМ

1

Народничество есть столь же характерно русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л.Толстой и революционеры 70-х годов - одинаково народники, хотя и по разному. Народничество есть прежде всего вера в русский народ, под народом же нужно понимать трудящийся простой народ, главным образом крестьянство. Народ не есть нация. Русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов. В основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа. Интеллигенты-народники не чувствовали себя органической частью народа, народ находился вне их. Интеллигенция не функция народной жизни, она оторвана от народной жизни и чувствует свою вину перед народом. Чувство вины перед народом играло огромную роль в психологии народничества. Интеллигенция всегда в долгу перед народом и она должна уплатить свой долг. Вся культура, полученная интеллигенцией, создана на счет народа, на счет народного труда и это налагает тяжелую ответственность на приобщенных к этой культуре. Религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, народничество же безрелигиозное и часто антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда. Но все русские народники сознавали неправду своей жизни. Настоящий человек, человек не подавленный чувством вины, грехом эксплуатации своих братьев, есть трудовой человек, человек из народа. Культура сама по себе не есть оправдание жизни, она куплена слишком дорогой ценой порабощения народа. Народничество не редко бывало враждебно культуре и во всяком случае восставало против культурупоклонства. Народничество славянофильского, религиозного типа видело главную вину культурных, высших классов в отрыве от религиозных верований народа и от народного быта. Гораздо большее значение имело народничество социалистического типа, которое видело вину культурных классов в том, что вся их жизнь и их культура основана на эксплуатации народного

труда. Интеллектуальный, культурный слой в России слабо сознавал свое достоинство и свое культурное призвание. На вершинах своего творческого пути русский гений остро чувствовал свое одиночество, оторванность от почвы, свою вину и бросался вниз, хотел прикинуть к земле и к народу. Таковы Толстой, Достоевский. Какая разница в этом отношении между Толстым и Ницше! Народническое мирозерцание носит теллурический характер, оно зависит от земли. Народ живет под властью земли, говорит замечательный народник-беллетрист Гл.Успенский. Народник-интеллигент напротив оторван от земли и хочет к ней вернуться. Народническая идеология возможна была лишь в крестьянской, сельскохозяйственной стране. Народническое мирозерцание есть мирозерцание коллективистическое, а не индивидуалистическое. Народ есть коллектив, к которому интеллигенция хочет приобщиться, войти в него.

Русское народничество есть порождение раскола Петровской эпохи. Оно есть продукт сознания интеллигентными слоями неоправданности своей жизни, нелепости своей жизни, продукт неорганического характера всего строя русской жизни. Ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях. Создался своеобразный тип "кающегося дворянина" "Кающийся дворянин" сознавал свой социальный, а не личный грех, грех своего социального положения и в нем каялся. Социолог-народник 70-х годов Н.Михайловский делает различие между работой совести и работой чести. Работа совести происходит в привилегированных классах, в дворянстве, работа же чести, требование признания человеческого достоинства происходит в народе, в низших, угнетенных классах. Народники-дворяне двигались по преимуществу мотивами совести, народники-разночинцы - мотивами чести. Русскому народничеству всегда было свойственно отвращение к буржуазности и боязнь развития капитализма в России. Народники верили в особые пути развития России, в возможность миновать западный капитализм, в предназначение русского народа разрешить социальный вопрос лучше и скорее, чем на Западе. В этом сходятся революционеры-народники с славянофилами. Это идет от Герцена. Одной из главных опор народнического социализма был тот факт, что русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку. И это, конечно, было более христианское сознание. Важно еще отметить, что русская интеллигенция отличалась от западных *intellectuels* не только духовно, но и по своему социальному положению. Западная интеллигенция в социальном смысле буржуазна, она обыкновенно принадлежит к привилегированным, достаточным классам. Это определяется условиями высшего образования на Западе. Русская интеллигенция обыкновенно была пролетарской, не буржуазной в социальном смысле слова. После 60-х годов, даже когда интеллигенция оставалась дворянской, это были большей частью разорившиеся, пролетаризованные дворяне. Интеллигенты же разночинцы не имели никаких средств и зарабатывали грошовыми уроками или литературой, нуждались и жили впроголодь. Университетское образование в России было гораздо менее привилегией богатых классов, чем на Западе. Этим отчасти социально объясняются всегдашние симпатии русской интеллигенции к социализму, не буржуазный характер ее идеологии. Но социализм интеллигенции XIX века носил мечтательный характер. Нигде на Западе не существовала в такой своеобразной форме проблема "интеллигенция и народ", который посвящено все русское мышление второй половины XIX века, ибо на Западе в сущности не было ни "интеллигенции", ни "народа" в русском смысле слова. Все народники идеализировали уклад крестьянской жизни, крестьянская община представлялась им оригинальным продуктом русской истории, идеальным типом или, по выражению Н.Михайловского, высоким типом низкой ступени развития. Но не следует придавать слишком большого значения народнической доктрине об общине, она была лишь отражением русских условий жизни. Большее значение имеет моральный и духовный тип народничества. Русский коммунизм имеет доктрину противоположную народничеству, но в него вошли сильные элементы русского религиозного народничества.

Начало 60-х годов было эпохой либеральных реформ, освобождения крестьян, судебной реформы, учреждения земства. Было несколько лет большей гармонии, относительной примиренности левой интеллигенции с властью и желание участвовать в осуществлении реформ, идущих сверху. Герцен и даже Чернышевский пишут хвалебные статьи о крестьянской реформе Александра II и готовы поддерживать в этом деле правительство. Мечта интеллигенции об освобождении крестьян осуществляется. Но эти весенние настроения продолжались недолго. Реакционное настроение сверху и революционные настроения снизу стали нарастать и атмосфера

делалась все более и более нездоровой. Очень скоро при дворе и в дворянстве, по которому ударило освобождение крестьян, обнаружились реакционные настроения, враждебные реформам. По отношению к интеллигенции победила обычная регрессивная тенденция. Аффект страха стал преобладающим в правящем слое, да он и всегда был преобладающий у русской власти вследствие раскола русской жизни и неорганического характера русского государства. Началось революционное движение, которое выразилось в террористических актах против Александра II. Реакционные настроения командующих классов вызывались их интересами и страстями. Эти настроения реализовались в репрессиях, которые в свою очередь вызывали революционные настроения и акты. Получался порочный круг. Революционные акты изменить строя не могли, так как огромная масса народа все еще верила в священность самодержавной монархии. Интеллигенция недостаточно понимала, что русская монархия не могла держаться голым насилием, что она опиралась на религиозные верования народа. Крестьяне были освобождены с землей. Мнение тех, которые требовали освобождения крестьян без земли и значит пролетаризации их, оказалось побежденным. Но крестьяне, несмотря на то, что владели большей частью земли, остались неустроенными и недовольными. Уровень сельскохозяйственной культуры был низкий, примитивный и крестьянам не хватало земли для пропитания. Сословный строй остался, и человеческое достоинство крестьянства осталось униженным. В бытовом отношении Россия продолжала быть страной дворянской и феодализм не был вполне преодолен до самой революции 1917 года, оставались магнаты владевшие огромными землями. Нравы были феодальными. Несмотря на огромное значение реформы, все были недовольны. После освобождения крестьян революционное народничество, аграрный социализм получили новые мотивы. В России началось развитие капиталистической индустрии, хотя и в слабой степени, возростала буржуазия. Деревенские кулаки превратились в буржуазию. Вопрос о том, может ли Россия миновать капиталистическую стадию, стал более острым.

Для крайних, максималистических революционных течений конца 60-х годов наибольший интерес представляет зловещая, жуткая фигура Нечаева, характерно русская фигура. Он был основателем революционного общества "Топор или народная расправа". Нечаев составил "Катехизис революционера", документ необычайно интересный, единственный в своем роде. В этом документе нашли себе предельное выражение принципы безбожной революционной аскезы. Это правила, которыми должен руководствоваться настоящий революционер, как бы наставление к его духовной жизни. Нечаевский "Катехизис революционера" по жуткости напоминает вывороченную православную аскетику, смешанную с иезуитизмом, это что-то вроде Исаака Сириянина и вместе с тем Игнатия Лойолы революционного социализма, предельная форма революционного аскетического мироотвержения, совершенной революционной отрешенности от мира. Нечаев был, конечно, совершенно искренний, верующий фанатик, дошедший до изуверства. У него психология раскольника. Он готов сжечь другого, но согласен в любой момент и сам сгореть. Нечаев напугал всех. Революционеры и социалисты всех оттенков от него отреклись и нашли, что он компрометирует дело революции и социализма. Даже Бакунин отверг Нечаева. Нечаев и нечаевское дело послужило поводом к написанию "Бесов" Достоевского. Дело об убийстве нечаевцами студента Иванова, заподозренного в провокаторстве, поразило воображение Достоевского и изображено им в убийстве Шатова. Петр Верховенский, конечно, мало походит на Нечаева и производит впечатление пасквиля, но психологически Достоевский раскрыл много верного. В "Катехизисе" Нечаева есть что-то мистическое. Для нас особенно интересно, что Нечаев во многом предвосхищает тип большевистской организации партии, крайне централизованной и деспотической, в которой все идет сверху. Нечаев хотел покрыть всю Россию такими маленькими революционными ячейками с железной дисциплиной, для которых все, все дозволено для осуществления революционной цели. Нечаев презирает народные массы и хочет их сверху вести к революции, он отрицает демократию. Как рисует Нечаев тип революционера? "Революционер обреченный человек. Он не имеет личных интересов, дел, чувств, привязанностей, собственности, даже имени. Все в нем захвачено одним исключительным интересом, одной мыслью, одной страстью: революцией"¹².

Революционер порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира. Он живет в этом мире, чтобы его уничтожить. Он не должен любить и науки этого мира. Он знает лишь одну науку - разрушение. Для революционера все морально, что служит революции. Слова, которые потом повторит Ленин. Революционер уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть

¹² См. собрание материалов, в котором напечатан : "Катехизис революционера" Нечаева в книге: "Michael Bakunins sozialpotivcher Brief-wecchael mit Alexander Herzen und Ogarjow". 1895.

цели. Тот не революционер, кто еще дорожит чем-нибудь в этом мире. Революционер должен проникать даже в тайную полицию, всюду иметь своих агентов. Нужно увеличить страдания и насилие, чтобы вызвать восстание масс. Нужно соединиться с разбойниками, которые настоящие революционеры. Нужно сосредоточить этот мир в одной силе всеразрушительной и непобедимой. Психология революционера по Нечаеву требует отречения от мира и личной жизни, исключительной работоспособности, исключительной сосредоточенности на едином на потребу, согласия на страдание и пытку, к перенесению которой нужно готовиться. Психология эта таинственна потому, что при этом нет веры в помощь Божьей благодати и в вечную жизнь, как в христианстве. Многие же христианские добродетели отречения требуются от революционера, хотя и для другой цели. Великое отличие от христианства в том, что христианский катехизис не требует лжи для осуществления высшей цели и не допускает пользования всеми средствами, самыми преступными.

Что-то Нечаевского аскетического революционного типа перешло к Держинскому, создателю и руководителю Чека. Держинский был, конечно, верующий фанатик, допускавший все средства во имя осуществления царства социализма. Он причинял страшные страдания, он был весь в крови, но согласен был сам на жертвы и страдания. Он был 15 лет на каторге. Верующий католик в юности и молодости, готовившийся в священники, он переключил свою религиозную энергию. И это произошло со многими революционерами. Коммунисты все-таки смягчили нечаевский катехизис, но многое от этого катехизиса вошло в русский коммунизм, особенно в первоначальный период. Сейчас коммунисты представляют государство, заняты строительством, а не разрушением и потому очень меняются, перестают быть революционерами по своему типу. Но и для них нет ближнего, а есть лишь дальний. Но и для них мир делится на два лагеря и все дозволено в отношении к лагерю враждебному. Сам Нечаев просидел 10 лет в каторжной тюрьме, Алексеевском Равелине в ужасающих условиях. Там он распропагандировал и превратил в своих агентов всю стражу тюрьмы и через нее сносился с партией народной воли, которой давал советы. Это был человек исключительной силы. Но торжество такого человека не могло предвещать ничего доброго.

2

Анархизм столь же характерное порождение русского духа, как и нигилизм, как и народничество. Это один из полюсов в душевной структуре русского народа. Русский народ - народ государственный, он покорно согласен быть материалом для создания великого мирового государства, и он же склонен к бунту, к вольнице, к анархии. Русская дионисическая стихия - анархична. Стенька Разин и Пугачев - характерно русские фигуры и память о них сохранилась в народе.

Элемент анархический очень силен и в русской мысли XIX века. Вся русская интеллигенция не любила государства и не считала его своим. Государство это были "они", чужие, "мы" же жили в ином плане, чуждом всякому государству. Если русским свойственна была мысль о священном помазании власти, то им же свойственна была мысль, что всякая власть есть зло и грех. Мы видели, что обоснование славянофилами самодержавной монархии заключало в себе сильный анархический элемент. Константин Аксаков был настоящим анархистом, у него есть места, напоминающие Бакунина. Сильный анархический элемент есть и у Достоевского. Русские народники не понимали значения государства и не думали о том, как овладеть властью в государстве. В этом упрекает их Ярославский в своей "Истории коммунистической партии"¹³. Идеальное будущее всегда представлялось безгосударственным. Государство есть постылое настоящее.

Поразительнее всего, что идеология анархизма есть по преимуществу создание высшего слоя русского барства, и этот русский анархизм приобрел общеевропейское значение. Баре Бакунин, князь Кропоткин, граф Толстой - создатели русского и мирового анархизма. Центральной является фигура Бакунина, Бакунин - фантастическое порождение русского барства. Это огромное дитя, всегда воспламененное самыми крайними и революционными идеями, русский фантазер, неспособный к методическому мышлению и дисциплине, что-то вроде Стеньки Разина русского барства. Он был еще человеком 40-х годов, другом Белинского, Герцена, славянофилов, в то время идеалистом и гегельянцем. Но значение, и, притом европейское значение, он приобрел в 60-х и особенно в 70-х годах. В качестве эмигранта он участвовал во всех европейских революциях. Он борется с Марксом

¹³ См. Е. Jaroslawskij: "Aus der Geschichte der kommunistischen Partei der Sowjetunion", I Teil

из-за I-го Интернационала, в который хотел ввести анархические принципы, децентрализацию и федерализм. Сначала Бакунин был с Марксом в хороших личных отношениях и он даже оказал влияние на Маркса в учении о мессианском призвании пролетариата¹⁴. Но потом он делается смертельным врагом Маркса. Маркс для него государственный и пангерманист. Бакунин не любил немцев, предпочитал латинские народы и главная книга его называется "Кнута-германская империя и социальная революция". У Бакунина был очень сильный славянофильский элемент. Его революционный мессианизм есть мессианизм русско-славянский. Он верил, что мировой пожар будет зажжен русским народом и славянством. И в этом русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов. Бакунину принадлежат слова: "страсть к разрушению есть творческая страсть". Анархизм Бакунина есть бунтарство. Он хочет поднять мировой бунт, зажечь мировой пожар, хочет разрушить старый мир, он верит, что на развалинах старого мира, на пепелище возникнет сам собой новый мир. Бакунин хочет взбунтовать народные, пролетарские массы всего мира. Он хочет обращаться к черни, к низам и верит, что взбунтовавшаяся чернь, сбросив все оковы истории и цивилизации, создаст лучшую, вольную жизнь. Он хочет разнуздать чернь. Бакунин народник в том смысле, что он верит в правду скрытую в трудовом народе, в темной массе и особенно русском народе, который он считал народом-бунтарем по преимуществу. Все зло для него в государстве, созданном господствующими классами и являющимся орудием угнетения. Маркс был интеллектуален, он придавал огромное значение теории, философии, науке, он не верил в политику, основанную на эмоциях, он придавал огромное значение развитию сознания и организации. Бакунин исключительно эмоционален, враждебен всяким интеллектуальным теориям. Он отрицательно относился к наукам и ученым. Более всего ему ненавистна власть ученых. Научный социализм для него есть власть ученых. Нельзя допустить управления жизни наукой. Никому не следует давать власти. Он идеализирует разбойную, разиновскую, пугачевскую стихию в русском народе. В первый момент революции большевики очень воспользовались этой стихией, вопреки всем марксистским теориям. Лавров, один из ученых идеологов революционного социалистического движения 70-х годов, хотел поучать народ и ждал революции от этого поучения. Бакунин хотел взбунтовать народ, не поучая его. Он верил в правду и силу неорганизованной стихийности. Для Бакунина свет варварства с Востока и осветит тьму Запада, тьму буржуазного мира. К этому сознанию придут и русские коммунисты, вопреки своему западному марксизму. Человек для Бакунина стал человеком через бунт. Есть три принципа человеческого развития: 1) человек животный, 2) мысль, 3) бунт. Бунт Бакунин противопоставляет организации. Маркс был для него якобинцем, а он терпеть не мог Робеспьера и якобинцев. Бакунин был коммунистом, но коммунизм его был антигосударственный, анархический. Он верил в союз производительных ассоциаций. Бакунин убежден, что славяне сами по себе не создали бы государства и на этом была основана его вера в миссию славянства. Государственность для Бакунина есть прежде всего немецкое влияние. И Бакунин предсказывает, что, если, в какой-нибудь стране осуществится марксизм, то это будет страшная тирания. Некоторые предсказания Бакунина звучат сейчас профетически.

Но атеизм Бакунина был еще более воинствующим, грубым и насильническим, чем атеизм Маркса. Это определялось его страстным, максималистическим русским темпераментом. Маркс был человек мысли и для него борьба против религии была прежде всего вопросом изменения сознания. Бакунин человек эмоциональный и атеизм его производит впечатление не отрицания идеи Бога, как ложной и вредной, а борьбы с Богом, богоборства. В его атеизме есть маркионовские мотивы. Одно из главных его произведений называется "Бог и государство". Государство было для Бакунина источником всех зол мировой истории, порабощением и пленением человека и народа. Но вера в Бога была главной опорой государства. Всякая власть от Бога. Для Бакунина это значит, что всякая власть от дьявола. Бог для него и есть дьявол, источник власти человека над человеком, порабощение и насилие. "Если Бог есть, то человек - раб". Идея Бога - отречение от человеческого разума, от справедливости и свободы. Бог - мстителен. Все религии -- жестоки. Именно материализм идеалистичен на практике. В религии божественное возносится на небо, а грубое животное остается на земле. Это мысль Фейербаха, потом повторенная Марксом. Бакунин в отличие от Белинского очень грубо говорил о Христе. Христа нужно было бы посадить в тюрьму, как лентяя и бродягу. Человек, одаренный бессмертной душой и свободой, есть существо антиобщественное¹⁵. Ибо бессмертный дух не нуждается в обществе, Общество порождает индивидуума, общество источник

¹⁴ См. цитированную книгу Cornu.

¹⁵ См. М.Бакунин: "Кнута-германская империя и социальная революция", 1922 г.

морали. В противоположность Максиму Штирнеру, анархизм Бакунина решительно антииндивидуалистический, коллективистический, коммунистический. Бакунин отрицает личность, ее самостоятельную ценность и автономию. В этом он отличается от Прудона. Он проповедует анархо-коммунизм. Но в отличие от анархо-коммунизма Кропоткина, который окрашен в цвет идеологического оптимизма, у Бакунина он окрашен в зловещий цвет разрушения и бунта против всего, прежде всего против Бога. Бакунин сближает церкви с кабаками. Он восклицает: "Одна лишь социальная революция будет обладать силой закрыть в одно и то же время и все кабаки и все церкви"¹⁶. Воинствующий коммунизм Бакунина идет дальше воинствующего атеизма русских коммунистов, которые все-таки не закрыли всех церквей и на которых чувствуется интеллектуалистическое влияние марксизма. Но в воинствующем атеизме Бакунин является предшественником коммунизма. Анархизмом и бунтарством Бакунина коммунизм воспользовался для дела разрушения. Но в созидании, в строительстве, в организации коммунисты радикально отличаются от Бакунина, который никогда не мог бы организовать власти и не хотел этого. Бакунин, как и Нечаев, отрицательно относился к науке и к интеллигенции. Этот мотив тоже вошел в русскую революцию.

По сравнению с экстремизмом Нечаева и Бакунина другие течения русской революционно-социалистической, народнической мысли были смягченными и умеренными. В философии это был позитивизм, влияние О.Конта, Милля, Спенсера и даже возникающего неокантианства, а не воинствующий материализм. Преодолевается грубый утилитаризм в морали, как и вообще крайности нигилизма. В социальном учении многие приближаются к Прудону и кое-что заимствуют у Маркса, которого уже начинают знать. Властителями дум интеллигенции 70-х годов были П.Лавров и Н.Михайловский, защитники так называемой субъективной социологии, т. е. точки зрения, которая признает необходимым для социологии производить нравственную оценку социальных явлений. Лавров и Михайловский по своему защищают человеческую личность, не отличая ее, впрочем, от индивидуума, и социализм их, как у Герцена, носил индивидуалистический характер. Социалистическая организация общества нужна во имя полноты жизни каждого индивидуума. Михайловский объявляет "борьбу за индивидуальность" и строит теории конфликта и борьбы между личностью и обществом, построенном по органическому типу. Лавров и Михайловский типичные идеологи, домашние философы радикальной интеллигенции. Слабость их философской позиции, их поверхностный позитивизм мешал им философски обосновать принцип личности, который был положительной стороной их социалистической теории. Для них личность все же оставалась созданием общества, общественной среды и непонятно, откуда они могли найти силы для борьбы с обществом, которое хочет превратить личность в свой орган и функцию. Лавров приобрел известность своими "Историческими письмами", которые стали моральным катехизисом народнической интеллигенции. Лавров выразил мотив покаяния, вины культурных классов перед народом и необходимости уплатить свой долг народу. Он ставит традиционно русский вопрос о цене прогресса и культуры. Но народничество Лаврова и Михайловского принадлежало к тому типу, который считал для себя обязательным интерес народа, но не мнения народа. Они думали, что верные, просвещенные мнения находятся у интеллигенции, а не у народа. Интеллигенция должна давать народу знания, просвещать его сознание, служить интересам народа и делу его освобождения, но сохранять независимость в мнениях, в идеях. Михайловский выразил это в следующей фразе: "если бы революционный народ вторгся в мою комнату и пожелал разбить бюст Белинского и уничтожить мою библиотеку, то я боролся бы с ним до последней капли крови".

Тут он как бы предвидит ситуацию, в которую будет поставлена радикальная, стремившаяся к революции интеллигенция. Михайловский наименее, конечно, может быть признан предшественником коммунизма, гораздо менее Белинского, Чернышевского и Бакунина и в этом он походит на Герцена. Это другая полоса русской социалистической мысли. Разбить же бюст Белинского захочет революционный народ именно потому, что он проникается некоторыми идеями этого самого Белинского. В этом парадокс революционной мысли. В 70-ые годы в России было сильное народническое движение, которое выразилось в хождении в народ. Это движение сначала не носило революционно-политического характера. Интеллигенты-народники хотели слиться с народом, хотели просвещать народ, послужить крестьянам в их насущных нуждах и интересах. Они хотели земли и воли для народа и с этим связана была подпольная организация "Земля и Воля".

¹⁶ См. ту же книгу.

Неуспех этого "хождения в народ", в котором было проявлено столько самоотвержения и жертвоспособности, столько веры и надежды, столько благородства, связан был, конечно, с тем, что натолкнулся на правительственные репрессии и преследования, но не только с этим. Драма народнического движения была прежде всего в том, что народ не принял интеллигенции и народ сам отдавал интеллигентов-народников, жертвенно и бескорыстно желавших послужить народу, в руки властей. Народу, под которым понималось главным образом крестьянство, было чуждо "миросозерцание" интеллигенции, народ все еще оставался религиозным, православным и безрелигиозность интеллигенции его отталкивала. Народ увидел барскую затею в народническом хождении в народ. Все это вплотную поставило перед сознанием народнической интеллигенции политическую проблему и привело к выработке новых методов борьбы.

3

Замечательнейшим теоретиком революции в 70-ые годы был П.Н.Ткачев¹⁷. И он более чем кто-либо должен быть признан предшественником Ленина. Ткачев издавал за границей революционный орган "Набат", который был выражением самого крайнего течения. Ткачев, между прочим, первый в 70-ые годы заговорил у нас о Марксе. В 1875 г, он пишет "открытое письмо к Энгельсу", в котором говорит об особых путях России и об особом характере грядущей русской революции, к которой нельзя просто применять принципов марксизма. При этом нельзя сказать, что Ткачев противопоставляет перенесению на русскую почву марксизма принципы народничества. Ткачев не был традиционным и типичным народником, он в сущности не верил в народ. Он первый противопоставил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию, конституцию и пр., точку зрения очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым. Ткачев не хочет допустить превращения русского государства в конституционное и буржуазное. Отсутствие развитой буржуазии Ткачев считал величайшим преимуществом России, облегчающим возможность социальной революции. Русский народ социалистический по инстинкту. Ткачев не был демократом. Он утверждал власть меньшинства над большинством. Ткачева называли якобинцем, что не совсем верно. Якобинство есть форма демократии. Ткачев же прежде всего социалист и социализм его не демократического типа, чем он походит на Ленина и коммунистов. Ткачев противник народнических движений "Земля и Воля" и "Черный Передел", которые отрицали чисто политическую борьбу. Его отношение к этим течениям очень напоминает отношение Ленина к так называемым "экономистам", которые ставили перед рабочим классом чисто экономические задачи, политическую же борьбу в значительной степени предоставляли либеральным течениям. В истории революционных движений в России Ткачев является предшественником "Народной Воли", которая в отличие от народнического движения 70-х годов поставила себе политическую задачу свержения самодержавной монархии путем террора. "Народная Воля" есть победа Ткачева и над Лавровым и над Бакуниным. Ткачев, как и Ленин, был теоретиком революции. Основная идея его есть захват власти, захват власти революционным меньшинством. Для этого нужно дезорганизовать существующую власть путем террора. Народ по мнению Ткачева всегда готов для революции, потому что он лишь материал, которым пользуется революционное меньшинство. Революции делают, а не готовят. Никакой эволюции Ткачев не признает. Революции не должна предшествовать пропаганда и поучение масс. Но Ткачев решительно против анархизма Бакунина. Он считает абсурдом разрушение государства. Он говорит о замене консервативных учреждений революционными почти также, как потом будет говорить Ленин. Анархический дионисизм Бакунина совершенно чужд Ткачеву. Бакунин был против всякой организации. Ткачев же был сторонником организации революционного меньшинства, которое должно завоевать власть. Он один из немногих русских революционеров прошлого, почти единственный, который думал о власти, о ее завоевании и ее организации. Он хотел, чтобы революционная социалистическая партия стала правительством. И в этом он очень походит на Ленина. Революционное социалистическое правительство он представлял себе довольно деспотическим. Разрушение всего прошлого при торжестве Ткачева было бы еще более беспощадным, чем при Ленине. Но время для этого еще не наступило и идеи Ткачева не имели

¹⁷ См. Г. Плеханов: "Наши разногласия" и "Историко-революционная Хрестоматия" т. 1, 1923 г.

особенной популярности в русской революционной среде. Воля к власти, проповедуемая Ткачевым, была очень противоположна настроениям русских социалистов-народников.

Очень решительно и резко уже в 80-ые годы полемизировал против Ткачева основатель русского марксизма и социал-демократии Г.В.Плеханов. Это один из основных мотивов его книги "Наши разногласия". Полемика Плеханова с Ткачевым представляет большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время как их еще не существовало. Плеханов восстает, главным образом, против идеи захвата власти революционной социалистической партией. Он считает такой захват власти величайшим несчастьем, чреватым грядущей реакцией. Плеханов также против бакунизма и бунтарства. Он - западник, рационалист, просветитель и эволюционист. Ему чужды русские иррациональные мотивы. Он защищает науку и философию против революционного обскурантизма Бакунина и Ткачева. Плеханов, как потом все марксисты-меньшевики, не хочет признать особенных путей России и возможность оригинальной революции в России. И в этом он, конечно, ошибся. Ткачев был более прав. Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам. С этим связана была особенная проблема в истории русской социалистической мысли - может ли Россия миновать капиталистическое развитие, господство буржуазии, может ли революция быть социалистической, можно ли применять к России теорию марксизма, не считаясь с особенностями русского пути. Ткачев был прав к критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова. В России не коммунистическая революция оказалась утопией, а либеральная, буржуазная революция оказалась утопией. Маркс не очень любил русских, он терпеть не мог Бакунина, не любил Герцена. В его отношении к России чувствовался иногда настоящий империалистический пангерманизм. Но он придавал огромное значение России и возможности в России революции. Он даже изучал русский язык и следил за русскими спорами о революции и социализме. Он написал известное письмо Н.Михайловскому. Как я уже говорил, он очень ценил Чернышевского. Но и Маркс и Энгельс говорили о буржуазном характере грядущей русской революции, были за народовольцев, которые сосредоточились исключительно на свержении самодержавной монархии, и в этом отношении были гораздо менее предшественниками Ленина, чем Ткачев. Маркс и Энгельс не понимали своеобразия русского пути и были "меньшевиками", сколько бы ни старались это затушевать "большевики". Но "большевиком" был Ткачев, как им был Нечаев и даже отчасти Бакунин, но в меньшей степени, так как он отрицал власть и организацию. В 70-х годах уже намечались те споры, которые вели в 90-ые годы русские марксисты и народники, а в начале XX века марксисты-большевики и марксисты-меньшевики.

Убийство Александра II по постановлению партии "Народной воли" было концом и срывом русских революционных движений до возникновения марксизма. Это была трагедия единоборства русской власти и русской интеллигенции. Во главе террористической организации "Народной воли", подготовившей покушение 1 марта 1881 г., стояла героическая личность А.Желябова. Желябов сам происходил из народа, из крестьян, он был сначала народником и отрицал значение политической борьбы. Безысходность движения интеллигенции в народ привела Желябова к сознанию неизбежности борьбы с самодержавием, как первой задачей. Желябов совсем не был фанатиком и изувером подобно Нечаеву. Он скорее был типом человека, предназначенного к испытанию полноты и гармонии жизни. Он также менее всего был материалистом и из русских революционеров был наиболее близок к христианству. На суде по делу 1 марта, на вопрос православный ли он, он ответил: "Крещен в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за право угнетенных и слабых, и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера"¹⁸. Перед казнью он поцеловал крест. Это очень смущает коммунистического биографа Желябова О.Воронского. Он объясняет христианские симпатии Желябова тем, что он был народником 70-х годов, а не шестидесятником. Я думаю, что тут большую роль играло то, что Желябов был человеком из народа. И такой человек из частных мотивов, из любви к правде, должен был жизнь свою отдать на организацию убийства. Это страшная

¹⁸ См.: А.Воронский: "Желябов", 1939 г.

трагедия русской жизни. По своему миросозерцанию Желябов не был предшественником русского коммунизма, но по приемам организации, по действиям был им. История русских революционеров есть мартиролог. И этим мартирологом коммунисты воспользовались, как нравственным капиталом. Русская историческая власть нравственно себя убивала, создавая мучеников.

ГЛАВА IV РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА И ЕЕ ПРОРОЧЕСТВА

1

Теперь мы переходим в иной мир, в иную душевную атмосферу, атмосферу великой русской литературы XIX века. Эта литература есть величайший памятник русского духа и она приобрела мировое значение. Но для нашей темы об источниках русского коммунизма важна одна ее черта, составляющая ее замечательную особенность. Русская литература - самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе. Многие русские писатели XIX века чувствовали, что Россия поставлена перед бездной и летит в бездну. Русская литература XIX века свидетельствует о совершающейся внутренней революции, о надвигающейся революции. Весь русский XIX век, величайший по творческому подъему век русской истории, был веком нарастающей революции. Раскол, раздвоение этого века, довели русское творчество до величайшего напряжения. Русская литература этого века не была ренессансной по своему духу. Лишь в Пушкине были проблески ренессанса. То был золотой век русской поэзии. Этот русский ренессанс совершался в очень узком кругу русского культурного дворянства. Он быстро сорвался и литература пошла другими путями. Начиная с Гоголя русская литература становится учительной, она ищет правды и учит осуществлению правды. Русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения. Но это значит, что основные мотивы русской литературы были религиозными. Русской литературе свойственны сострадательность и человечность, которые поразили весь мир.

Именно у русских писателей с особенной остротой ставилась проблема об оправдании человеческого творчества и культуры и подверглась сомнению оправданность культуры, как это было и в течениях русской социальной мысли. И это было связано со складом души, выработанным православием, души, в которой остался очень сильный аскетический элемент и искание спасения, ожидание иной, высшей жизни. Психологически Гоголь, Л.Толстой, Достоевский во многом сходятся с Белинским, Бакуниным, Чернышевским, Писаревым, народниками 70-х годов, хотя они антиматериалисты и творчество их окрашено религиозно. Западные люди почти никогда не сомневаются в оправданности цивилизации, это чисто русское сомнение и возникло оно не у тех русских, которые не были еще приобщены к культуре, а у тех, которые часто находились на вершинах культуры. Русские писатели, наиболее значительные, не верили в прочность цивилизации, в прочность тех устоев, на которых покоится мир, так называемый буржуазный мир их времени. Они полны жутких предчувствий надвигающейся катастрофы. Такой религиозной и социальной взволнованности не знает европейская литература, соответствующая цивилизации более установившейся и кристаллизованной, более оформленной, более самодовольной и спокойной, более дифференцированной и распределенной по категориям. Русским же была более свойственна целостность, тоталитарность, как в мысли, так и в творчестве и жизни. Русские мыслители, русские творцы, когда у них была духовная значительность, всегда искали не столько совершенной культуры, совершенных продуктов творчества, сколько совершенной жизни, совершенной правды жизни. С этим связан реализм русской литературы XIX века, который часто не понимают. Великая русская литература стоит по ту сторону европейского классицизма и романтизма. Ей свойствен был реализм, но совсем не реализм в школьном смысле слова, это реализм почти в религиозном смысле, а на вершинах в чисто религиозном смысле. Это есть реализм в смысле раскрытия правды и глубины жизни. При этом у Гоголя приемы были более романтические, у Толстого более классические. Русские писатели с необычайной остротой пережили трагедию творчества перед неизбежностью преобразования самой жизни, осуществления правды в жизни. Гоголь и Толстой готовы были пожертвовать творчеством совершенных произведений литературы во имя творчества совершенной жизни. Русские писатели не закованы в условных нормах цивилизации и потому прикасаются к

тайне жизни и смерти. Они выходят за пределы искусства. Таков Гоголь, Толстой, Достоевский. Только Пушкин ставил проблему свободы творчества, независимости творчества поэта от "черни", под которой он понимал, конечно, не народ, а окружавшее его дворянское, чиновничье, придворное общество.

Гоголь уже ставил проблему о социальной миссии искусства, о призвании писателя к социальному служению. Он хотел того, что в вульгаризованной форме русский коммунизм называет "социальным заказом". Великие русские писатели были одиноки в свое время, были против окружающего их общества, но они совсем не были индивидуалистами по принципу, они искали по разному всенародного, коллективного, соборного искусства. Обличением неправды существующего общества, исканием правды, литература исполняла социальную миссию, которая согласно русскому духовному складу у многих была миссией религиозно-социальной.

Русская поэзия была полна предчувствий грядущей революции, а иногда и призывала к ней. Пушкина считали певцом императорской России. И действительно, много можно привести оснований к тому, чтобы считать Пушкина государственным по своему мирозерцанию и менее раскольником, чем других русских писателей. У него был культ Петра Великого. Он вдохновлялся величием России. Но после опубликования всех стихов Пушкина стало ясно, как много у него революционных стихов. Очень отличаются первая и вторая половина его литературной деятельности. Это видно уже по различной оценке Радищева. Пушкин принадлежал к поколению декабристов, они были его друзья. Но разгром декабристов как будто убедил его в могуществе русской монархии. Пушкин - двойствен, у него как бы два лица. У него была любовь к величию и силе России, но была и страстная любовь к свободе. У него была совсем особенная любовь к свободе, отличная от любви к ней русской интеллигенции. Он настоящий певец свободы.

"Мы ждем, с томленьем упованья,
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья".

В Пушкине как будто на одно мгновение соединилось то, что было у нас всегда разъединено - идеология империи и идеология интеллигенции. Он писал о себе:

"И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал".

В стихотворении "Деревня" Пушкин описывает прелесть и поэзию русской деревни. Но вдруг вспоминает неправду, рабство, тьму, с которым связана прелесть деревенской жизни, существовавшей лишь для привилегированного меньшинства. Стихотворение кончается словами:

"Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?"

Но наиболее интересно для революционных настроений Пушкина стихотворение "Вольность".

"Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок".

В этом стихотворении есть жуткие слова о царях:

"Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу".

Пушкин чувствовал бунтарскую стихию в русском народе и предвидел возможность "русского бунта бессмысленного и беспощадного". И в наиболее гармоническом Пушкине нельзя найти полной гармонии, и он чувствовал нездоровость, разорванность и неправду императорской России.

Но наиболее потрясающее впечатление производит стихотворение Лермонтова "Предсказание", которое звучит уже совсем профетически.

"Настанет год - России черный год -

Когда царей корона упадет,
Забудет червь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек: -
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь - и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом".

Это романтическое по форме стихотворение, написанное в 1830 году, предвидит ужасы революции почти за столетие.

Третий великий русский поэт Тютчев имел скорее консервативное мирозерцание, чем революционное. Но он все время чувствовал, что на мир надвигается страшная революция. В странном контрасте со своим консервативно-славянофильским мирозерцанием Тютчев остро чувствовал в мире хаотическую, иррациональную, темную, ночную стихию. Наброшенный на мир покров гармонии и порядка, в аполлонических формах представлялся ему непрочным и тонким.

...Человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред этой бездной темной...
И чудится давно минувшим сном
Теперь ему все светлое, живое,
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье роковое.

Не только в природе, но и в истории есть эта хаотическая, буйная стихия. И Тютчев предчувствует исторические катастрофы, торжество сил хаотических, которые опрокинут космос. Тютчев консерватор, который не верит в прочность консервативных начал и устоев. Он строит реакционную утопию для спасения мира от хаотической революции. Он воображал, что христианством можно пользоваться, как консервативной силой. Его чисто политические стихотворения слабы, замечательны лишь его космические стихотворения.

Глава славянофильской школы А.Хомяков не был пророческой натурой. Сильный мыслитель, он был очень посредственный поэт. Но у него есть целый ряд резко обличительных стихотворений, из которых видно, что, несмотря на славянофильскую идеализацию исторического прошлого, он мучался великими историческими грехами России. Он верил, что Россия призвана поведать миру "таинство свободы", даровать "дар святой свободы". Россия недостойна "избранья", но "избрана".

"А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!"

И Хомяков призывает к покаянию,
"За все, за всякие страданья,
За всякий поправленный закон,
За темные отцов деянья,

За темный грех своих времен,
За все беды родного края, -
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!"

Он обличает русскую государственность в исключительном увлечении материальной силой, т.е. самым низменным соблазном. Он приветствовал поражение России в Крымскую кампанию, как справедливую кару. Он не хотел видеть призвания России в государственной мощи, он требовал осуществления правды. И в этом он стоял на линии интеллигенции.

Гоголя мучило, что Россия одержима духами зла и лжи, что она полна рож и харь и трудно в ней найти человека. Ошибочно видеть в Гоголе сатирика. Он видел метафизическую глубину зла, а не только социальное ее проявление. Сейчас нет уже старой России времени Гоголя с ее злыми и несправедливыми социальными формами, нет самодержавной монархии, нет крепостного права, нет старых неравенств. Но в более глубоком смысле гоголевская Россия осталась и в России советской, и советская, коммунистическая Россия полна рожами и харями, и в ней искажен человеческий образ. И в советской, коммунистической России есть Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, и в ней торгуют мертвыми душами и лжеимянный ревизор наводит на всех страх. Более всего проникал Гоголь в духи лжи, терзающие Россию. Гоголь пережил религиозную драму. Он был подавлен тяжестью воспринимаемого им зла, он нигде не видел добра, не видел образа человека. Он искал выхода в христианской жизни и искания свои изложил в книге "Переписка с друзьями". Она вызвала бурный протест Белинского, который увидел в ней измену гуманным, прогрессивным, свободолюбивым идеалам. Но в "Переписке с друзьями" Гоголь понял христианизацию жизни очень мелко и узко, в сущности антисоциально и его можно было истолковать, как защитника существующего строя вплоть до крепостного права. В "Переписке с друзьями" было много уродливого и не соответствующего глубине религиозной драмы Гоголя, она была отражением противоречий и уродливостей русской жизни. У Гоголя в натуре был сильный аскетический элемент, характерный для русских, и это привело его к осуждению своего литературного творчества.

Наиболее пророческим характером отличается поэзия начала XX века. Это была поэзия заката, конца целой эпохи, с сильным элементом упадничества. Но поэты видели и зори. Поэты-символисты чувствовали, что Россия летит в бездну. Это их то ужасало, то радовало, как возможность новой лучшей жизни. Символизм был выражением оторванности от социальной действительности, уходом в иной мир. Но вместе с тем русские символисты В.Иванов, А.Белый, А.Блок, страдавшие от одиночества, хотели всенародного искусства, пытались преодолеть упадочный эстетизм, искали социального заказа, употребляя советскую терминологию. Наиболее пророческими были стихи о России А.Блока, величайшего поэта начала века:

"Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар".

В другом стихотворении из цикла "На поле Куликовом" он пишет:

"Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!"

Но наиболее выразилось чувство России и предчувствия о России в изумительном стихотворении "Россия".

"Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, -
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты-
Ну, что ж? Одной заботой боле -
Одной слезой река шумней,
А ты все та же - лес да поле,
Да плат узорный до бровей... "

Тут предчувствие, что Россия отдаст "разбойную красу" чародею, "который может ее заманить и обмануть", и вместе с тем вера, что Россия не пропадет.

А другой символический поэт Андрей Белый восклицает в одном стихотворении: "Рассейся в пространстве, рассейся Россия, Россия моя". Поэты того предреволюционного времени были мистиками, апокалиптиками, они верили в Софию, в новые откровения, но в Христа не верили. Души их были не бронированы, незащитны, но может быть именно поэтому они были открыты к веяниям будущего, восприимчивы к внутренней революции, которой другие не замечали.

Русские писатели XIX и XX века чувствовали себя над бездной, они не жили в устойчивом обществе, в крепкой устоявшейся цивилизации. Катастрофическое мироощущение стало характерным для наиболее замечательных и творческих русских людей. Крепкая, устойчивая, классическая культура с ее перегородками, дифференциацией разных областей, с ее нормами и с ее духом конечности, боязнью бесконечности, очень неблагоприятна для предчувствий и предвидений. Такого рода культура создает броню для души и закрывает ее для токов, идущих от неведомого грядущего. В России выработалась эсхатологическая душевная структура, обращенная к концу, открытая для грядущего, предчувствующая катастрофы, выработалась особенная мистическая чувствительность. Западная душа была слишком укреплена и замкнута в цивилизации. У нас же все более и более образовывалась предреволюционная атмосфера. Россия XIX и XX века радикально отличается от Московской Руси. Московская Русь имела свой стиль культуры, она была закована в известных формах. Душа еще не пробудилась. Она не пробудилась к мысли, к критике, не познала еще раздвоения. От прикосновения Запада в русской душе произошел настоящий переворот и переворот в совершенно ином направлении, чем путь западной цивилизации. Влияние Запада на Россию было совершенно парадоксально, оно не привило русской душе западные нормы. Наоборот это влияние раскрыло в русской душе буйные, дионисические, динамические, а иногда и демонические силы. Душа расковалась и обнаружился динамизм, неведомый допетровской эпохе. Бесконечность стремлений западного фаустовского человека, человека новой истории в России, обнаружилось совсем по особому, по своему и это нашло себе гениальное выражение в творчестве Достоевского. Столкнулись Россия бытовая, унаследованная от прошлого, дворянская, купеческая, мещанская, которую поддерживала империя, и Россия интеллигенции, духовно революционная и социально революционная, устремленная в бесконечность, ищущая Града Грядущего. Это столкновение расковало динамические силы, привело к взрывам. В то время как на Западе просвещение и культура создавали какой-то порядок, подчиненный нормам - хотя и относительный, конечно, порядок, - в России просвещение и культура низвергали нормы, уничтожали перегородки, вскрывали революционную динамику. Это отразилось на вершинах русского творчества, у всех русских писателей.

2

Происходившая в России внутренняя революция отразилась более всего на творчестве Достоевского. По другому она отразилась у Толстого. Художество Толстого не было профетическим, но он сам был революцией. Интересно сравнить этих двух величайших русских гениев. Соотношения между художественной стихией у сознанием у них противоположные. Достоевский - динамический художник, вероятно самый динамический в мире¹⁹. Все погружено в нем в расплавленную, огненную атмосферу, все в бурном движении, нет ничего установившегося, окончательно оформленного. Достоевский - дионисический художник. Он выражает революцию духа, раскрывает диалектику революции. В нем очень силен профетический элемент, он обращен к

¹⁹ См. мою книгу "Миросозерцание Достоевского", Берлин, 1923. YMCA-PRESS.

будущему и многое в нем провидит. Он провидит русскую революцию и раскрывает ее идеи. Но сознательные идеи Достоевского, выраженные в "Дневнике Писателя", производят впечатление консервативных, хотя это консерватизм особый, перемешанный с революционностью.

Толстой художник устойчивого и оформленного быта. Романы Достоевского - трагедии, романы Толстого - эпос. Как художнику, Толстому не свойствен профетизм, он не обращен к грядущему. Динамизм и профетизм Достоевского связан с тем, что он весь поглощен проблемой человека, он антрополог. В искусстве Толстого - роман его самый совершенный в мировой литературе - человеческая жизнь погружена в жизнь космическую, в круговорот космической жизни. Достоевский - в истории, Толстой - в космосе. Но динамизм и профетизм свойствен именно истории, а не космической жизни. В сознании же именно Толстой был революционером, обличителем неправды мировой жизни, он анархист и нигилист, он восстает против мировой истории и против цивилизации с неслыханным радикализмом. Человек не должен повиноваться закону мира, он должен повиноваться закону Хозяина жизни, Богу. Положительно Толстой противоположен коммунизму, он не признает насилия, он враг всякого государства, отрицает технику и рациональную организацию жизни, он верит в божественную основу природы и жизни, он проповедует любовь, а не ненависть. Но отрицательно он предшественник коммунизма, он отрицает прошлое, традиции истории, старую культуру, церковь и государство, отрицает всякое экономическое и социальное неравенство, он громит привилегированные, господствующие классы, не любит культурную элиту. В русском народничестве 70-х годов не малую роль играли "кающиеся дворяне". Но в гениальном творчестве и жизни Л. Толстого покаяние господствующих классов достигло величайшего напряжения. Толстой весь проникнут той мыслью, что жизнь цивилизованных обществ основана на лжи и неправде. Он хочет радикально порвать с этим обществом. В этом он революционер, хотя и отрицает революционное насилие.

Достоевский тоже был революционер, несмотря на консервативное обличье многих своих идей. Он не любил и обличал революционную интеллигенцию прежде всего потому, что предвидел отрицание свободы духа, как предельный результат идейной диалектики революции, основанной на безбожии. Безбожие по Достоевскому неизбежно ведет к отрицанию свободы духа. Это раскрывается в гениальной диалектике "Легенды о Великом Инквизиторе" и у Ивана Карамазова. В этом вся оригинальность обличений Достоевского против революционной интеллигенции. Эти обличения защищают свободу духа, которые у самого Достоевского совершенно революционны и низвергают Великого Инквизитора во всякой церкви и государстве. В "Бесах" он является пророком русской революции, он многое предвидел, но часто бывал несправедлив. Достоевский - революционер духа. Он хочет революции с Богом и Христом. Достоевский враг атеистического социализма, как соблазна Великого Инквизитора, как предания свободы духа во имя хлеба и счастья. Но он менее всего защитник старого буржуазного мира. Он тоже социалист на почве православия, социалист со Христом. Он строил теократическую утопию, которая есть отрицание старого мира, отрицание государства и буржуазного хозяйства. В этом он очень русский. Под конец жизни Достоевский озлобился и соединился с реакционными элементами, которые не могли его понять. Но оба, и Толстой и Достоевский, восстают против неправды закона, выражают русский дух антизаконничества, оба враги буржуазного мира и его норм. Оба, хотя и по разному, ищут истинного христианства против искажений исторического христианства. И Толстой и Достоевский возможны были лишь в обществе, которое шло к революции, в котором накопились взрывчатые вещества. Достоевский проповедовал духовный коммунизм, ответственность всех за всех. Так понимал он русскую идею соборности. Его русский Христос не мог быть приспособлен к нормам буржуазной цивилизации. Толстой не знал Христа, он знал лишь учение Христа. Но он проповедовал добродетели христианского коммунизма, отрицал собственность, отрицал всякое экономическое неравенство. Мысли Достоевского и Толстого на грани эсхатологии, как и всякое революционное мышление. И Толстой и Достоевский проповедуют всечеловечность и это русская идея. Интернационализм есть лишь искажение русской идеи всечеловечности, христианской универсальности. Русский народ по Достоевскому есть народ богоносец именно потому, что он носитель всечеловеческой идеи, идеи всечеловеческого братства. Достоевский был противоречив в своем отношении к Западу, который он и любил и ненавидел. Противоречие было также между вселенской, всечеловеческой идеей, носителем которой он считал русский народ, и его резкими национальными антипатиями. Он верил, что свет придет с Востока. Но ему не свойственны были партикуляризм и национализм, который всегда был чужд оригинальной русской мысли.

Национализм всегда был немецким заимствованием на русской почве. Толстой и Достоевский глашатаи универсальной революции духа. Их ужаснула бы русская коммунистическая революция своим отрицанием духа, но и они были ее предшественниками.

Очень интересна и показательна фигура Константина Леонтьева для темы о предчувствиях и пророчествах русской литературы²⁰. К. Леонтьев художник, публицист и социолог. Он совершенно индивидуальный мыслитель и не принадлежит ни к какой школе и направлению. С обычной точки зрения он реакционер, но реакционерство его романтическое. Он хочет остановить либерально-эгалитарный прогресс, потому что он ведет к царству мещанства, к гибели сложной и цветущей культуры. Для него и социализм есть царство буржуазности, серый земной рай, нивелирование и обезличивание. Подобно революционеру Герцену, реакционер Леонтьев остро ставит проблему мещанства, характерную русскую проблему. Ненависть к буржуазному духу - определяющий аффект в жизни Леонтьева. Он не мог вынести того, что "апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский или немецкий или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушествовал бы "индивидуально" и "коллективно" на развалинах всего этого прежнего величия". Леонтьев человек итальянского ренессанса XVI века. Но он стал монахом, он принял тайный постриг и жил в Оптиной Пустыне, руководимый старцем Амвросием. Леонтьеву свойствен был острый эстетизм. Эстетическая оценка для него основная. В ней до конца жизни осталась неопределенная двойственность: он монах в обращении к потустороннему миру, к небу, и эстет в обращении к посюстороннему миру, к земле. Он не хочет осуществления христианства в жизни, реализации социальной правды, потому что это представляется ему смертью красоты, уродством. Христианство Леонтьева пессимистическое и исключительно потустороннее. Леонтьев во многом предшественник Ницше. Воля к могуществу, аристократизм, трагическое чувство жизни, острый эстетизм, аморализм, сосредоточенность внимания на условиях цветения и декаданса культур - все это роднит Леонтьева с Ницше. Для нашей темы наибольший интерес представляют пророчества Леонтьева о русской революции. Он одно время верил, что в России еще возможен расцвет оригинальной, не буржуазной культуры. Но потом он разочаровался в русском народе и русской миссии. Он так далеко идет, что начинает видеть единственную миссию русского народа в том, чтобы родить из своих недр антихриста. Уже в 80 годы он чувствует, что Россия фатально идет к революции и предсказывает, какой будет эта революция. Коммунистическую революцию он предвидел более точно и детально, чем Достоевский. Он предсказывает, что революция будет тиранической и кровавой, что она будет не либеральной, а коммунистической, что в ней не будут провозглашены права и свободы, и будет низвержена либерально-радикальная интеллигенция. Революция не будет гуманной и ей понадобятся древние инстинкты властвования и подчинения. Русский коммунизм увлечет народы Востока и пойдет истреблять буржуазный мир Запада. Истребление буржуазного мира нисколько не огорчало Леонтьева. Но он хотел спасти остатки благородной, аристократической культуры. Для этого Леонтьев хватается за последние средства, он предлагает русскому царю ввести коммунизм сверху. Леонтьев, согласно русской традиции, ненавидит капитализм и буржуазию. Предчувствия и предсказания Леонтьева сопровождаются чувством наступления конца мира.

В России конца XIX века нарастают апокалиптические настроения и притом в пессимистической окраске. За этим чувством наступления конца мира и царства антихриста можно увидеть чувство наступления конца целой исторической эпохи, разрушение старого мира. И это чувство двойственное; печальное и радостное. Русские писатели, наиболее интересные и чуткие, не хотели примириться с тем, что Россия пойдет банальным западным путем, буржуазным, рационалистическим, либеральным, гуманистическим. Своеобразную форму принимают апокалиптические настроения у Вл.Соловьева, самого крупного русского философа. Философия Вл.Соловьева, как и вся оригинальная русская философия, была христианской. Он сначала строил христианскую теократическую утопию, проповедовал свободную теократию, верил в возможность христианской политики. В противоположность Леонтьеву, он хотел осуществить христианскую правду в полноте жизни. Он представитель русской всечеловечности, враг всякого национального партикуляризма. Он христианский универсалист, жаждет соединения церквей и одно время склонялся к католичеству. В первый период своей деятельности Вл.Соловьев оптимистически истолковывал христианство, хотел соединить его с прогрессом и гуманизмом, верил в возможность

²⁰ См. мою книгу "Константин Леонтьев. (Очерк религиозной мысли)", Париж, 1926

развития Богочеловечества на земле. Но Вл.Соловьев пережил ряд разочарований, терпел удар за ударом. Он принужден признать, что история идет совсем не тем путем, в котором он видел торжество христианской истины. У него возникает острое чувство зла, которое раньше было слабо. Под конец жизни он окончательно разочаровывается в возможности вселенской свободной теократии, не верит более в пути истории. Он начинает думать, что история кончается, что она не имеет будущего, что все исчерпано. Он пишет свою "Повесть об антихристе". В ней пророчествует он о скором явлении антихриста. Мировая социальная организация человечества будет уже не делом христианства, не христианской теократией, а делом антихриста. Вл.Соловьев предчувствует роль панмонголизма и опасность, грозящую России и Европе от желтой расы. И у Вл.Соловьева, как и у Леонтьева, апокалиптические настроения, чувство наступления конца означает не наступление конца мира, а конца исторической эпохи, предчувствие исторических катастроф. Это апокалипсис внутри истории. Все чувствуют, что Россия поставлена перед бездной.

Для русских апокалиптических настроений огромное значение имеет Н.Федоров, который жил еще в конце XIX века, но значение и известность приобрел а XX веке. У Н.Федорова характер апокалиптических настроений меняется. Из религиозной полосы мысли он наиболее обращен к будущему и понимает апокалипсис активно, а не пассивно. Н.Федоров долгое время был совершенно неизвестен и не оценен, несмотря на то, что его необычайно высоко оценивали самые большие русские люди - Л.Толстой, Достоевский, Вл.Соловьев. По характеру Н.Федоров был русским чудачком, оригиналом. Он совсем не был профессиональным писателем и философом. Он принадлежал к тем русским людям, которые ищут спасения от зла и страданий, ищут Царства Божьего и имеют свой план спасения. Н.Федоров считал, что продавать книги нельзя, что их нужно раздавать даром. Это очень мешало распространению его идей. Но сейчас после революции, из всех русских религиозных мыслителей XIX века Н.Федоров единственный популярный и в советской России есть целое Федоровское течение. Это и понятно. Н.Федоров считал себя православным христианином, но у него очень много схожих черт с коммунизмом, он предшественник современного актуализма. Русские апокалиптические настроения были двойственны, в них был революционный и реакционный момент. Но несомненно преобладало пассивное понимание апокалипсиса. Русский человек чувствовал себя пронизанным мистическими веяниями наступающего конца, предвидел неотвратимое господство антихриста, он находился в состоянии ожидания, будущее вызывало в нем ужас. То, о чем пророчествует апокалипсис, совершится над человеком, над народом, но человек не является активным деятелем в осуществлении пророчеств. Апокалипсис понимается, как божественный фатум, человеческая свобода не играет никакой роли. У Н.Федорова резко меняется понимание апокалипсиса. Апокалиптические пророчества о царстве антихриста, о конце мира, о страшном суде Н.Федоров понимает условно, как угрозу. Ничего фатального тут нет. Если люди объединяются для "общего дела" воскрешения, для реального осуществления христианской правды в жизни, если в братском союзе будут бороться против стихийных, иррациональных, смертоносных природных сил, то не будет царства антихриста, конца мира и страшного суда, то человечество непосредственно перейдет в вечную жизнь. Все зависит от активности людей. И Н.Федоров проповедует неслыханную активность человека, которая должна победить природу, организовать космическую жизнь, победить смерть и воскресить мертвых. Это "общее дело" предполагает, как свое необходимое условие, братские отношения между людьми, прекращение розни людей, осуществление родственности между людьми, но оно осуществляется также при помощи науки и техники. Н.Федоров верил, что техника, если ей владеет братски объединенное человечество, может совершать чудеса, даже воскрешать умерших. Философию он понимает проективно. Сословия ученых и академиков, представляющих чистое, отвлеченное от практической жизни знание, не должно быть. Разделение теоретического и практического разума есть зло. Подобно Марксу и Энгельсу, Н.Федоров думает, что философия должна не познавать только мир, но и изменять его, она должна создавать проект спасения мира от зла и страдания, прежде всего от смерти, как источника всякого зла. Постановка проблемы смерти радикально отличает, конечно, Н. Федорова от марксизма и коммунизма. Мировая жизнь находится во власти иррациональных, стихийных природных сил. Силы эти нужно регулировать, подчинить разуму и знанию, человек должен ими овладеть.

Н.Федоров призывает к тому, чтобы люди перестали бороться друг с другом и соединились вместе для борьбы со стихийными силами природы. В этом несомненное сходство с коммунизмом, хотя и на другой духовной основе. Н.Федоров ненавидит капитализм еще более, чем марксисты, считая его созданием блудных сынов, забывших об умерших отцах. Он также коллективист, враг

индивидуализма. Отличает Н.Федорова от коммунизма его христианская вера и сознание долга по отношению к умершим отцам. Но его сближает с коммунизмом крайний активизм, вера во всемогущество техники, проповедь коллективного, общего дела, вражда к капитализму, проективизм, тоталитарность в отношении к жизни, склонность к регуляции и к планам мирового масштаба, отрицание теоретической мысли, умозрения, оторванного от практического дела, признание труда основой жизни. Н.Федоров был своеобразный коммунист на религиозной почве, с элементами неопределенного славянофильства. В его учении элементы реалистические перемешаны с элементами утопическими. Он был типичный русский мыслитель. У современных учеников Федорова элементы христианские ослаблены и усилены элементы технические, родственные коммунизму.

Русская литература и русская мысль свидетельствуют о том, что в императорской России не было единой целостной культуры, что был разрыв между культурным слоем и народом, что старый режим не имел моральной опоры. Культурных консервативных идей и сил в России не было. Все мечтали о преодолении раскола и разрыва в той или иной форме коллективизма. Все шло к революции.

ГЛАВА V КЛАССИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ И МАРКСИЗМ РУССКИЙ

1

К 80 годам народнический социализм был изжит и революционное движение не могло дальше развиваться под его знаменем. Уже возникновение партии "народной воли", которая ставила себе прежде всего чисто политическую цель свержения самодержавной монархии путем террора, было кризисом народничества. Революционная интеллигенция разуверилась в крестьянстве и решила опереться лишь на свой собственный героизм. Убийство Александра II народолюбцами не только не привело к торжеству революционной интеллигенции, но вызвало в эпоху Александра III сильное реакционное движение не в правительстве только, но и в обществе. Революционное движение не нашло себе никакой реальной социальной базы. В это время за границей среди эмигрантов возникла группа "Освобождение труда". Во главе ее стояли Г.Плеханов, П.Аксельрод, В.Засулич, Дейч. Это было возникновение русского марксизма и социал-демократического движения. После Маркса и Энгельса Плеханов был одним из главных признанных теоретиков марксизма. В прошлом Плеханов участвовал в народнических революционных организациях "Земля и Воля" и "Черный Передел". За годы жизни в Западной Европе Плеханов стал совсем западным человеком, очень рационалистического склада, довольно культурным, хотя и не высокого типа культуры, революционером более книжным, чем практическим. Он мог быть вожаком марксистской школы мысли, но не мог быть вожаком революции, как это и выяснилось в эпоху революции. Но на книжках Плеханова воспитывалось несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки русского коммунизма. Первоначально марксизм на русской почве был крайней формой русского западничества. Первые поколения русских марксистов прежде всего боролись со старыми направлениями революционной интеллигенции, с народничеством и нанесли ему непоправимые удары. Русский марксизм ждал освобождения от индустриального развития России, которого народничество как раз хотело избежать. Капиталистическая индустрия должна привести к образованию и развитию рабочего класса, который и есть класс освободитель. Поэтому марксисты стояли за пролетаризацию крестьянства, которой народники хотели не допустить. Марксисты думали, что они наконец нашли реальную социальную базу для революционной освободительной борьбы. Единственная реальная социальная сила, на которую можно опереться, это образующийся пролетариат. Нужно развивать классовое революционное сознание этого пролетариата. Нужно идти не к крестьянству, которое отвергло революционную интеллигенцию, а к рабочим, на фабрику. Марксисты сознавали себя реалистами, потому что развитие капитализма в это время в России действительно происходило. Первые марксисты хотели опереться не столько на революционную интеллигенцию, на роль личности в истории, сколько на объективный социально-экономический процесс. Марксисты с презрением нападали на утопический социализм народников. Если тип русского революционера-народника был по преимуществу эмоциональный, то тип русского

революционера-марксиста был по преимуществу интеллектуальный. В соответствии с условиями, в которых возник русский марксизм, марксисты сначала особенно подчеркивали детерминистские и эволюционные элементы в учении Маркса. Они боролись с утопизмом, с мечтательностью и гордились тем, что они, наконец, обрели истину научного социализма, который обещает им верную победу в силу закономерного объективного социального процесса. Социализм будет результатом экономической необходимости, необходимого развития. Первые русские марксисты очень любили говорить о развитии материальных производительных сил, как главной надежде и опоры. При этом их интересовало не столько само экономическое развитие России, как положительная цель и благо, сколько образование орудия революционной борьбы. Такова была революционная психология. Цели русской революционной интеллигенции остались как будто бы те же, но они приобрели новое орудие борьбы, они почувствовали более твердую почву под ногами. Марксизм был более сложной умственной теорией, чем те теории, на которые до сих пор опиралась революционная интеллигенция, и требовал больших усилий мысли. Но он рассматривался, как революционное орудие, и прежде всего как орудие борьбы против старых направлений, обнаруживших бессилие. В начале марксисты производили даже впечатление менее крайних и свирепых революционеров, чем старые социалисты-народники или социалисты-революционеры, как их стали называть, они были против террора, но это была обманчивая внешность, вводившая в заблуждение даже жандармов. Возникновение русского марксизма было серьезным кризисом русской интеллигенции, потрясением основ их мирозерцания. Из марксизма возникли разные новые течения. И нужно понять сущность марксизма и его двойственность, чтобы ориентироваться в дальнейших русских течениях.

Марксизм более сложное явление, чем обыкновенно думают. Не нужно забывать, что Маркс вышел из недр немецкого идеализма начала XIX века, он проникнут был идеями Фихте и Гегеля. Совершенно также Фейербах, главный представитель левого гегельянства, и тогда, когда он называл себя материалистом, весь был пропитан идеалистической философией и даже оставался своеобразным теологом. Особенно у юного Маркса чувствуется его происхождение от идеализма, которое наложило печать на всю концепцию материализма²¹. Марксизм дает, конечно, очень большие основания истолковывать марксистскую доктрину, как последовательную систему социологического детерминизма. Экономика определяет всю человеческую жизнь, от нее зависит не только все строение общества, но и вся идеология, вся духовная культура, религия, философия, мораль, искусство. Экономика есть базис, идеология есть надстройка. Существует неотвратимый объективный общественно-экономический процесс, которым все определяется. Форма производства и обмена есть как бы первородная жизнь и от нее все остальное зависит. В человеке мыслит и творит не он сам, а социальный класс, к которому он принадлежит, он мыслит и творит, как дворянин, крупный буржуа, мелкий буржуа или пролетарий. Человек не может освободиться от определяющей его экономики, он ее лишь отражает. Такова одна сторона марксизма. Власть экономики в человеческой жизни не Марксом выдумана и не он виновник того, что экономика так влияет на идеологию. Маркс увидел это в окружавшем его капиталистическом обществе Европы. Но он обобщил это и придал этому универсальный характер. То, что он открыл в капиталистическом обществе своего времени, он признал основой всякого общества. Он многое открыл в капиталистическом обществе и много верного сказал о нем, но ошибка его заключалась в универсализации частного. Экономический детерминизм Маркса носит совсем особый характер. Это есть разоблачение иллюзий сознания. Это делал уже Фейербах для религиозного сознания. Метод разоблачения иллюзий сознания у Маркса очень напоминает то, что делает Фрейд. Идеология, которая есть лишь надстройка, религиозные верования, философские теории, моральные оценки, творчество в искусстве - иллюзорно отражают в сознании действительность, которая есть прежде всего действительность экономическая, т. е. коллективная борьба человека с природой для поддержания жизни, подобно тому как у Фрейда есть прежде всего сексуальная действительность. Бытие определяет сознание, но бытие есть прежде всего материальное, хозяйственное бытие. Дух есть эпифеномен этого хозяйственного бытия. Марксизм не непосредственно выводит всякую идеологию и всякую духовную культуру из экономики, а через посредство классовой психологии, т. е. в социологическом детерминизме марксизма есть психологическое звено. Хотя существование классовой психологии и классового искажения всех идей и верований есть несомненная истина, но

²¹ См. цитированную книгу Cornu.

сама психология есть наиболее слабая сторона марксизма, психология эта была рационалистической и совершенно устарела.

Чтобы понять смысл социологического детерминизма марксизма и избличения им иллюзий сознания, нужно обратить внимание на существование в марксизме совсем другой стороны, по видимости противоречащей экономическому материализму. Марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме. Человек целиком детерминирован экономикой в капиталистическом обществе, это относится к прошлому. Определимость человека экономикой может быть истолкована, как грех прошлого. Но в будущем может быть иначе, человек может быть освобожден от рабства. И активным субъектом, который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является пролетариат. Ему приписываются мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль. Это есть секуляризация древнееврейского мессианского сознания. Рычаг, которым можно будет перевернуть мир, найден. И тут материализм Маркса оборачивается крайним идеализмом. Маркс открывает в капитализме процесс дегуманизации, овещствления (*Verdinglichung*) человека. С этим связано гениальное учение Маркса о фетишизме товаров. Все в истории, в социальной жизни есть продукт активности человека, человеческого труда, человеческой борьбы²². Но человек падает жертвой иллюзорного, обманного сознания, в силу которого результаты его собственной активности и труда представляются ему внешним объективным миром, от которого он зависит. Не существует вещной, объективной, экономической действительности, это иллюзия, существует лишь активность человека и активное отношение человека к человеку. Капитал не есть объективная вещная реальность, находящаяся вне человека, капитал есть лишь общественные отношения людей в производстве. За экономической действительностью всегда скрыты живые люди и социальные группировки людей. И человек своей активностью может расплавить этот призрачный мир капиталистической экономики. К этому призван пролетариат, который падает жертвой этой иллюзии, фетишизации и овещствления продуктов человеческого труда. Пролетариат должен бороться против овещствления человека, против дегуманизации хозяйства, должен обнаружить всемогущество человеческой активности. Это совсем другая сторона марксизма и она была сильна у раннего Маркса²³. Веру в активность человека, субъекта, он получил от немецкого идеализма. Это есть вера в дух и она не соединима с материализмом. В марксизме есть элементы настоящей экзистенциальной философии, обнаруживающей иллюзию и обман объективации, преодолевающей человеческой активностью мир объективированных вещей. Только эта сторона марксизма могла внушить энтузиазм и вызвать революционную энергию. Экономический детерминизм принижает человека, возвышает его лишь вера в активность человека, которая может совершать чудесное перерождение общества.

С этим связано и революционное, динамическое понимание диалектики. Нужно сказать, что диалектический материализм есть нелепое словосочетание. Не может быть диалектики материи, диалектика предполагает логос, смысл, возможна лишь диалектика мысли и духа. Но Маркс перенес свойства мысли и духа в недра материи. Материальному процессу оказывается свойственной мысль, разум, свобода, творческая активность и потому материальный процесс может привести к торжеству смысла, к овладению социальным разумом всей жизни. Диалектика превращается в экзальтацию человеческой воли, человеческой активности. Все определяется уже не объективным развитием материальных производительных сил, не экономикой, а революционной борьбой классов, т. е. активностью человека. Человек может победить власть экономики над своей жизнью. Предстоит, по словам Маркса и Энгельса, скачок из царства необходимости в царство свободы. История резко разделится на две части, на прошлое, детерминированное экономикой, когда человек был рабом, и на будущее, которое начнется с победы пролетариата и будет целиком определяться активностью

²² Маркс говорит в своих тезисах о Фейербахе: "Der Hauptmangel alles blaherigen Materialismus Ist, dass der Gegenstand, die Wirklichkeit, die Sinnlichkeit nur untor der Form des Objekts oder der Anschauung gefasst wird, nicht aber als sinnlich-menschliche Tatigkeit, Praxis, nicht subjektiv", Marx: "Thesen tiber Feuerbach". Это место совершенно противоположно материализму и приближает к экзистенциальной философии.

²³ Эту сторону марксизма подчеркивает и развивает Лукач, самый умный из коммунистических писателей, в книге: Lukacs - "Geschichte und Klasstnbewusstsein. Studien Uber marxistische Dialektik".

человека, социального человека, когда будет царство свободы. Переход от необходимости к свободе понимается в духе Гегеля. Но революционная диалектика марксизма есть не логическая необходимость самораскрытия и саморазвития идеи, а активность революционного человека, для которого прошлое не обязательно.

Свобода есть сознанный необходимость, но это сознание необходимости может творить чудеса, совершенно перерождать жизнь и создавать новое, небывшее. Переход к царству свободы есть победа над первородным грехом, который Маркс видел в эксплуатации человека человеком. Весь моральный пафос Маркса связан с этим раскрытием эксплуатации, как основы человеческого общества, эксплуатации труда. Маркс явно смешивал экономическую и этическую категории. Учение о прибавочной ценности, которое и обнаруживает эксплуатацию рабочих капиталистами, Маркс считал научным экономическим учением. Но в действительности это есть прежде всего этическое учение. Эксплуатация есть не экономический феномен, а прежде всего феномен нравственного порядка, нравственно дурное отношение человека к человеку. Существует разительное противоречие между научным аморализмом Маркса, который терпеть не мог этического обоснования социализма, и крайним морализмом марксистов в оценках общественной жизни. Все учение о классовой борьбе носит аксиологический характер. Различие между "буржуа" и "пролетарием" есть различие между злом и добром, несправедливостью и справедливостью, между заслуживающим порицания и одобрения. В системе марксизма есть логически противоречивое соединение элементов материалистических, научно-детерминистических, аморалистических с элементами идеалистическими, моралистическими, религиозно-мифотворческим. Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия. И на этом основана его сила.

2

Русские восприняли сначала марксизм по преимуществу со стороны объективно-научной. Более всего поразило учение Маркса о том, что социализм будет необходимым результатом объективного экономического развития, что он детерминирован самим развитием материальных производительных сил. Это было воспринято как надежда. Русские социалисты перестали себя чувствовать беспочвенными, висящими над бездной. Они почувствовали себя "научными", не утопическими, не мечтательными социалистами. "Научный социализм" стал предметом веры. Но твердая надежда, которую дает научный социализм на осуществление вожделенной цели, связана с промышленным развитием, с образованием класса фабричных рабочих. Страна, которая останется исключительно сельскохозяйственной и крестьянской, таких надежд не дает. Поэтому первые русские марксисты прежде всего должны были опрокинуть народническое мирозерцание, доказывать что в России развивается и должен развиваться капитализм. Борьба за тот тезис, что в России развивается капиталистическая индустрия и следовательно возрастает количество рабочих, представлялась революционной борьбой. Социалисты-народники в глазах марксистов превратились почти в реакционеров.

Но марксизм был воспринят по разному. Для одних развитие капиталистической промышленности в России означало надежду на торжество социализма. Возникает рабочий класс. Нужно отдать все свои силы на развитие сознания этого класса. Это Плеханов говорил: "за капитализм вся динамика нашей общественной жизни". Говоря это, он думал не о самой промышленности, а о рабочих. Для других, преимущественно для легальных марксистов, развитие капиталистической промышленности приобретало самодовлеющее значение и революционно-классовая сторона марксизма отходила на второй план. Таков был прежде всего П.Струве, представитель марксизма буржуазного. Те русские социал-демократы марксисты, которые потом получили наименование "меньшевиков", очень дорожили тезисом, что социалистическая революция возможна лишь в стране с развитой капиталистической индустрией. Поэтому социалистическая революция возможна будет в России, когда она перестанет быть по преимуществу крестьянской и сельскохозяйственной страной. Этот тип марксистов всегда дорожил объективно-научной, детерминистической стороной марксизма, но сохранял и субъективную, революционно-классовую сторону марксизма. Постоянные разговоры первых марксистов о необходимости развития капитализма в России и готовность приветствовать это развитие привели к тому, что старый

народоволец Л.Тихомиров, потом перешедший в реакционный лагерь, обвинял марксистов в том, что они должны превратиться в рыцарей первоначального накопления.

Марксисты считали народников реакционерами, сторонниками отсталых форм хозяйства, народники же считали марксистов сторонниками капитализма, призванными служить развитию капитализма. И действительно русский марксизм, возникший в стране еще не индустриализированной, без развитого пролетариата, должен был раздражаться моральным противоречием, которое давило на совесть многих русских социалистов. Как можно желать развития капитализма, приветствовать это развитие и вместе с тем считать капитализм злом и несправедливостью, с которой каждый социалист призван вести борьбу? Этот сложный диалектический вопрос создает моральный конфликт. Развитие капиталистической индустрии в России предполагало пролетаризацию крестьянства, лишение его орудий производства, т. е. ввержение в бедственное состояние значительной части народа. Капитализм означал эксплуатацию рабочих и значит нужно было приветствовать возникновение этих форм эксплуатации. В самом классическом марксизме была двойственность в оценке капитализма и буржуазии. Маркс, поскольку он стоял на эволюционной точке зрения и признавал существование разных этапов в истории, в отношении которых оценка меняется, высоко оценивал миссию буржуазии в прошлом и роль капитализма в развитии материальной мощи человечества. Вся концепция марксизма очень зависит от развития капитализма и приурочивает к капиталистической индустрии мессианскую идею пролетариата, которая с наукой ничего общего не имеет. Марксизм верит, что фабрика и только фабрика создаст нового человека. Тот же вопрос ставится перед марксизмом в другой форме: есть ли марксистская идеология такое же отражение экономической действительности, как и все другие идеологии, или она претендует на открытие абсолютной истины, не зависимой от исторических форм экономики и экономических интересов? Для философии марксизма очень важен вопрос, есть ли эта философия прагматизм или абсолютный реализм? Вопрос этот, как мы увидим, будет дебатироваться в советской философии. Но перед первыми русскими марксистами стоял вопрос моральный и вопрос познавательный и создавал конфликт моральный и логический. Мы увидим, что этот моральный конфликт будет разрешен лишь Лениным и большевиками. Именно марксист Ленин будет утверждать, что социализм может быть осуществлен в России помимо развития капитализма и до образования многочисленного рабочего класса. Плеханов же высказывался против совмещения революции, низвергающей самодержавную монархию, и революции социальной, он против революционно-социалистического захвата власти, т. е. заранее против коммунистической революции в той форме, как она произошла. С социальной революцией нужно ждать. Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, а не революционного кружка. Это требует увеличения количества рабочих, развития их сознательности, предполагает более развитую промышленность. Плеханов изначально был врагом бакунизма, в котором видел смешение Фурье со Стенькой Разиным. Он против бунтарства и заговорчества, против якобинства и веры в комитеты. Диктатура ничего не может сделать, если рабочий класс не подготовлен к революции. Подчеркивается реакционный характер крестьянской общины, мешающей экономическому развитию. Опереться нужно на объективный общественный процесс. Плеханов не принял большевистской революции, потому что всегда был против захвата власти, для которой еще не подготовлена ни сила, ни сознание. Нужно прежде всего революционизирование сознания, а не стихийное движение, и революционизирование сознания самого рабочего класса, а не партийно организованного меньшинства.

Но при таком применении к России принципов марксизма до социальной революции пришлось бы слишком долго жить. Возможность непосредственной социалистической деятельности в России ставилась под вопрос. Революционная воля могла быть окончательно раздавлена интеллектуальной теорией. И наиболее революционно настроенные русские марксисты должны были иначе истолковать марксизм и построить другие теории русской революции, выработать иную тактику. В этом крыле русского марксизма революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма. Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности, не желавшей допустить капиталистической стадии в развитии России, с Чернышевским, Бакуниным, Нечаевым, Ткачевым. На этот раз не Фурье, а Маркс был соединен со Стенькой Разиным. Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики. На почве эволюционного, детерминистического истолкования марксизма

нельзя было оправдать пролетарской, социалистической революции в стране индустриально отсталой, крестьянской, со слабо развитым рабочим классом. При таком понимании марксизма приходилось рассчитывать сначала на буржуазную революцию, на развитие капитализма и потом уже совершать социалистическую революцию. Это было не очень благоприятно для экзальтации революционной воли.

На почве перенесения в Россию марксистских идей среди русских социал-демократов возникло между прочим направление "экономизма", которое политическую революцию возлагало на либеральную и радикальную буржуазию, а среди рабочих считало нужным организовывать чисто экономическое, профессиональное движение. Это было правое крыло социал-демократии, которое вызвало реакцию более революционного ее крыла. Происходило все более и более разделение внутри русского марксизма на ортодоксальное, более революционное крыло и на критическое, более реформаторское крыло. Различие между "ортодоксальным" и "критическим" марксизмом было очень условно-относительным, потому что, "критический" марксизм был в некоторых отношениях более верен научной, детерминистической стороне марксизма, чем марксизм "ортодоксальный", который делал из марксизма совершенно оригинальные по отношению России выводы, которые вряд ли могли быть приняты Марксом и Энгельсом. Лукач, венгерец, пишущий по-немецки, самый умный из коммунистических писателей, обнаруживший большую тонкость мысли, делает своеобразное и по-моему верное определение революционности²⁴. Революционность определяется совсем не радикализмом целей и даже не характером средств, применяемых в борьбе. Революционность есть тотальность, целостность в отношении ко всякому акту жизни. Революционер тот, кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее. Для революционера нет отдельных сфер, он не допускает дробления, не допускает автономии мысли по отношению к действию и автономии действия по отношению к мысли. Революционер имеет интегральное миросозерцание, в котором теория и практика органически слиты. Тоталитарность во всем - основной признак революционного отношения к жизни. Критический марксизм мог иметь те же конечные идеалы, что и марксизм революционный, считающий себя ортодоксальным, но он признавал отдельные, автономные сферы, он не утверждал тотальность. Можно, например, было быть марксистом в сфере социальной и не быть материалистом, быть даже идеалистом. Можно было критиковать те или иные стороны марксистского миросозерцания. Марксизм переставал быть целостной, тоталитарной доктриной, он превращался в метод в социальном познании и социальной борьбе. Это противно тоталитарности революционного типа. Русские революционеры и в прошлом всегда были тотальны. Революция была для них религией и философией, а не только борьбой, связанной с социальной и политической стороной жизни. И должен был выработаться русский марксизм, соответствующий этому революционному типу и этому революционному тоталитарному инстинкту. Это - Ленин и большевики. Большевизм и определил себя единственным ортодоксальным, т.е. тоталитарным, интегральным марксизмом, не допускающим дробления марксистского миросозерцания и принятия лишь его отдельных частей.

Этот "ортодоксальный" марксизм, который в действительности был по-русски трансформированным марксизмом, воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифотворческую религиозную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей. Этот ортодоксальный, тоталитарный марксизм всегда требовал исповедания материалистической веры, но в нем были и сильные идеалистические элементы. Он показал, как велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс. В марксизме-большевизме пролетариат перестал быть эмпирической реальностью, ибо в качестве эмпирической реальности пролетариат был ничтожен, он был прежде всего идеей пролетариата, носителем же этой идеи может быть незначительное меньшинство. Если это незначительное меньшинство целиком одержимо титанической идеей пролетариата, если его революционная воля экзальтирована, если оно хорошо организовано и дисциплинировано, то оно может совершать чудеса, может преодолеть детерминизм социальной закономерности. И Ленин доказал на практике, что это возможно. Он совершал революцию во имя Маркса, но не по Марксу.

²⁴ См. выше цитированную книгу Лукача

Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ. Не революционному народничеству, а именно ортодоксальному, тоталитарному марксизму удалось совершить революцию, в которой Россия перескочила через стадию капиталистического развития, которое представлялось столь неизбежной первым русским марксистам. И это оказалось согласным с русскими традициями и инстинктами народа. В это время иллюзии революционного народничества были изжиты, миф о народе-крестьянстве пал. Народ не принял революционной интеллигенции. Нужен был новый революционный миф. И миф о народе был заменен мифом о пролетариате. Марксизм разложил понятие народа, как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом. Ортодоксальный, тоталитарный марксизм запретил говорить о противоположности интересов пролетариата и крестьянства. На этом сорвался Троцкий, который хотел быть верен классическому марксизму. Крестьянство было объявлено революционным классом, хотя советскому правительству приходится с ним постоянно бороться, иногда очень жестоко. Ленин вернулся по новому к старой традиции русской революционной мысли. Он провозгласил, что промышленная отсталость России, зачаточный характер капитализма есть великое преимущество социальной революции. Не придется иметь дело с сильной, организованной буржуазией. Тут Ленин принужден повторить то, что говорил Ткачев, а отнюдь не то, что говорил Энгельс. Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла руссификация и ориентализация марксизма.

3

Марксизм был крушением русской интеллигенции, был сознанием ее слабости. Это было не только изменением мирозерцания, но и изменением душевной структуры. Русский социализм делался менее эмоциональным и сентиментальным, более интеллектуально обоснованным и более жестким. Первые русские марксисты были более европейцами, более западными людьми, чем народники. Пробудилась воля к могуществу, к приобретению силы и появилась идеология силы. Мотив сострадания ослабевает, не определяет уже типа революционной борьбы. Отношение к народу-пролетариату определяется уже не столько состраданием к его угнетенному, несчастному положению, сколько верой в то, что он должен победить, что он грядущая сила и освободитель человечества. Но при всех душевных изменениях в интеллигенции основная подпочва осталась та же - искание царства социальной правды и справедливости, жертвоспособность, аскетическое отношение к культуре, целостное, тоталитарное отношение к жизни, определяемое главной целью - осуществлением социализма.

Изначально русский марксизм был сложным явлением, в нем были разные элементы. И это обнаружилось в дальнейшем. Если одна часть русских марксистов более всего дорожила целостным, тоталитарным характером своего революционного мирозерцания, охраняла свою ортодоксию и отличалась крайней нетерпимостью, если марксизм и социализм были для них религией, то в другой части произошла дифференциация разных культурных областей, была нарушена революционная целостность и произошло освобождение подавленной жизни духа и духовного творчества. Были признаны права религии, философии, искусства, независимо от социального утилитаризма реальной жизни, т. е. права духа, которые отрицались русским нигилизмом, революционным народничеством и анархизмом и революционным марксизмом. Так как в марксизме и в социализме перестали видеть религию, целостное мирозерцание, отвечающее на все вопросы жизни, то освободилось место для религиозных исканий, для духовного творчества. Как это ни странно с первого взгляда, но именно из недр марксизма, - скорее впрочем критического, чем ортодоксального, - вышло у нас идеалистическое, а потом религиозное течение. К нему принадлежали С.Булгаков, ныне священник и профессор догматического богословия, а также пишущий эти строки²⁵.

²⁵ Первая моя книга вышедшая в 1900 г. "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии" представляла попытку синтезировать марксизм с идеалистической философией Канта и Фихте.

Произошел кризис миросозерцания, обращенного исключительно к посюстороннему, к земной жизни и раскрылся иной, потусторонний, духовный мир. Наступил конец исключительному господству материализма и позитивизма в русской интеллигенции. За возможность такого метафизического и религиозного поворота велась жестокая борьба. Идеалистическое течение было воспринято со страшной враждой, как в марксистском лагере, так и в старом народническом и радикальном лагере. Этот поворот рассматривался, как измена освободительной борьбе. В лагере марксистов это приняло первоначально форму борьбы ортодоксального, т. е. тоталитарного, направления и направления критического, допускавшего соединение марксизма с иной, не материалистической философией и критический пересмотр некоторых сторон марксизма. В дальнейшем движение оторвалось от связи с разными формами марксизма и превратилось в борьбу за самостоятельность духовных ценностей в познании, искусстве, моральной и религиозной жизни. Социализму пытались дать идеологическое, этическое обоснование. Это было преодолением традиций русского нигилизма, утопизма, материализма, позитивизма. В конце концов это привело к тому, что цельность, тоталитарность начали искать не в революции, а в религии. В начале XX века в России был настоящий культурный ренессанс, религиозный, философский, художественный. И тут произошел возврат к традициям великой русской литературы и русской религиозно-философской мысли. От Чернышевского и Плеханова обратились к Достоевскому, Л.Толстому, Вл.Соловьеву. Но эти культурные идеалистические течения начали терять связь с социальным революционным движением, они все более и более теряли широкий социальный базис. Образовалась культурная элита, не оказавшая влияния на широкие круги русского народа и общества. Это был новый раскол, которыми так богата история русской интеллигенции. В этом была слабость идеалистического движения. И это имело роковые последствия для идеологии русской революции, для ее духоборства.

В русском верхнем культурном слое начала века был настоящий ренессанс духовной культуры, появилась русская философская школа с оригинальной религиозной философией, был расцвет русской поэзии, после десятилетий падения эстетического вкуса пробудилось обостренное эстетическое сознание, пробудился интерес к вопросам духовного порядка, который был у нас в начале XIX века. Впервые может быть в России появились люди утонченной культуры, граничащей с упадочностью. Это было время символизма, метафизики, мистики. Люди русского культурного слоя стояли вполне на высоте европейской культуры. Огромное значение имел в это время Ницше, влияние которого встречалось с влиянием Достоевского. Из немецкой философии наибольший интерес вновь вызывали такие мыслители, как Шеллинг и Фр.Баадер. Прошли через Ибсена, через французских символистов. Но русский символизм не остался в сфере эстетико-художественной, он быстро перешел в сферу религиозно-мистическую. Вновь были открыты и получили значение русские мыслители полузабытые или еще мало известные и не оцененные - Хомяков, Вл.Соловьев, К.Леонтьев, Н.Федоров, В.Розанов. Но ко всей просвещенческой, нигилистической, народнической полосе русской мысли был потерян интерес. Это было время, когда на башне Вячеслава Иванова, - так называлась квартира на шестом этаже против Таврического дворца самого утонченного из русских поэтов-символистов, - происходили каждую среду утонченнейшие беседы на эстетико-мистические темы. В это время внизу бушевала первая революция 1905 года. Между верхним и нижним этажом русской культуры не было почти ничего общего, был полный раскол. Жили как бы на разных планетах. В общем движение может быть охарактеризовано как своеобразный русский романтизм, но в своем религиозно направленном крыле это был переход к религиозному реализму. Ничего социально-реакционного в культурном ренессансе начала века не было, многие его деятели даже определенно сочувствовали революции и социализму. Но интерес к социальным вопросам слабел и деятели духовной культуры не имели никакого влияния на происходившее социально-революционное брожение, они жили в социальной изоляции, составляли замкнутую элиту.

В это же время происходили бурные споры большевизма и меньшевиков и нарастала большевистская партийная организация. Плеханов, глава меньшевистской фракции социал-демократии, был книжным теоретиком марксизма, а не революционным вождем. Настоящим революционным вождем был Ленин, создатель русского и мирового коммунистического движения. Раскол русской социал-демократии на большевиков и меньшевиков начался с происходившего в Лондоне в 1903 году съезда социал-демократической партии. Большевики на этом съезде получили количественное "большинство", меньшевики же "меньшинство". Очень интересна самая судьба слова "большевизм". Первоначально это слово совершенно бесцветно и означает сторонников большинства. Но потом оно приобретает символический смысл. Со словом "большевизма"

ассоциировалось понятие силы, со словом же меньшевизм - понятие сравнительной слабости. В стихии революции 1917 года восставшие народные массы пленялись "большевизмом", как силой, которая больше дает, в то время как "меньшевизм" представлялся слабым, он дает меньше. Скромное и мало значущее по своему происхождению слово "большевизм" приобрело значение знамени, лозунга, самое слово звучало сильно и выразительно. Но очень характерно для раскола русской культуры, что и большевики и меньшевики и все деятели революционного социального движения вдохновлялись совсем не теми идеями, которые господствовали в верхнем слое русской культуры, им была чужда русская философия, их не интересовали вопросы духа, они оставались материалистами или позитивистами. Культурный уровень не только средних революционеров, но и вожаков революции был не высок, мысль их упрощена. Они остались чужды тому веянию духа, которое пронеслось над Европой и Россией в конце XIX и начале XX века. Им оставались чужды темы Достоевского, Л.Толстого, Вл.Соловьева. Ницше, тема германского идеализма, символизма, вообще темы христианства. Более высокая умственная культура была у элементов группировавшихся вокруг "Союза освобождения", организации образовавшейся в 1903-4 гг. и представлявшей широкий либерально-радикальный блок для борьбы за политическую свободу против самодержавия. В этом блоке широкие круги левой интеллигенции пытались соединиться с либеральными деятелями земского и городского самоуправления, в нем участвовали и более умеренные социал-демократы. Но этот "Союз освобождения", в котором участвовали значительные интеллектуальные силы, не мог овладеть революционным движением, потому что в России могло иметь успех лишь движение под символикой социализма, а не символикой либерализма, и непременно вдохновленное тоталитарным мирозерцанием. Элементарность и грубость идей революции 1905 года, в которых чувствовалось наследие русского нигилизма, оттолкнули деятелей культурного ренессанса и вызвали духовную реакцию. В это время произошла переоценка ценностей мирозерцания русской интеллигенции. Это нашло себе выражение в нашумевшем в свое время сборнике "Вехи", в котором были подвергнуты резкой критике материализм, позитивизм, утилитаризм революционной интеллигенции, ее равнодушие к высшим ценностям духовной жизни. Происходила борьба за дух, но борьба эта не имела широкого социального влияния. По старой традиции русской интеллигенции борьба за дух была воспринята, как реакция, почти как измена освободительным стремлением. Такова была предреволюционная культурная атмосфера. Внутри же революционного движения обнаружилась слабость и неподготовленность социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров, продолжавших народнические традиции. Это было время Государственной Думы, начатки русского парламента, еще довольно бесправного, и образование впервые большой либеральной партии так называемых кадетов под главенством П. Милюкова. На поверхности русской жизни либерализм как будто начинал играть довольно большую роль и с ним должно было считаться правительство. Но самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием²⁶. Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа.

²⁶ В статье написанной в 1907 г. и вошедшей в мою книгу "Духовный кризис интеллигенции", СПб, 1910 г., я определенно предсказал, что если в России будет настоящая большая революция, то в ней неизбежно победят большевики. (Примеч. изд-ва: Речь идет о статье "Из психологии русской интеллигенции").

ГЛАВА VI РУССКИЙ КОММУНИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ²⁷

1

Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция, она совершалась под символикой интернационала, но она же и глубоко национальна и национализуется все более и более по своим результатам. Трудность суждений о коммунизме определяется именно его двойственным характером, русским и международным. Только в России могла произойти коммунистическая революция. Русский коммунизм должен представляться людям Запада коммунизмом азиатским. И вряд ли такого рода коммунистическая революция возможна в странах Западной Европы, там, конечно, все будет по иному. Самый интернационализм русской коммунистической революции - чисто русский, национальный. Я склонен думать, что даже активное участие евреев в русском коммунизме очень характерно для России и для русского народа. Русский мессианизм родствен еврейскому мессианизму. Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л.Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать, не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал. Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи председателем совета народных комиссаров, вождем советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде. Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье. Он восставал против "детской болезни левизны" в коммунистической партии. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной. И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека, говорил, что это не его дело, что это в революции

²⁷ Литература о русском коммунизме огромна, но большая часть этой литературы не представляет особенной ценности. Отмечу книги: Gene Fullop-Miller - "Gelst und Gesicht des Bolschevlsmus"; Valdemar Gurian - "Le Bolchevisme"; J.Malaparte - "Le bonhomme Lenine"; Fedor Stern - "Des Anlits Russlands und das Gesicht der Revolution"; и мои книги и статьи: "Правда и ложь коммунизма" в журн. "Путь" № 30, Париж, 1931; "Русская религиозная психология и коммунистический атеизм", Париж, 1931; "Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм", в журн. "Путь" 1931; № 34, Париж 1932.

неизбежно. Но сам он вероятно не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки. Эта черта подала повод Малапарту²⁸ характеризовать его, как мелкого буржуа, что не совсем верно. В молодости Ленин поклонялся Плеханову, относился к нему почти с благоговением и ждал первого свидания с Плехановым со страстным волнением.²⁹ Разочарование в Плеханове, в котором он увидел мелкие черты самолюбия, честолюбия, горделиво-презрительного отношения к товарищам, было для Ленина разочарованием в людях вообще. Но первым толчком, который определил революционное отношение Ленина к миру и жизни, была казнь его брата, замешанного в террористическом деле. Отец Ленина был провинциальный чиновник, дослужившийся до генеральского чина и дворянства. Когда брат его был казнен по политическому делу, то окружающее общество отвернулось от семьи Ленина. Это также было для юного Ленина разочарованием в людях. У него выработалось циническо-равнодушное отношение к людям. Он не верил в человека, но хотел так организовать жизнь, чтобы людям было легче жить, чтобы не было угнетения человека человеком. В философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью.

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее. Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил. Все мирозерцание Ленина было приспособлено к технике революционной борьбы. Он один, заранее, задолго до революции, думал о том, что будет, когда власть будет завоевана, как организовать власть. Ленин - империалист, а не анархист. Все мышление его было империалистическим, деспотическим. С этим связана прямолинейность, узость его мирозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли, элементарность лозунгов, обращенных к земле. Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Всякая рафинированность мысли и духовной жизни его отталкивала. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия. В нем не было способности к созерцанию. Он хорошо знал марксизм, имел некоторые экономические знания. По философии он читал исключительно для ,борьбы, для сведения счетов с ересями и уклонами в марксизме. Для обличения Маха и Авенариуса, которыми увлечены были марксисты-большевики Богданов и Луначарский, Ленин прочел целую философскую литературу. Но у него не было философской культуры, меньше, чем у Плеханова. Он всю жизнь боролся за целостное, тоталитарное мирозерцание, которое необходимо было для борьбы, которое должно сосредоточивать революционную энергию. Из этой тоталитарной системы он не позволял вынуть ни одного кирпича, он требовал принятия всего целиком. И со своей точки зрения он был прав. Он был прав, что увлечение Авенариусом и Махом или Ницше нарушает целостность большевистского мирозерцания и ослабляет в борьбе. Он боролся за целостность и последовательность в борьбе, она невозможна без целостного, догматического вероисповедания, без ортодоксии. Он требовал сознательности и организованности в борьбе против всякой стихийности. Это основной у него мотив. И он допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло-все, что ей мешает. Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей

²⁸ См. талантливую книгу J.Malaparte: "Le bonhomme Lenin".

²⁹ См. "Юбилейный сборник Ленина".

привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила.

Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедывал и защищал целостное, тоталитарное миросозерцание, не допускал никаких нарушений этой целостности. Отсюда же непонятная на первый взгляд страстность и ярость, с которой он борется против малейших отклонений от того, в чем он видел марксистскую ортодоксию. Он требует ортодоксальных, согласных с тоталитарностью миросозерцания, т. е. революционных, взглядов на познание, на материю, на диалектику и т. п. от всякого, кто себя считает марксистом, кто хочет служить делу социальной революции. Если вы не диалектический материалист, если вы в чисто философских, гносеологических вопросах предпочитаете взгляды Маха, то вы изменяете тоталитарной, целостной революционности и должны быть исключены. Когда Луначарский пробовал заговорить о богоискательстве и богостроительстве, то, хотя это носило совершенно атеистический характер, Ленин с яростью набросился на Луначарского, который принадлежал к фракции большевиков. Луначарский вносил усложнение в целостное марксистское миросозерцание, он не был диалектическим материалистом, этого было достаточно для его отлучения. Пусть меньшевики имели тот же конечный идеал, что и Ленин, пусть они также преданы рабочему классу, но у них нет целостности, они не тоталитарны в своем отношении к революции. Они усложняли дело разговорами о том, что в России сначала нужна буржуазная революция, что социализм осуществим лишь после периода капиталистического развития, что нужно ждать развития сознания рабочего класса, что крестьянство класс реакционный и пр. Большевики также не придавали особенного значения целостному миросозерцанию, обязательному исповеданию диалектического материализма, некоторые из них были обыкновенными позитивистами и даже, что уже совсем ужасно, неокантианцами, т. е. держались за "буржуазную" философию. Все это ослабляло революционную волю. Для Ленина марксизм есть прежде всего учение о диктатуре пролетариата. Большевики же считали невозможной диктатуру пролетариата в сельскохозяйственной, крестьянской стране. Большевики хотели быть демократами, хотели опираться на большинство. Ленин не демократ, он утверждает не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства. Поэтому ему часто бросали упрек в бланкизм. Он строил план революции и революционного захвата власти, совсем не опираясь на развитие сознания огромных масс рабочих и на объективный экономический процесс. Диктатура вытекала из всего миросозерцания Ленина, он даже строил свое миросозерцание в применении к диктатуре. Он утверждал диктатуру даже в философии, требуя диктатуры диалектического материализма над мыслью.

Целью Ленина, которую он преследовал с необычайной последовательностью, было создание сильной партии, представляющей хорошо организованное и железно-дисциплинированное меньшинство, опирающееся на цельное революционно-марксистское миросозерцание. Партия должна иметь доктрину, в которой ничего нельзя изменить, и она должна готовить диктатуру над всей полнотой жизни. Сама организация партии, крайне централизованная, была уже диктатурой в малых размерах. Каждый член партии был подчинен этой диктатуре центра. Большевицкая партия, которую в течение многих лет создавал Ленин, должна была дать образец грядущей организации всей России. И Россия действительно была организована по образцу организации большевицкой партии. Вся Россия, весь русский народ оказался подчиненным не только диктатуре коммунистической партии, ее центральному органу, но и доктрине коммунистического диктатора в своей мысли и своей совести. Ленин отрицал свободу внутри партии и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию. Это и есть диктатура миросозерцания, которую готовил Ленин. Ленин мог это сделать только потому, что он соединял в себе две традиции - традицию русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и традицию русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях. Социал-демократы, меньшевики, и социалисты-революционеры остались лишь в первой традиции, да и то смягченной. Но соединив в себе две традиции, которые находились в XIX веке в смертельной вражде и борьбе, Ленин мог начертать план организации коммунистического государства и осуществить его. Как это парадоксально ни звучит, но большевизм есть третья явление русской великодержавности, русского империализма, - первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм - за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел

в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным. Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ними. Это отличало большевиков от всех других революционеров. И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным. Для понимания подготовки диктатуры пролетариата, которая есть диктатура коммунистической партии, чрезвычайный интерес представляет книжка Ленина "Что делать?", написанная еще в 1902 году, когда не было еще раскола на большевиков и меньшевиков, и представляющей блестящий образец революционной полемики. В ней Ленин боролся главным образом с так называемым "экономизмом" и стихийностью в понимании подготовки революции. Экономизм был отрицанием целостного революционного миросозерцания и революционного действия. Стихийности Ленин противопоставлял сознательность революционного меньшинства, которое призвано господствовать над общественным процессом. Он требует организации сверху, а не снизу, т. е. организации не демократического, а диктаторского типа. Ленин издевался над теми марксистами, которые всего ждут от стихийно-общественного развития. Он утверждал не диктатуру эмпирического пролетариата, который в России был очень слаб, а диктатуру идеи пролетариата, которой может быть проникнуто незначительное меньшинство. Ленин всегда был антиэволюционистом и в сущности был и антидемократом, что сказалось на молодой коммунистической философии. Будучи материалистом, Ленин совсем не был релятивистом и ненавидел релятивизм и скептицизм, как порождение буржуазного духа. Ленин - абсолютист, он верит в абсолютную истину. Материализму очень трудно построить теорию познания, допускающую абсолютную истину, но Ленина это не беспокоит. Его невероятная наивность в философии определяется его целостной революционной волей. Абсолютную истину утверждает не познание, не мышление, а напряженная революционная воля. И он хочет подобрать людей этой напряженной революционной воли. Тоталитарный марксизм, диалектический марксизм есть абсолютная истина. Эта абсолютная истина есть орудие революции и организации диктатуры. Но учение, обосновывающее тоталитарную доктрину охватывающую всю полноту жизни - не только политику и экономику, но и мысль, и сознание, и все творчество культуры - может быть лишь предметом веры.

Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному миросозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции. Если остатки старой интеллигенции, не примкнувшей к большевизму, не узнали своих собственных черт в тех, против кого они восстали, то это историческая aberrация, потеря памяти от эмоциональной реакции. Старая революционная интеллигенция просто не думала о том, какой она будет, когда получит власть, она привыкла воспринимать себя безвластной и угнетенной и властность и угнетательство показалось ей порождением совершенно другого, чуждого ей типа, в то время как то было и их порождением. В этом парадокс исхода русской интеллигенции, ее трансформирования после победоносной революции. Часть ее превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, другая же часть ее не приняла социалистической революции, забыв свое прошлое. Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это - мировое явление, одинаково обнаружившееся в коммунизме и фашизме. В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь, иные жесты, чем в типе старых интеллигентов. Подобно тому, как в 60-х годах, при появлении нигилистов, более мягкий тип идеалистов 40-х годов заменен был более жестким типом, в стихии победоносной революции, вышедшей из стихии войны, тот же процесс произошел в более грандиозных размерах. При этом старая интеллигенция, генетически связанная с "мыслящими реалистами" нигилистической эпохи, играет ту же роль, которую в 60-ые годы играли идеалисты 40-

х годов, и представляет более мягкий тип. Вследствие ослабления памяти, под влиянием аффекта, она забывает, что произошла от Чернышевского, который презирал Герцена, как мягкого идеалиста 40-х годов по своему происхождению. Коммунисты с презрением называли старую революционную и радикальную интеллигенцию буржуазной, как нигилисты и социалисты 60-х годов называли интеллигенцию 40-х годов дворянской, барской. В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадания. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость. Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина, он стал материалом организации коммунистической партии, он стал властвовать над огромной страной. Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было ressentiment по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести. Этим многое психологически объясняется. Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога. Русский народ из периода теллургического, когда он жил под мистической властью земли, перешел в период технический, когда он поверил во всемогущество машины и по старому инстинкту стал относиться к машине, как к тотему. Такие переключения возможны в душе народа.

Ленин был марксист и верил в исключительную миссию пролетариата. Он верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров. Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники. В ленинизм вошли в преображенном виде элементы революционного народничества и бунтарства. Социалисты-революционеры, представители старой традиции, оказались ненужными и вытесненными. Ленин сделал все лучше, скорее и более радикально, он дал больше. Это сопровождалось провозглашением новой революционной морали, соответствующей новому психическому типу и новым условиям. Она оказалась уже иной, чем у старой революционной интеллигенции, менее гуманной, не стесняющейся никакой жестокостью. Ленин - антигуманист, как и антидемократ. В этом он человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов. Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью. Этому будут подражать Муссолини и Гитлер. Сталин будет законченным типом вождя-диктатора. Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм.

В 1917 году, т. е. через пятнадцать лет после книги "Что делать?", Ленин пишет книгу "Государство и революция", быть может самое интересное из всего им написанного. В этой книге Ленин начертал план организации революции и организации революционной власти, план рассчитанный на долгое время. Замечательно не то, что он этот план начертал, замечательно то, что он его осуществил, он ясно предвидел, каким путем все пойдет. В этой книге Ленин строит теорию роли государства в переходной период от капитализма к коммунизму, который может быть более или менее длителен. Этого у самого Маркса не было, который не предвидел конкретно, как будет осуществляться коммунизм, какие формы примет диктатура пролетариата. Мы видели, что для Ленина марксизм есть прежде всего теория и практика диктатуры пролетариата. Из Маркса можно было сделать анархические выводы, отрицающие государство совсем. Ленин решительно восстает

против этих анархических выводов, явно неблагоприятных для организации революционной власти, для диктатуры пролетариата. В будущем государство действительно должно отмереть за ненадобностью, но в переходной период роль государства должна еще более возрасти. Диктатура пролетариата, т. е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории, государство всегда было организацией классового господства, диктатурой, господствующих классов над классами угнетенными и эксплуатируемыми. Государство отомрет и окончательно заменится организованным обществом после исчезновения классов. Государство существует пока существуют классы. Но полное исчезновение классов происходит не сразу после победы революционного пролетариата. Ленин совсем не думал, что после октябрьской революции в России окончательно осуществятся коммунистическое общество. Предстоит еще подготовительный процесс и жестокая борьба. Во время этого подготовительного периода, когда общество не стало еще совершенно бесклассовым, государство с сильной централизованной властью нужно для диктатуры пролетариата над буржуазными классами, для их подавления. Ленин говорит, что "буржуазное" государство нужно уничтожить путем революционного насилия, вновь же образовавшееся "пролетарское" государство постепенно отомрет, по мере осуществления бесклассового коммунистического общества. В прошлом было подавление пролетариата буржуазией, в переходной период пролетарского государства, управляемого диктатурой, должно происходить подавление буржуазии пролетариатом. В этом периоде чиновники будут исполнять приказы рабочих. Ленин опирается в своей книге, главным образом, на Энгельса и постоянно его цитирует. "Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников", пишет Энгельс Бебелю в 1875 году. Тут Энгельс является явным предшественником Ленина. По Ленину демократия совсем не нужна для пролетариата и для осуществления коммунизма. Она не есть путь к пролетарской революции. Буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, буржуазное демократическое государство должно быть уничтожено для осуществления коммунизма. И демократия не нужна и вредна после победы пролетарской революции, ибо противоположна диктатуре. Демократические свободы лишь мешают осуществлению царства коммунизма. Да и Ленин не верил в реальное существование демократических свобод, они лишь прикрывают интересы буржуазии и ее господство. В буржуазных демократиях также существуют диктатуры, диктатура капитала, денег. И в этом бесспорно есть доля истины. При социализме отомрет всякая демократия. Первые фазисы в осуществлении коммунизма, не могут быть свобода и равенство. Ленин это прямо говорил. Диктатура пролетариата будет жестоким насилием и неравенством. Вопреки доктринерскому пониманию марксизма, Ленин утверждал явный примат политики над экономикой. Проблема сильной власти для него основная. Вопреки доктринерскому марксизму меньшевиков, Ленин видел в политической и экономической отсталости России преимущество для осуществления социальной революции. В стране самодержавной монархии, не привыкшей к правам и свободам гражданина, легче осуществить диктатуру пролетариата, чем в западных демократиях. Это бесспорно верно. Вековыми инстинктами покорности нужно воспользоваться для пролетарского государства. Это предвидел К.Леонтьев. В стране индустриально отсталой, с мало развитым капитализмом, легче будет организовать экономическую жизнь согласно коммунистическому плану. Тут Ленин находится в традициях русского народнического социализма, он утверждает, что революция произойдет в России оригинально, не по западному, т. е. в сущности не по Марксу, не по доктринерскому пониманию Маркса. Но все должно произойти во имя Маркса.

Как и почему прекратится то насилие и принуждение, то отсутствие всякой свободы, которые характеризуют переходной к коммунизму период, период пролетарской диктатуры? Ответ Ленина очень простой, слишком простой. Сначала нужно пройти через муштровку, через принуждение, через железную диктатуру сверху. Принуждение будет не только по отношению к остаткам старой буржуазии, но и по отношению к рабоче-крестьянским массам, к самому пролетариату, который объявляется диктатором. Потом, говорит Ленин, люди привыкнут соблюдать элементарные условия общественности, приспособятся к новым условиям, тогда уничтожится насилие над людьми, государство отомрет, диктатура кончится. Тут мы встречаемся с очень интересным явлением. Ленин не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека, верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального

человека, не нуждающегося больше в насилии. Так и Маркс верил, что новый человек фабрикуется на фабриках. В этом был утопизм Ленина, но утопизм реализуемый и реализованный. Одного он не предвидел. Он не предвидел, что классовое угнетение может принять совершенно новые формы, не похожие на капиталистические. Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит. Простой рабочий сплошь и рядом получает 75 рублей в месяц, советский же чиновник, специалист 1500 рублей в месяц. И это чудовищное неравенство существует в коммунистическом государстве. Советская Россия есть страна государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитализма. Переходный период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нем властвуют, войдут во вкус властвования и не захотят изменений, которые, неизбежны для окончательного осуществления коммунизма. Воля к власти станет самодовлеющей и за нее будут бороться, как за цель, а не как за средство. Все это было вне кругозора Ленина. Тут он особенно утопичен, очень наивен. Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами, ложью и насилием. Это прежде всего государство военно-полицейское. Его международная политика как две капли воды напоминает дипломатию буржуазных государств. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло, ветхий Адам остался и продолжает действовать, лишь трансформируя себя. Русская революция совершалась под символикой марксизма-ленинизма, а не народнического социализма, который имел за собой старые традиции. Но к моменту революции народнический социализм утерял в России свою целостность и революционную энергию, он выдохся, он был половинчат, он мог играть роль в февральской, интеллигентской, все еще буржуазной революции, он дорожил более принципами демократии, чем принципами социализма, и не может уже играть роли в революции октябрьской, т.е. вполне созревшей, народной, социалистической. Марксизм-ленинизм впитал в себя все необходимые элементы народнического социализма, но отбросил его большую человечность, его моральную щепетильность, как помеху для завоевания власти. Он оказался ближе к морали старой деспотической власти.

2

Суждение о русской революции предполагает суждение о революции вообще, как совсем особом и в конце концов духовном феномене в судьбах народов. Совершенно бесплодны рационалистические и моралистические суждения о революции, также как и о войне, которая во многом походит на революцию. Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории. Деятели революции сознательно могут исповедовать самые рационалистические теории и во имя их делать революцию, но революция всегда является симптомом нарастания иррациональных сил. И это нужно понимать в двойном смысле: это значит, что старый режим стал совершенно иррациональным и не оправдан более никаким смыслом, и что сама революция осуществляется через расковывание иррациональной народной стихии. Революционеры-организаторы всегда хотят рационализировать иррациональную стихию революции, но она же является ее орудием. Ленин был крайним рационалистом, он верил в возможность окончательной рационализации социальной жизни. Но он же был человеком судьбы, рока, т.е. иррационального в истории. Революция есть судьба и рок. Три точки зрения возможны на революцию:

- 1) революционная и контрреволюционная, т.е. людей активно в ней участвующих,
- 2) объективно-историческая, научная, т.е. людей познавательно созерцающих, но в ней не участвующих, и
- 3) религиозно-апокалиптическая и историософическая точка зрения, т.е. людей принявших внутрь себя революцию, ее мучительно переживающих и возвышающихся над ее повседневной борьбой.

Менее всего понимают смысл революции революционеры и контрреволюционеры. Революционеры обыкновенно не понимают смысла революции, которая не покрывается их рационалистическими идеями, но в своей обращенности к будущему они могут быть орудиями

осуществления смысла, орудиями высшего суда. Контрреволюционеры, как люди бессильно и бесплодно обращенные к прошлому, есть люди судимые, нераскаянные и в этом своем состоянии ничего не понимающие.

Объективные историки могут многое выяснить в критике источников, в раскрытии второстепенных исторических причин, но они даже не ставят себе цели понять смысл революции. Они обыкновенно на известном расстоянии говорят, что революция была необходима, детерминирована прошлым, но раскрытие смысла не дело исторической науки, это есть уже дело историософии. Но и историософия может подходить к проблеме смысла революции, если она религиозна по своей основе. Впрочем философия истории всегда в известном смысле есть теология истории и всегда имеет сознательно или бессознательно религиозную основу. Религиозная же историософия неизбежно имеет апокалиптическую окраску.

И вот для религиозной историософии, для историософии христианской раскрывается, что смысл революции есть внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории, внутри исторического еще времени, о суде над историей внутри самой истории, обличение неудачи истории. В нашем греховном, злом мире оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции, тогда происходит разрыв времени, наступает прерывность, происходит вторжение сил, которые для истории представляются иррациональными и которые, если смотреть сверху, а не снизу, означают суд Смысла над бессмыслицей, действие Промысла во тьме. Реакционер Ж. де Местр, который не был чистым типом реакционера, признавал этот смысл революции³⁰.

Революция имеет онтологический смысл. Смысл этот пессимистический, а не оптимистический. Обнаружение этого смысла направлено против тех, которые думают, что общество может бесконечно существовать мирно и спокойно, когда в нем накопились страшные яды, когда в нем царят зло и неправда, внешне прикрытые благообразными формами, идеализированными образами прошлого. Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду ее насилия и крови и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает еще больше насилий и проливает еще больше крови. Революция, совершающая насилие и проливающая кровь, есть грех, но и война есть грех, часто еще больший грех, чем революция. Вся история есть в значительной степени грех, кровопролитие и насилие. И трудно для христианской совести принять историю. Это основной парадокс христианского сознания. Христианство исторично, оно есть откровение Бога в истории, а не в природе, оно признает смысл истории. И вместе с тем христианство никогда не могло вместиться в историю, оно всегда искажалось историей, оно всегда судит неправду истории, оно не допускает оптимистического взгляда на историю. История потому и должна кончиться, должна быть судима Богом, что в истории не осуществляется правда Христова. Революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории. Революция подобна смерти, она есть прохождение через смерть, которая есть неизбежное следствие греха. Как наступит конец всей истории, прохождение мира через смерть для воскресения к новой жизни, так и внутри истории и внутри индивидуальной жизни человека периодически наступает конец и смерть для возрождения к новой жизни. Этим определяется ужас революции, ее жуткость, ее смертоносный и кровавый образ. Революция есть грех и свидетельство о грехе, как и война есть грех и свидетельство о грехе. Но революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования. В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории.

Революции в христианской истории всегда были судом над историческим христианством, над христианами, над их изменой христианским заветам, над их искажением христианства. Именно для христиан революция имеет смысл и им более всего нужно его постигнуть, она есть вызов и напоминание христианам о неосуществленной ими правде. Принятие истории есть принятие и революции, принятие ее смысла, как катастрофической прерывности в судьбах греховного мира.

³⁰ См. книгу Ж. де Местр "Considerations sur la France".

Отвержение всякого смысла революции неизбежно должно повести за собой и отвержение истории. Но революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребенка, уродливы и насильственны муки рождающей матери, уродлив и подвержен насилию рождающийся ребенок. Таково проклятие греховного мира. И на русской революции, быть может больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса. Смешны и малки суждения о ней с точки зрения нормативной, с точки зрения нормативной религии и морали, нормативного понимания права и хозяйства. Озлобленность деятелей революции не может не отталкивать, но судить о ней нельзя исключительно с точки зрения индивидуальной морали.

Бесспорно в русской революции есть родовая черта всякой революции. Но есть также единичная, однажды совершившаяся, оригинальная революция, она порождена своеобразием русского исторического процесса и единственностью русской интеллигенции. Нигде больше такой революции не будет. Коммунизм на Западе есть другого рода явление. В первые годы революции рассказывали легенду, сложившуюся в народной среде о большевизме и коммунизме. Для народного сознания большевизм был русской народной революцией, разливом буйной, народной стихии, коммунизм же пришел от инородцев, он западный, не русский и он наложил на революционную народную стихию гнет деспотической организации, выражаясь по ученому, он рационализировал иррациональное. Это очень характерная легенда, свидетельствующая о женственной природе русского народа, всегда подвергающейся изнасилованию чуждым ей мужественным началом. Так народ воспринял и Петра. В русской революции, как впрочем и во всякой революции, произошло расковывание и сковывание хаотических сил. Народная толща, поднятая революцией, сначала сбрасывает с себя все оковы и приход к господству народных масс грозит хаотическим распадом. Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться.

Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников. Религиозные верования народа, которыми держалась монархия, начали разлагаться. Нигилизм, который в 60-е годы захватил интеллигенцию, начал переходить в народный слой. Полуинтеллигенция, вышедшая из народного слоя, была решительно атеистической и материалистической. Озлобленность была сильнее великодушия. Церковь потеряла руководящую роль в народной жизни. Подчиненное положение церкви в отношении к монархическому государству, утеря соборного духа, низкий культурный уровень духовенства - все это имело роковое значение. Не было организующей, духовной силы. Христианство в России переживало глубокий кризис. Роковой фигурой для судьбы России был Распутин. Распутин вышел из народа, принадлежал, по-видимому, к секте хлыстов, и обладал несомненно мистической одаренностью. Про него говорили, что он обладал дарованиями, которые делают человека старцем и святым, но он употребил эти дарования на зло. В нем сосредоточилась страшная тьма русской жизни. Отношения между царем и Распутиным представляют гораздо более глубокое явление, чем обыкновенно думают. Последний русский царь - фигура трагическая, он жестоко расплатится за зло прошлого, зло совершенное династией. Он искренно верил в мистический смысл царской власти. И он мучительно переживал разрыв между царем и народом, изоляцию царя. Он хотел соединения с народом. Царь не имел никакого общения с народом, он был отделен от народа стеной всеильной бюрократии. Между тем, как он мистически чувствовал себя народным царем. И вот он впервые встретился с народом в лице Распутина. Это первый человек из народа, который получил непосредственный доступ ко двору. Царь, и особенно царица, поверили в Распутина, как в народ. Он стал символом народа, религиозной жизни народа. Царь искал религиозной опоры в трагических событиях своего царствования, он хотел поддержки церкви. Он не находил поддержки в высшей иерархии, потому что она рабски зависела от него самого. Распутин же представлялся ему народным православием, которое не зависит прямо от царя и может быть поддержкой для него. И цепляясь за Распутина, как за народное православие, царь и царица, имевшая огромное влияние, поставили церковь в зависимость от хлыста Распутина, который назначал епископов. Это было страшное унижение церкви и это совершенно компрометировало монархию. Распутин, мужик нравственно

разложившийся от близости ко двору, окончательно восстановил против монархии даже консервативные дворянские круги русского общества. Во время войны, перед февралем 1917 года, все слои общества, кроме небольшой части высшей бюрократии и придворных, были, если не против монархии в принципе, то против монарха и особенно против царицы. Это был конец династии. Монархия в прошлом играла и положительную роль в русской истории, она имела заслуги. Но эта роль была давно изжита. Религиозно обоснованная русская монархия была осуждена свыше, осуждена Богом и прежде всего за насилие над церковью и религиозной жизнью народа, за антихристианскую идею цезаропапизма, за ложную связь церкви с монархией, за вражду к просвещению. Это же было и осуждением церкви в ее исторической стороне. К этому мы вернемся в последней главе.

3

Русская революция возможна была только как аграрная революция опирающаяся прежде всего на недовольство крестьян и на старую ненависть их к дворянам-помещикам и чиновникам. В русском крестьянстве не исчезли еще воспоминания об ужасах крепостного права, об унижении человеческого достоинства крестьян. Крестьяне готовы были мстить за своих дедов и прадедов. Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев. Только аграрная революция, которая есть не только революция социально-экономическая, но может быть прежде всего революция моральная и бытовая, сделала в России возможной диктатуру пролетариата, вернее диктатуру идеи пролетариата, так как диктатуры пролетариата, вообще диктатуры класса быть не может. Диктатура эта оказалась также диктатурой и над крестьянством и она совершила жестокие насилия над крестьянами, как то было при насильственной коллективизации, при создании колхозов. Но насилие над крестьянами совершалось своими людьми, вышедшими из народных низов, не барам, не привилегированной "белой костью". Крестьянину больше не говорят "ты", а если говорят, то и он может говорить "ты". Аграрная революция означает конец цивилизации, основанной на господстве дворян в бытовой жизни, дворянского стиля. Дворянство давно уже перестало быть передовым сословием, каким оно было в первую половину XIX века, когда из недр его выходили не только великие русские писатели, но и революционеры. После освобождения крестьян дворянство начало разоряться и вытесняться нарождающейся буржуазией. Большая часть земли принадлежала крестьянам. Но при низком уровне сельскохозяйственной культуры, при социальной неустроенности крестьян, положение было тяжелым и среди крестьян было постоянно недовольство и мечта о новом устройении. В жизни - если не экономически, то морально - господствовал "барин", следы феодализма оставались до революции 1917 года. Строй продолжал быть сословным. Существование огромных латифундий, принадлежащих небольшой кучке магнатов, психологически и морально вызывало в крестьянстве возмущение и протест, тем более, что русские бары обыкновенно сами хозяйством не занимались. Это даже гораздо более психологический и моральный вопрос, чем чисто экономический. Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божья, т. е. ничья в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой, же неправдой, как и крепостное право. Общинное, коллективное владение землей было более свойственно русскому народу, особенно великороссам, благодаря существованию общины. Крестьяне мечтали о "черном переделе", т. е. переделе земли между крестьянами. Раньше верили даже, что это сделает царь. Революционная народническая организация 70-х годов называла себя "Черный Передел" в соответствии с настроениями и мечтами крестьянства. Русская коммунистическая революция и совершила этот "черный передел", она отобрала всю землю у дворян и частных владельцев. Как и всякая большая революция, она произвела смену социальных слоев и классов. Она низвергла господствующие, командующие классы и подняла народные слои, раньше угнетенные и униженные, она глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. И этим определяется исключительный актуализм и динамизм коммунизма. В русском народе обнаружилась огромная витальная сила, которой раньше не давали возможности обнаружиться. При этом естественно произошло понижение уровня культуры, ибо высокая культура всегда создается путем качественного отбора и в сравнительно узком кругу элиты. Большевики пришли к господству

в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами. Это определилось не только тем, что они не принадлежали к тому слою, в котором выработалась культурная форма и манеры, более соответствующие понятию о прекрасном, но и тем, что у них было много ненависти, мстительности, rressentiment, которые всегда уродливы, у них не было еще никакого стиля, не произошло еще оформления. В революциях всегда есть уродливая сторона. И те, которые хотят особенно быть верными красоте, не могут быть слишком активными в революциях. Впрочем большевистская масса принесла с собой определенный стиль, стиль войны и войны разложившейся. Это один из главных факторов русской коммунистической революции. Русским не свойственна риторика и театральность, которых так много было во французской революции. Поэтому русская революция более груба, но это может быть ее преимущество.

Русская коммунистическая революция в значительной степени была определена войной. Ленин, как и Маркс и Энгельс, придавал огромное значение войне, как самому благоприятному моменту для производства опыта коммунистической революции. В этом отношении у коммунистов есть поражающая двойственность, которая может произвести впечатление лицемерия и цинизма и которая ими самими утверждается, как диалектическое отношение к действительности. Кто же больше коммунистов негодовал на империалистическую войну и кто больше их протестовал? Именно коммунисты, которые впрочем тогда так не назывались, и представляли левое крыло социал-демократов интернационалистов, хотели сорвать войну или по крайней мере делали вид, что хотят сорвать. И вместе с тем в России именно коммунисты более всего выиграли от войны, война привела их к победе. Коммунисты или социалисты-интернационалисты, протестовавшие против войны, отлично предвидели, что мировая война может быть для них только благоприятна. Я не думаю, чтобы можно было их обвинить в неискренности и лживости. Это диалектическая неискренность и лживость. Марксизм вообще думает, что добро осуществляется через зло, свет через тьму. Таково ведь и отношение к капитализму, который есть величайшее зло и несправедливость и вместе с тем есть необходимый путь к торжеству социализма. На капиталистических фабриках готовится грядущее могущественное человечество. Коммунисты в сущности совсем не хотели, чтобы война не состоялась, они только хотели внедрить в сознание масс, что война капиталистических государств есть то страшное зло, которое сделает возможным и необходимым восстание против этого зла. Коммунизм хотел и хочет войны, но для того, чтобы войну национальностей превратить в войну классов. Весь стиль русского и мирового коммунизма вышел из войны. Если бы не было войны, то в России революция все-таки в конце концов была бы, но вероятно позже и была бы иной. Неудачная война создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков. Русские по характеру своему склонны к максимализму и максималистический характер русской революции был очень правдоподобен. Противоположения и расколы достигли в России максимального напряжения. Но только атмосфера войны создала у нас тип победоносного большевизма, выдвинула новый тип большевика-победителя и завоевателя. Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полуинтеллигенции можно было сделать коммунистическую революцию. Ее нельзя было сделать с мечтателем, сострадательным и всегда готовым пострадать, типом старой интеллигенции. Но очень важно помнить, что русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья, несчастья разлагающейся войны, она не от творческого избытка сил родилась. Впрочем революция всегда предполагает несчастье, всегда предполагает сгущение тьмы прошлого. В этом ее роковой характер. Нет ничего ужаснее разлагающейся войны, разлагающейся армии и притом колоссальной, многомиллионной армии. Разложение войны и армии создает хаос и анархию. Россия поставлена была перед таким хаосом и анархией. Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее не верили, и во время войны авторитет ее еще более пал. В патриотизм правительства не верили и подозревали его в тайном сочувствии немцам и желании сепаратного мира. Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии заражающей массы. Временное правительство

возложило свои надежды на учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано, оно в атмосфере разложения, хаоса и анархии хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную. Положение временного правительства было настолько тяжелым и безысходным, что вряд ли можно его строго судить и обвинять. Керенский был лишь человеком революции ее первой стадии. Никогда в стихии революции, и особенно революции созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям. И он демагогически воспользовался всем.

Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался объективной невозможностью дальше вести войну, пафос которой был безнадежно утерян, нежеланием солдат продолжать войну, и он провозгласил мир. Он воспользовался неустроенностью и недовольством крестьян и передал всю землю крестьянам, разрушив остатки феодализма и господства дворян. Он воспользовался русскими традициями деспотического управления сверху и, вместо непривычной демократии, для которой не было навыков, провозгласил диктатуру, более схожую со старым царизмом. Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризованному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России. Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство и русское народничество, преобразив их согласно требованиям новой эпохи. Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований. Он также начал насильственно насаждать сверху новую цивилизацию, как это в свое время делал Петр. Он отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые, были привилегией лишь верхних культурных слоев общества и за которые народ совсем и не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного мирозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Русская душа не склонна к скептицизму и ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь.

Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского - "ex Oriente lux". Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада. Вместе с тем коммунизм создает деспотическое и бюрократическое государство, призванное господствовать над всей жизнью народа, не только над телом, но и над душой народа, в согласии с традициями Иоанна Грозного и царской власти. Русский преобразенный марксизм провозглашает

господство политики над экономикой, силу власти изменять как угодно хозяйственную жизнь страны. В своих грандиозных, всегда планетарных планах, коммунизм воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения. Ленин хотел победить русскую лень, выработанную барством и крепостным правом, победить Обломова и Рудина, лишних людей. И это положительное дело по-видимому ему удалось. Произошла метаморфоза: американизация русских людей, выработка нового типа практика, у которого мечтательность и фантазерство перешло в дело, в строительство, технику, бюрократа нового типа. Но и тут сказались особенности русской души, народные верования получили новое направление. Русские крестьяне сейчас поклоняются машине, как тотему. Техника не есть обыденное дело, прозаическое и столь привычное западным людям, она превращается в мистику и связывается с планами почти космического переворота. Русский коммунизм с моей точки зрения есть явление вполне объяснимое, но объяснение не есть оправдание. Неслыханная тирания, которую представляет собой советский строй, подлежит нравственному суду, сколько бы вы ее ни объясняли. Постыдно и позорно, что наиболее совершенно организованное учреждение, созданное первым опытом революции коммунизма, есть Г.П.У. (раньше Чека), т. е. орган государственной полиции, несравненно более тиранический, чем институт жандармов старого режима, налагающий свою лапу даже на церковные дела. Но тираничность и жестокость советской власти не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма. Можно мыслить коммунизм в экономической жизни соединимый с человечностью и свободой. Это предполагает иной дух и иную идеологию.

4

Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания, на ортодоксальной доктрине обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это к сожалению вполне согласно со старыми традициями русской государственности. Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя сознавала и оправдывала, как теократия, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает, как священное царство, как обратную теократию. Старая русская монархия покоилась на ортодоксальном мирозерцании, требовало согласия с ним. Новое русское коммунистическое государство тоже покоится на ортодоксальном мирозерцании и требует еще с большей принудительностью согласия с ним. Священное царство всегда есть диктатура мирозерцания, всегда требует ортодоксии, всегда извергает еретиков. Тоталитарность, требование целостной веры, как основы царства, соответствует глубоким религиозно-социальным инстинктам народа. Советское коммунистическое царство имеет большое сходство по своей духовной конструкции с московским православным царством. В нем то же удушие. XIX век в России не был целостным, был раздвоенным, он был веком свободных исканий и революции. Революция создала тоталитарное коммунистическое царство, и в этом царстве угас революционный дух, исчезли свободные искания. В царстве этом делается опыт подчинения всего народа государственному катехизису. Русский этатизм имел всегда обратной стороной русский анархизм. Коммунистическая революция воспользовалась в свое время анархическими инстинктами, но она пришла к крайнему этатизму, подавляющему всякое проявление русских анархических инстинктов.

Русский народ не осуществил своей мессианской идеи о Москве, как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима, в России удалось осуществить Третий Интернационал и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют

унизительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слышал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: "Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество - это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество". Это совершенно верно и должно было бы быть всеми создано. Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике. Мы, например, видим, что советское правительство гораздо более сейчас интересуется связями с французским правительством, чем связями с французскими коммунистами. Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим конструктивному национальному периоду коммунистической революции. В советской России сейчас говорят о социалистическом отечестве и его хотят защищать, во имя его готовы жертвовать жизнью. Но социалистическое отечество есть все та же Россия и в России может быть впервые возникает народный патриотизм. Этот патриотизм есть факт положительный, но национализм может принять и отрицательные формы. Опасность со стороны Японии и Германии укрепляет русский патриотизм. Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ.

Пятилетний план, столь поражающий многих людей Запада, есть очень элементарная и прозаическая вещь. Россия страна индустриально отсталая. Необходимо во что бы то ни стало ее индустриализовать. На Западе это происходило под знаком капитализма - и так должно быть по Марксу. Но в России индустриализация должна проходить под знаком коммунизма. При коммунистическом режиме это можно сделать лишь создав энтузиазм индустриализации, превратив ее из прозы в поэзию, из трезвой реальности в мистику, создав миф о пятилетке. Но все это происходит не только при помощи энтузиазма, поэзии, мистики и мифотворчества, но и путем террора и Г.П.У. Народ поставлен в крепостную зависимость по отношению к государству. Коммунистический строй переходного периода есть строй крепостной. Вопреки Марксу и буржуазной политической экономии, я думаю, что промышленное развитие вполне возможно и при коммунизме. И при старом режиме капиталистическая промышленность в России развивалась понуждением правительства. Неотвратимые экономические законы - выдумка буржуазной политической экономии. Таких законов не существует, Марксизм сокрушил эти законы, хотя и не до конца. Для индустриализации России под коммунистическим режимом нужна новая мотивация труда, новая психическая структура, нужно, чтобы появился новый коллективный человек. Для создания этой новой психической структуры и нового человека русский коммунизм сделал огромное усилие. Психологически он сделал больше завоеваний, чем экономически. Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способным с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение.

В России это легче было сделать, чем в странах Запада, где буржуазная психология и капиталистическая цивилизация пустили глубокие корни. Даже русский купец старого режима, который наживался нечистыми путями и делался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал в светлые минуты о другой жизни, например, о странничестве или монашестве. Поэтому даже этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа. Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции. Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России. На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому

строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество вполне возможное и при коммунизме.

Но пятилетний план не осуществляет все-таки царства социализма, он осуществляет государственный капитализм. Высшей ценностью признаются не интересы рабочих, не ценность человека и человеческого труда, а сила государства, его экономическая мощь. Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть. Всякой власти присущ инстинкт самосохранения, которое может стать главной целью. Сталин - государственный восточного, азиатского типа. Сталинизм, т. е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис, - милитаризованная молодежь. Ленин не был еще диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле. По объективному своему смыслу происходящий процесс есть процесс интеграции, собиранье русского народа под знаменем коммунизма.

Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией. Это нужно сказать об автократии советской, как можно было бы сказать об автократии монархической. В России вырастает не только коммунистический, но и советской патриотизм, который есть просто русский патриотизм. Но патриотизм великого народа должен, быть верой в великую и мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишенный мировых перспектив. Миссия русского народа сознается, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире. И это согласно с русскими традициями. Но ужасно, что опыт осуществления социальной правды ассоциируется с насилием, преступлениями, жестокостью и ложью, ужасной ложью. Одна безобразная инсценировка советских процессов, в которых обыкновенно всегда в одной и той же форме каются, может внушить отвращение ко всей системе.

Характер русской революции был таков, она произошла в столь своеобразных условиях, что идеологически ей мог соответствовать лишь очень трансформированный марксизм и именно в сторону противоположную детерминизму. Марксизмом пользовались, чтобы доказать невозможность в России пролетарской социалистической революции. Если действительно экономика детерминирует весь социальный процесс, то в экономически отсталой России нужно еще ждать развития капиталистической индустрии и можно рассчитывать лишь на буржуазную, а не пролетарскую революцию. Таков голос социалистического детерминизма. Но русская революция пошла путем, свидетельствующим о том, что не все детерминировано экономикой. И вот в советской России появилась новая философия марксизма-ленинизма. Она продолжает считать себя марксистской философией, но марксистской философией эпохи пролетарских революций. Маркс жил еще в недрах буржуазного капиталистического общества, в котором действительно все было детерминировано экономикой и не раскрывалась свобода. Но Маркс и Энгельс учили, что произойдет скачек из царства необходимости в царство свободы и только тогда начнется настоящая история, в которой человек - социальный, конечно, человек - не будет детерминирован экономикой, но будет сам детерминировать экономику. Для русских коммунистов это время наступило, таково их самочувствие. Они сознали себя уже в царстве свободы, они не в капиталистическом мире, они в стихии пролетарских революций, которой еще не знал Маркс. И они не определяются экономикой, не зависят от необходимости капиталистического развития, они сами своей революционной активностью определяют, как хотят, экономику. Они чувствуют в себе силу революционной

активностью изменить не только Россию, но и весь мир. И молодая советская философия пытается дать новое истолкование диалектическому материализму. Основной категорией для нее является категория самодвижения³¹.

Источник движения лежит внутри, а не в толчке извне, идущем от внешней среды, как думает механический материализм. Материи присуща настоящая свобода, в ее недрах есть источник активности, изменяющей среду. На материю переносятся свойства духа - свобода, активность, разум, т. е. происходит спиритуализация материи. В советской философской и социалистической литературе постоянно повторяется, что главное не "производительные силы", т. е. экономическое развитие, а "производственные отношения", т. е. борьба классов и революционная активность пролетариата. Революционная активность пролетариата есть самодвижение, она не зависит от среды, от экономики, она переделывает среду и определяет по своему экономику. Хотят построить философию активизма, для которой материализм механический и экономический очень неблагоприятны. Философия активизма - прометеевская, титаническая философия - есть, конечно, философия духа, как-то было у Фихте, а не философия материалистическая. Но о духе запрещено говорить в советской философии, материализм остается священным символом. Поэтому материи нужно придать характер активного духа, что и пытаются сделать, насилуя логику и философскую терминологию. Материализм незаметно превратился в своеобразный идеализм и спиритуализм. Уже у самого Маркса, особенно раннего Маркса, как мы уже говорили, учение об иллюзиях овеществления людей в капитализме давало основание для такого обращения. Диалектический материализм есть нелепое словосочетание. Материи, состоящей из столкновения атомов, не может быть присуща диалектика. Диалектика предполагает существование Логоса, смысла, раскрывающегося в диалектическом развитии, диалектика может быть присуща лишь мысли и духу, а не материи. Диалектический материализм принужден верить в Логос самой материи, в смысл раскрывающийся в развитии материальных производительных сил, т. е. в рациональность иррациональных процессов. Советская философия есть государственная ортодоксальная философия, она обличает и отлучает еретиков. Ортодоксия заключается в утверждении диалектического материализма, генеральной линии в философии. Ереси являются или утверждением материи с исчезновением диалектики или утверждением диалектики с исчезновением материи. Первая ересь есть механистический материализм, представленный Бухариным и некоторыми естественниками, вторая ересь представлена Дебориным, уклоняющимся в идеализм.

Нужно утверждать диалектику, которая, продолжая утверждать материализм, и есть революционная, актуалистическая философия. Логически это невозможно, но психологически это необходимо. Ортодоксальный диалектический материализм, признающий возможность самодвижения, свободы революционного пролетариата, декретирован центральным комитетом коммунистической партии. Сталин, который лишен всякой философской культуры и меньше понимает в философии, чем молодые советские философы, среди которых есть знающие люди, произносит верховный суд над тем, какая философия истинная. Также и Гитлер будет признан судьей в философской истине. Таково свойство диктатуры мирозерцания и основанного на ней авторитарного строя. Советская философия есть философия социального титанизма. Титаном является в ней не индивидуум, а социальный коллектив. Он всемогущ. Для него не обязательны даже законы природы, неизменность которых объявляется достоянием буржуазной науки и философии. Марксистская философия Плеханова, Каутского и меньшевиков объявляется буржуазной, просветительной. Советская философия противоположна просветительному материализму XVIII века. Все определяется для нее не просветлением мысли, не светом разума, а экзальтацией воли, революционной титанической воли. Философия должна не познавать только мир, но переделать мир, создавать новый мир. Выделение теоретической мысли в особую сферу, создание касты ученых и академиков есть достояние буржуазного мира. Теоретический разум должен быть соединен с практическим разумом. Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать. Советская философия входит в пятилетний план. Истина, и при том абсолютная истина, познается лишь в активности, в борьбе, в труде. Титаническая экзальтация революционной воли предполагает существование реального мира, над которым совершается акт, акт его изменения. Это есть необходимое реалистическое предположение, которое непременно хотят назвать материалистическим предположением. Сознание определяется бытием и

³¹ См. Исторический материализм. Авторский коллектив института красной профессуры философии под редакцией Гольцевича, 1931 г.

происходит в бытии. Но бытие мыслится материальным, хотя материя мыслится почти спиритуалистически. Философские споры, которые в советской России продолжают целые годы и потом печатаются, есть обсуждение вопросов не столько с точки зрения истины и лжи, сколько с точки зрения ортодоксии и ереси, т. е. являются скорее теологическими, чем философскими спорами.

Философия титанизма предполагает изменение в понимании свободы. Марксизм-ленинизм или диалектический материализм эпохи пролетарских революций соответствуют новому пониманию свободы. И действительно коммунистическое понимание свободы очень отличается от обычных пониманий. Поэтому русские коммунисты искренно возмущаются, когда им говорят, что в советской России нет свободы. Рассказывают такой случай. Один советский молодой человек приехал на несколько месяцев во Францию, чтобы вернуться потом обратно в советскую Россию. К концу его пребывания его спросили, какое у него осталось впечатление от Франции. Он ответил: "в этой стране нет свободы". Его собеседник с удивлением ему возражает: "что вы говорите, Франция - страна свободы, каждый свободен думать, что хочет, и делать что хочет, это у вас нет никакой свободы". Тогда молодой человек изложил свое понимание свободы: во Франции нет свободы и советский молодой человек в ней задыхался потому, что в ней невозможно изменять жизнь, строить новую жизнь; так называемая свобода в ней такова, что все остается неизменным, каждый день похож на предшествующий, можно свергать каждую неделю министерства, но ничего от этого не меняется. Поэтому человеку, приехавшему из России, во Франции скучно. В советской же, коммунистической России есть настоящая свобода, потому что каждый день можно изменять жизнь России и даже всего мира, можно все перестраивать, один день не походит на другой. Каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира.

Мир стал пластичен и из него можно лепить новые формы. Именно это более всего соблазняет молодежь. Каждый себя чувствует участником общего дела, имеющего мировое значение. Жизнь поглощена не борьбой за свое собственное существование, а борьбой за переустройство мира. Тут свобода понимается не как свобода выбора, не как свобода повернуть направо или налево, а как активное изменение жизни, как акт, совершаемый не индивидуальным, а социальным человеком, после того, как выбор сделан. Свобода выбора раздваивает и ослабляет энергию. Настоящая созидательная свобода наступает после того, как выбор сделан и человек движется в определенном направлении. Только такая свобода, свобода коллективного строительства жизни в генеральной линии коммунистической партии, и признается в советской России. Именно эта свобода оказывается актуальной и революционной. Французская свобода консервативна, она мешает социальному переустройству общества, она свелась к тому, что каждый хочет, чтобы его оставили в покое. Свободу нужно, конечно, понимать и как творческую энергию, как акт изменяющий мир. Но если исключительно так понимать свободу и не видеть того, что внутренне предшествует такому акту, такой реализации творческой энергии, то неизбежно - отрицание свободы совести, свободы мысли. И мы видим, что в русском коммунистическом царстве совершенно отрицается свобода совести и мысли. Понятие свободы относится исключительно к коллективному, а не личному сознанию. Личность не имеет свободы по отношению к социальному коллективу, она не имеет личной совести и личного сознания. Для личности свобода заключается в исключительной ее приспособленности к коллективу. Но личность, приспособившаяся и слившаяся с коллективом, получает огромную свободу в отношении ко всему остальному миру. Свобода совести - и прежде всего религиозной совести - предполагает, что в личности есть духовное начало, не зависящее от общества. Этого коммунизм, конечно, не признает. Мы увидим в следующей главе, что для него царство кесаря и царство Божье совпадают и отождествляются. Поэтому в коммунизме на материалистической основе неизбежно подавление личности. Революционная коммунистическая мораль неизбежно оказывается беспощадной к живому конкретному человеку, к ближнему. Индивидуальный человек рассматривается, как кирпич нужный для строительства коммунистического общества, он есть лишь средство.

В коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому. Но эта верная идея искажается отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, ее духовной свободы. В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и космическую жизнь. Но в русском коммунизме эта идея, нашедшая себе самое радикальное выражение у христианского

мыслителя Н.Федорова³², приняла почти маниакальные формы и превращает человека в орудие и средство революции. Все эти извращения определяются не столько социально-экономической системой коммунизма, сколько его ложным духом. Свобода духа отрицается не экономикой, которая бессильна в отношении к духу, а духом же, духом враждебным свободе. Воинствующий духоборческий материализм коммунизма есть явление духа, а не материи, есть ложная направленность духа. Коммунистическая экономика сама по себе может быть нейтральна. Это коммунистическая религия, а не экономика, враждебна христианству, духу, свободе. Правда и ложь так перемешаны в коммунизме именно потому, что коммунизм есть не только социальный феномен, но и феномен духовный. В идее бесклассового, трудового общества, в котором каждый работает для других и для всех, для сверхличной цели, не заключается отрицания Бога, духа, свободы и даже наоборот, эта идея более согласна с христианством, чем идея, на которой основано буржуазное капиталистическое общество. Но соединение этой идеи с ложным мирозерцанием, отрицающим дух и свободу, ведет к роковым результатам. Именно религиозный характер коммунизма, именно религия коммунизма и делает его антирелигиозным и антихристианским. Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично. Для коммунизма царство кесаря становится царством Божьим, совершенно также как в германском национал-социализме, но лишь более последовательно и радикально. И это то и вызывает неизбежность духовной борьбы. Роковой ошибкой является придавать этой духовной борьбе характер борьбы социальной, защищающей старое капиталистическое, буржуазное общество или старый режим. Это и делает бессильной борьбу против лжи коммунизма. Весь мир идет к ликвидации старых капиталистических обществ, к преодолению духа их вдохновлявшего. Движение к социализму - к социализму понимаемому в широком, не доктринерском смысле - есть мировое явление. Этот мировой перелом к новому обществу, образ которого еще не ясен, совершается через переходные стадии. Такой переходной стадией является то, что называют связанным, регулируемым, государственным капитализмом. Это тяжелый процесс, сопровождающийся абсолютизацией государства. В советской России этой стадии, которая не есть еще социализм, очень благоприятствуют старые традиции абсолютного государства. В том, что происходит в советской России, есть много элементарного, элементарного цивилизования рабоче-крестьянских масс, выходящих из состояния безграмотности. В этом нет ничего специфически коммунистического. Но процесс цивилизования совершается через замену для масс символики религиозно-христианской, символикой марксистски-коммунистической. Ненормальным, болезненным является то, что приобщение масс к цивилизации происходит при совершенном разгроме старой русской интеллигенции. Революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, оказалась для нее концом. Это определилось древним расколом русской истории, вековым расколом интеллигенции и народа, а также бессовестной демагогией, через которую победили русские коммунисты. Но это привело к тому, что оказался страшный недостаток интеллигентских сил. Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы. Но русский коммунизм более связан с русскими традициями, чем это обычно о нем думают, традициями не только хорошими, но и очень плохими.

* * *

В течение 25 лет правил русской церковью - а идеологически и русским государством - знаменитый обер-прокурор Св.Синода К.П.Победоносцев. Он был духовным вождем старой монархической России эпохи упадка. Ленин был духовным вождем новой коммунистической России. Он много лет господствовал в подготовительном к революции процессе, а после революции правил Россией. Победоносцев и Ленин представляли полярно противоположные идеи. Но есть сходство в их душевной структуре, они во многом принадлежат к одному и тому же типу. Победоносцев был более замечательным, сложным и интересным человеком, чем это о нем думают, когда обращают внимание исключительно на его реакционную политику. Я когда-то характеризовал мировоззрение Победоносцева как "нигилизм на религиозной почве". Он был нигилистом в

³² См. Н.Федоров - "Философия общего дела".

отношении к человеку и миру, он абсолютно не верил в человека, считал человеческую природу безнадежно дурной и ничтожной. У него выработалось презрительное и унижительное отношение к человеческой жизни, к жизни мира. Это отношение распространялось у него и на епископов, с которыми он имел дело, как обер-прокурор Св.Синода. Он презирал епископов, отказывался видеть в них какие-либо человеческие духовные качества и считал, что представитель государственной власти должен управлять епископатам. Как обер-прокурор Св.Синода он подчинял церковь государству, потому что не верил в человеческие качества иерархии и мирян. Человек так безнадежно плох, что единственное спасение - держать его в ежовых рукавицах. Человеку нельзя давать свободы. Только насильем и принуждением монархической государственности можно держать мир. Из своего неверия в человека, из своего нигилистического отношения к миру Победоносцев сделал крайне реакционные выводы. Победоносцев верил в Бога, но эту свою веру в Бога не мог перенести на свое отношение к человеку и миру. В своей личной жизни этот человек, приобретший репутацию великого инквизитора, был мягким, он трогательно любил детей, боялся своей жены, совсем не был свиреп в отношении к "ближнему". Он не любил "дальнего", человечества, гуманность, прогресс, свободу, равенство и пр. В чем же может быть сходство с Лениным? Ленин тоже не верил в человека, и у него было нигилистическое отношение к миру. У него было циническое презрение к человеку и он также видел спасение лишь в том, чтобы держать человека в ежовых рукавицах. Как и Победоносцев, он думал, что организовать жизнь людей можно лишь принуждением и насильем. Как Победоносцев презирал церковную иерархию, над которой господствовал, так и Ленин презирал иерархию революционную, над которой господствовал, он отзывался о коммунистах с издевательством и не верил в их человеческие качества. И Ленин и Победоносцев одинаково верили в муштровку, в принудительную организацию людей, как единственный выход. Общество не может быть организовано так, чтобы безнадежно плохой человеческий материал подвергся муштровке и привык к условиям общественной жизни. Ленин тоже думал, что мир и человек поражены грехом, для него это грех эксплуатации человека человеком, грех классовых неравенств. Ленин не верил в человеческую природу, в высшее начало в человеке, но он не верил и в Бога, как верил Победоносцев. Но он верил в будущую жизнь, не потустороннюю, а посюстороннюю будущую жизнь, в новое коммунистическое общество, которое для него заменило Бога, верил в победу пролетариата, который для него был Новым Израилем. Но коммунистическое общество осуществится не в силу качества людей, а в силу муштровки, принуждения, организации. Коммунистическая государственность у Ленина столь же авторитарна и автократична, как и монархическая государственность у Победоносцева. Из неверия в человека, из нигилистического отношения к жизни мира Ленин сделал обратный вывод, вывод крайне революционный. Одинаково можно сделать и крайне реакционный и крайне революционный вывод. Но жизнь мира сего была пустой и злой и для Ленина и для Победоносцева. В своей личной жизни Ленин, как и Победоносцев, не был злой человек, в нем было не мало добродушия, было человеческое отношение к своим ближним. И Ленин любил детей, любил зверей. Он не был инквизитором. Для судьбы России и русского народа поразительно, что до революции Россией правил человек, который не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру, и после революции правил человек, который тоже не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру. Это очень символично и многое объясняет. Русская власть не может стать человеческой и обратной стороной этого является русский анархизм. Нигилистическое отношение к миру и к человеку есть извращенная форма аскетического православия. И мы вплотную подходим к последней проблеме, проблеме религиозной, к отношению между коммунизмом и православием.

ГЛАВА VII КОММУНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

Вопрос об отношении коммунизма к религии и особенно к христианству требует особого рассмотрения. Непримируемо враждебное отношение коммунизма ко всякой религии не есть явление случайное, оно принадлежит к самой сущности коммунистического мирозерцания. Коммунистическое же государство есть диктатура мирозерцания. Коммунистический строй есть

крайний этатизм, в нем государство тоталитарно, абсолютно, он требует принудительного единства мысли. Коммунизм воздвигает гонения на все церкви и более всего на церковь православную, ввиду ее исторической роли. Коммунисты исповедуют воинствующий атеизм и они обязаны вести антирелигиозную пропаганду. Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится к какой-либо социальной области. Поэтому его столкновение с другими религиозными верованиями неизбежно. Нетерпимость, фанатизм всегда имеют религиозный источник. Никакая научная, чисто интеллектуальная теория не может быть столь нетерпима и фанатична. Как религиозное верование, коммунизм эксклюзивен. Огромную роль тут играет русский религиозный темперамент, русская сектантская и раскольничья психология. Но непримиримое, воинствующее отношение к религии было предопределено самим Марксом. Маркс сказал в "Введении к критике философии права Гегеля", что "религия есть опиум для народа", фраза получившая столь актуальное значение в России. Маркс думал, что для освобождения рабочего класса, а следовательно и всего человечества, нужно вырвать из человеческого сердца религиозное чувство. Маркс говорил: "не религиозная свобода совести, а освобождение совести от религиозного суеверия".

Религиозные верования отражают человеческое рабство, рабство у стихийных сил природы и иррациональных сил общества, они существуют лишь до тех пор, пока человек, социальный человек, не овладел окончательно стихийными и иррациональными силами, окружившими его таинственностью. В своих мыслях о религии Маркс был учеником Фейербаха, но развивал мысли Фейербаха в социальном направлении. Фейербах был самым гениальным атеистическим философом XIX века, очень острым и много давшим для антропологической философии вообще. Фейербах, как известно, хотел превратить теологию в антропологию. Для него не человек создан по образцу и подобию Божьему, а Бог создан по образу и подобию человеческому. Религия есть лишь выражение высшей природы человека, которая отымается, отчуждается от человека и переносится в трансцендентную, потустороннюю область. Религия обеднила, ограбила человека. Бедный человек имеет богатого Бога. Все богатства перенесены на Бога, сообщены Ему. Вера в Бога выражает слабость, бедность, рабство человека. Человек сильный, богатый, свободный не нуждался бы в Боге, он все высшее имел бы у самого себя. Маркс сделал отсюда тот вывод, что вера в Бога держит пролетариат в слабости, бедности, униженности. Религиозные верования дают иллюзорные, фиктивные утешения, переносят победу в не реальную область и потому мешают реальной победе и освобождению. Победоносный пролетариат отвергнет все иллюзорные, фиктивные, потусторонние утешения, он реализует победу здесь, на земле. Учение Маркса об иллюзиях сознания, иллюзиях религиозных и идеологических, отражающих рабство и зависимость человека, его слабость и униженность, взято у Фейербаха. Но Маркс придал учению об иллюзорности сознания более резкий, социальный характер. Воинствующий атеизм Маркса требовал прежде всего изменения сознания. Религиозные верования должны быть уничтожены не тюрьмой расстрелом и гонением, а революционизированием сознания, которое происходит вследствие революционной классовой борьбы пролетариата. Молодой Маркс особенно интересовался борьбой против религиозных верований. Для него это была прежде всего интеллектуальная борьба, как и для Бруно Бауэра. Он находился в русле левого гегельянства. Впоследствии интерес к этим вопросам, связанным с выработкой мирозерцания, ослабел. Маркс занялся по преимуществу вопросами экономическими. Но он остается воинствующим атеистом. Впрочем, нужно сказать, что антирелигиозность у Маркса выражалась в менее крайней форме, чем у нас у Бакунина, чем в Германии у Дюринга. Дюринг, представлявший тип социализма противоположный марксизму с анархическим уклоном, прямо говорил, что в социалистическом обществе религия будет запрещена. Энгельс, который написал свою главную книгу в форме критики философских и социальных взглядов Дюринга, даже возражал ему по поводу запрещения религии. Воинствующее просвещение обычно принимает форму воинствующего атеизма. Разум, овладевший собой и освободившийся от сковывающих его традиций, противопоставляется вере в Бога. Это всегда есть лишь переходная стадия, в которой разум не сознает, насколько он зависит от отрицательных аффектов, и разум более зрелый и действительно более свободный сознает свои границы и меняет свое отношение к религиозной вере. Русский просветительный разум находится в первой воинствующей стадии и он целиком находится во власти аффектов и эмоций. Мы это видим у Ленина.

Ленин был страстным и убежденным атеистом и ненавистником религии. Говорю "атеистом", хотя и не верю в существование чистых "атеистов". Человек есть религиозное животное и, когда он отрицает истинного, единого Бога, он создает себе ложных богов, идолов и кумиров, и поклоняется им. Ленин очень огрубил идею Маркса о религии, как ленинцы огрубил идеи самого Ленина. Ленин был почти гением грубости - таков его стиль. Для Маркса проблема религии была прежде всего проблемой изменения сознания, связанного, конечно, с социальной борьбой. Для Ленина проблема религии есть почти исключительно проблема революционной борьбы и ее постановка приспособлена для нужд этой борьбы. Ленин призывал к "штурму неба". Но в богоборчестве Ленина нет глубины, нет глубинных мотивов Фейербаха, или Ницше, нет того, что раскрывалось у Достоевского, нет внутренней драмы. Мысли Ленина о религии, разбросанные в разных его сочинениях, были собраны и изданы отдельно³³. Встречаются, напр. такие фразы: "Всякий боженька есть труположество". Ленин дает свое определение религии, скорее демагогическое, чем научное: "Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством". И еще определение: "Религия - род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человеческую жизнь. Это определение дано было еще в 1905 г. Особенно ненавидел Ленин всякие попытки соединить христианство с социализмом. Реформизм в церкви для него вреднее черносотенства, прогрессивное и обновленное христианство хуже старого, разлагающегося христианства. "Католический поп, растлевающий девушку, пишет Ленин, гораздо менее опасен, чем поп без рясы, поп без грубой религии, поп идейный и демократический, проповедующий созидание и сотворение боженьки. Ибо первого попа легче разоблачить, осудить и выгнать, а второго нельзя выгнать так просто, разоблачить его в тысячу раз труднее". Эта категория "попа без рясы" играет не малую роль в антирелигиозной пропаганде. Это очень широкая категория. "Попами без рясы" оказываются все не материалисты, все признающие духовное начало, хотя бы в самой минимальной степени, все философы имеющие спиритуалистический или идеалистический уклон. Даже Эйнштейн был признан "переодетым попом", потому что он признал существование космического чувства, которое можно было бы назвать религиозным. Ленин ненавидел самое слово религия и был то же вроде "попа без рясы", потому что он проповедовал как то одно время пытался делать Луначарский. Луначарский был то же вроде "попа без рясы", потому что он проповедовал "богостроительство", которое в сущности было формой атеизма и даже воинствующего атеизма. Но при всей ненависти Ленина против религии, он был против того, чтобы выпячивать религиозную проблему на первый план и считать борьбу с религией самостоятельной задачей, отличной от революционной классовой борьбы. Ленин даже высказывался против нарочитого оскорбления религиозных чувств, хотя он сам их грубо оскорблял. Он рекомендует читать французских атеистических философов XVIII века и этим обнаруживает, насколько атеизм марксизма-ленинизма зависит от буржуазного просветительства XVIII века.

Хотя дух просветительского материализма XVIII века очень силен в коммунизме, но русские коммунисты, специалисты по антирелигиозной пропаганде, делают различие между просветительской борьбой радикальной буржуазии против религии и классовой, пролетарской, революционной борьбой против религии. В советской антирелигиозной литературе - очень обширной, ибо антирелигиозной пропаганде отведено почетное место - Плеханова укоряют именно за то, что он боролся с религией, как просветитель, и потому имел насмешливо-добродушное отношение к религии. Плеханов думал, что рост просвещения приведет к естественному отмиранию религиозных верований. Религия исчезнет сама собой, "самотеком", без страстной борьбы, связанной с насилием. Для Плеханова это был прежде всего вопрос изменения сознания, т. е. вопрос научный и философский. Ленинисты противопоставляют этому революционную классовую борьбу против религии, борьбу неизбежно переходящую в гонение. Много раз подчеркивают, что борьба с религией ненаучная, как для просветителей, а классовая. Такие авторитетные западные марксисты, как Каутский и Кунов, тоже объявляются просветителями, не понимающими революционной классовой борьбы. Каутский и Кунов - позитивисты, а не диалектические материалисты, т. е. заражены буржуазным радикализмом. Книга Каутского "Происхождение христианства" в свое время была очень влиятельна в марксистской среде, и в советской России в первые годы ею пользовались для антирелигиозной пропаганды. Тоже нужно сказать о книге Кунова "Происхождение веры в Бога". Но

³³ См. "Ленин о религии".

с тех пор, как установилась генеральная линия в советской философии и в антирелигиозной пропаганде, книги Каутского и Кунова отвергнуты и признаны несоответствующими ортодоксии марксизма-ленинизма. Каутский связывает христианство с движением римского пролетариата. Эта точка зрения признана вредной, так как она может внушить рабоче-крестьянским массам симпатии к христианству. Кроме того Каутский рассматривает христианство не столько с точки зрения борьбы классов, сколько как результат воздействия социальной среды, т. е. он склонен к "механическому", а не "диалектическому" объяснению, что есть ересь. Кунова обвиняют в том, что он пользуется теориями буржуазных ученых, напр., теорией анимизма Тейлора, для объяснения происхождения религиозных верований. Он позитивист, а не диалектик. Цели антирелигиозной пропаганды требуют рассмотрения религии исключительно как орудия классового угнетения. Всякая другая точка зрения на религию признается буржуазной. Лишь ортодоксальный диалектический материализм дает единственно верное понимание сущности всякой религии. Один молодой советский философ написал книгу о происхождении религии с точки зрения марксистской социологии. В дискуссии, в которой обсуждалась эта книга, на автора в угрожающей форме напали за то, что он ничего не говорит в своей книге о взглядах Ленина на магию и тотемизм. Автор книги в отчаянии разводит руками и восклицает, что во всех сочинениях Ленина нет ни одного слова ни о магии, ни о тотемизме, и что он не знает, что делать. Смысл этого нелепого диалога понятен. Сочинения Ленина - священное писание, а в священном писании все вообще вопросы должны быть предreshены.

В марксизме всегда самой слабой стороной была психология, а в ленинизме, вследствие преобладания демагогии, психология еще слабее, грубее и элементарнее. Даже психология классов и социальных групп совсем не разработана и заменяется элементарными моральными обличениями. Тут ленинисты совсем не способны к интеллектуально-познавательной установке, их установки исключительно эмоциональные. Такая же тонкая область, как область религиозной психологии им совсем недоступна. Советская литература по антирелигиозной пропаганде стоит на очень низком интеллектуальном уровне и эстетически непереносима по своему стилю, - это самый низкий род литературы в советской России. Необычайно грубы, безвкусны и, при всей своей элементарности, мало понятны народным массам советские антирелигиозные карикатуры. Вырабатывается целая методология борьбы против религии. Антирелигиозная пропаганда вменяется в обязанность всем советским философам, признанным ортодоксальными, т.е. выражающими генеральную линию. Борьба с религией, со всякой религией, входит в пятилетний план, который не есть только план экономический, но план тотального переустройства жизни. Вместе с тем сознают, что религиозные верования очень живучи в народе, более живучи, чем все связанное с политической и экономической жизнью. И как раз на антирелигиозном фронте коммунисты терпят наибольшие поражения. В антирелигиозной пропаганде приходится считаться с тем, что называют религиозными суевериями и предрассудками в крестьянских и рабочих массах. Методы антирелигиозной пропаганды должны с этим считаться. Можно ли быть коммунистом, членом партии и вместе с тем верующим, христианином, можно ли разделять социальную программу коммунизма и не разделять коммунистического мирозерцания, не быть диалектическим материалистом и безбожником? Таков основной вопрос.

Коммунисты, в отличие от социал-демократов, не признают, что религия есть частное дело, дело личной совести. Наоборот, они считают, что религия есть дело самое общее, социальное. Признание религии частным делом, т. е. признание субъективного права свободы совести, есть обычный параграф либерально-демократических программ, и этот принцип взят социал-демократией из либеральной демократии. Сам Маркс, признавший религию "опиумом для народа" и величайшим препятствием на путях освобождения рабочего класса и человечества, не мог считать религию частным делом. Религия есть дело социальной борьбы. Русский коммунизм делает последовательный и крайний вывод из точек зрения Маркса на религию, которого не хотела сделать социал-демократия, впитавшая в себя некоторые принципы либерализма. Коммунисты называют обыкновенно социал-демократов социал-предателями и между прочим считают их предателями в вопросе религиозном. Социал-демократы, даже продолжавшие себя считать марксистами, допустили в свою среду в качестве членов партии верующих христиан, даже пастырей и профессоров теологии. Но это значит, что социал-демократия не хочет быть "мирозерцанием", она хочет быть лишь

политической партией, лишь системой социальных реформ. Я не говорю уже об английском социализме, который гораздо более связан с христианством, чем с марксизмом. Коммунизм же прежде всего хочет быть "миросозерцанием", он тоталитарен и потому вопрос религиозный для него очень важен. Русский коммунизм, - коммунизм вообще ведь есть русское создание - всю свою программу строит из определенного "миросозерцания". В §13 конституции коммунистической партии, не только русской, но и интернациональной, говорится, что каждый член коммунистической партии должен быть атеистом и вести антирелигиозную пропаганду. От членов партии требуется прекращение каких-либо связей с церковью. Ленин точно установил принципы, каких должен держаться коммунист в своем отношении к религии. Он истолковывает, в каком смысле нужно понимать, что религия есть частное дело. Религия есть частное дело по отношению к буржуазному государству. В буржуазном государстве коммунисты должны быть за свободу совести, за отделение церкви от государства, должны отстаивать тот принцип, что религия есть частное дело. Но все диалектически меняется, когда ставится вопрос об отношении к религии внутри коммунистической партии, а следовательно и внутри коммунистического государства и общества. Религия совсем не есть частное дело внутри коммунистической партии, тут она самое общее, самое социальное дело, тут нужна беспощадная борьба с религией. Коммунист, настоящий интегральный коммунист, не может быть религиозным, верующим человеком, не может быть христианином. Для члена коммунистической партии обязательно определенное миросозерцание, он должен быть материалистом и атеистом и при том воинствующим атеистом. Недостаточно разделять социальную программу коммунизма, чтобы быть членом коммунистической партии. Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры противоположной христианской. Вся советская литература утверждает такое понимание коммунизма. Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания. И это может быть и есть самое страшное в коммунизме.

По оппортунистическим соображениям предлагают делать исключение для рабочих в религиозном вопросе. Так как у рабочих бывают еще остатки религиозных предрассудков, то их можно принимать в коммунистическую партию, если они разделяют социальную программу коммунизма, не справляясь об их религиозных верованиях. Но для представителей интеллигенции это недопустимо. Очень характерна история со шведским коммунистом Хехлундом. Он пытался утверждать, что религия есть дело совести каждого человека и что можно быть коммунистом и верующим христианином. За это на Хехлунда очень резко напали, он подвергся очень дурному обращению со стороны Ярославского³⁴, главного специалиста по антирелигиозной пропаганде, ему объяснили, что религия не есть частное дело внутри коммунизма. Сейчас член коммунистической партии не может ходить в церковь, не может обнаруживать какой-либо религиозной веры. Более того, он делается подозрительным, если обнаруживает холодность к антирелигиозной пропаганде и не исповедует воинствующего атеизма. Коммунистическая партия по своей структуре, по душевному складу своих адептов представляет что-то вроде атеистической секты, религиозной атеистической секты, захватывающей в свои руки власть.

Напрасно думают, что религиозные гонения в советской России направлены против православной церкви, которая была церковью господствующей и связана была в прошлом с монархией и реакцией. Сектанты, напр., баптисты, объявляются более опасными, чем православные, и с ними борьба признается более трудной именно потому, что в прошлом они были сами гонимы и не связаны с силами, господствовавшими при старом режиме. Христиане, которые признают правду коммунизма в области социальной, считаются более вредными и опасными, чем христиане, которые являются явными реставраторами и контрреволюционерами. Свободомыслящая, атеистическая и материалистическая буржуазия лучше, чем христиане сочувствующие коммунизму, она может быть использована для социалистического строительства, она обычно бывает равнодушна к "миросозерцанию", в то время как христиане-коммунисты разбивают целостность коммунистического миросозерцания. Ленин это формулировал³⁵.

В руководящей литературе, посвященной антирелигиозной пропаганде, не рекомендуются религиозные преследования. Специалист по безбожию Ярославский говорит, что невыгодно создавать мучеников. Но фактически мучеников они создают. Священники поставлены в нечеловеческие условия существования, они лишены, лишены элементарных человеческих прав,

³⁴ См. Ярославский "На антирелигиозном фронте" и "Против религии и церкви".

³⁵ Об этом писали в журнале "Под знаменем марксизма".

парии в советском государстве. Служителей культа явно хотят поставить в такое положение, чтобы они не могли существовать. Невыносимо моральное и материальное положение священников, против которых не воздвигнуто никаких обвинений. Это положение бывает так тяжело, что иногда предпочитают быть посаженными в тюрьму. Но епископов и священников кроме того постоянно арестовывают, ссылают в Соловки и расстреливают. Коммунистов, посещающих церковь, исключают из партии. Советских служащих за посещение церкви лишают службы. Посещать церкви можно лишь тайно, где-нибудь на противоположном конце города, на окраине. Открытое исповедание христианской веры в советской России требует героизма, а часто и мученичества. Священник по своей профессии может говорить о Боге лишь в церкви, вне же церкви ему запрещено говорить о Боге. Свободы религиозной совести в советской России, конечно, не существует. Советская конституция, отделяющая церковь от государства и провозглашающая свободу совести, не имеет никакого значения. Принуждение есть не только фактическая практика, но она входит в миросозерцание коммунизма, всего вероучения. Обыкновенно представители советской власти, когда им говорят об антирелигиозных гонениях, отвечают, что гонений нет, что преследуют исключительно контрреволюционеров, каковых очень много среди епископов, священников и верующих мирян, что церковь притесняется, поскольку она есть очаг реакционных, реставраторских настроений. Но этому дипломатическому объяснению противоречит тот факт, что коммунисты во всех литературных выражениях их мировоззрения, их собственной веры, требуют воинствующей борьбы против всякой религии. Они скажут, что это борьба идейная, действующая на сознание. Так представлял себе Маркс борьбу против религии. Это чисто теоретическое рассуждение. Самое главное то, что русские коммунисты представляют сейчас власть, в их руках находится государство. И это государство эпохи диктатуры, эта диктатура есть диктатура миросозерцания, диктатура не только политическая и экономическая, но и интеллектуальная, диктатура над духом, над совестью, над мыслью. Диктатура эта не стесняется в средствах и пользуется всеми средствами. Это - идеократия, псевдоморфоза теократии, одна из трансформаций платоновской утопии. Этим уже определяется неизбежность оправдания свободы совести и мысли, неизбежность религиозных гонений.

Все теоретические, идейные, философские споры и все практические, политические, экономические споры в советской России стоят под знаком ортодоксии и ереси. Все "правые" или "левые" уклоны в философии или в политике рассматриваются, как уклоны еретические. Происходит постоянное обличение еретиков и преследование обличенных в ереси. Но различие между ортодоксией и ересью есть различие религиозное, теологическое, а не философское и не политическое. Когда политика поставлена под знак ортодоксии, то государство рассматривается как церковь и неизбежно преследование за верования и мнения. Так было в средневековой христианской теократии, так и в советской, коммунистической теократии, так и в Гитлеровском третьем царстве, так и во всяком государстве, претендующим на тоталитарность. Иоанн Грозный, самый замечательный теоретик самодержавия, создал концепцию православного царства, при которой царь должен заботиться о спасении душ своих подданных. Функции церкви переходят и на государство. Коммунистическая власть тоже заботится о спасении душ своих подданных, она хочет воспитать их в единоспасующей истине, она знает истину, истину диалектического материализма. Коммунистическая власть, ничем не ограниченная, движется ненавистью к христианству, в котором видит источник рабства, эксплуатации, тьмы. Коммунисты чрезвычайно невежественны и непросвещенны в вопросах религиозных, но определяются они идейными мотивами, движутся своей собственной религиозной верой. Коммунистическая власть нередко проявляет большую гибкость в политике, она бывает очень оппортунистична в международной политике, идет на уступки в политике экономической, она готова дать некоторую свободу в искусстве и литературе. Коммунизм меняется, эволюционирует, он национализируется, делается более культурным, коммунистический быт обуржуазивается и это обуржуазивание есть большая опасность не для коммунизма только, но и для русской идеи в мире. Но есть область, в которой коммунизм неизменен, беспощаден, фанатичен и не на какие уступки не идет, - это область "миросозерцания", философии, а следовательно и религии. Вся советская философская литература и литература по антирелигиозной пропаганде - самая беспросветная, самая изуверская и окаменевшая. Догматизм этой литературы превосходит все, что было в христианской теологии. Иногда кажется, что советская власть скорее пойдет на восстановление капитализма в экономической жизни, чем на свободу религиозной совести, свободу

философской мысли, свободу творить духовную культуру. Эта ненависть к религии и к христианству имеет глубокие корни в прошлом христианства.

Ненависть русских коммунистов к христианству заключает в себе противоречие, которого не в состоянии заметить те, чье сознание подавлено коммунистической доктриной. Лучший тип коммуниста, т. е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма делается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни, как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет не малую роль и от него идет процесс обуржуазивания. Коммунизм по своей идее хотел бы осуществить не только справедливость, но и братство в человеческих отношениях, "коммунион" между людьми. Но наивно и смешно думать, что братство между людьми может быть осуществлено путем внешней принудительной социальной муштровки, путем привычки, как говорил Ленин. Для этого нужно действие глубинных духовных сил. Материалистический и атеистический коммунизм или обречен на неудачу и на гибель или на создание общества, подобного механизму, в котором нельзя уже будет различить человеческого образа. И тем не менее коммунисты, многим христианству обязанные и основывающие всю свою деятельность на переключении религиозной энергии, т. е. обращения ее на предмет не религиозный, ненавидят христианство и религию вообще. Для этого должны быть глубокие и серьезные причины, которые не могут быть исключительно связаны с исповеданием отвлеченной теории, враждебной религии. Христиане, обличающие коммунистов за их безбожие и за антирелигиозные гонения, не должны были бы всю вину возлагать исключительно на этих коммунистов-безбожников, они должны были бы и на себя возложить часть вины, и значительную часть. Они должны были бы быть не только обвинителями и судьями, во и кающимися. Много ли христиане сделали для осуществления христианской правды в социальной жизни, пытались ли они осуществлять братство людей без той ненависти и насилия, в которых они обличают коммунистов? Грехи христиан, грехи исторических церквей очень велики и грехи эти влекут за собой справедливую кару. Измена заветам Христа, обращение христианской церкви в средство для поддержания господствующих классов не могло не вызвать по человеческой слабости отдаления от христианства тех, которые принуждены страдать от этой измены и от этого извращения христианства. У пророков, в Евангелии, в апостольских посланиях, у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых, отрицание собственности, утверждение равенства всех людей перед Богом. У Св.Василия Великого, и особенно у Св.Иоанна Златоуста, можно встретить такие резкие суждения о социальной неправде, связанной с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс. Учителя церкви сказали, что собственность есть кража. Св. Иоанн Златоуст был совершенный коммунист, хотя это был, конечно, коммунизм не капиталистической, не индустриальной эпохи. С большим основанием можно сказать, что коммунизм имеет христианские или иудео-христианские истоки³⁶. Но скоро началась эпоха, когда христианство было приспособлено к царству кесаря своего времени. Было сделано открытие, что христианство не есть только истина, от которой может сгореть мир, но что оно может быть социально полезно для устройства царства кесаря. Христиане, иерархи, епископы, священники начали защищать господствующие классы богатых, власть имущих. Сделаны были ложные выводы из учения о первородном грехе, оправдывающие всякое существующее зло и несправедливость. Страдания и стеснения были признаны полезными для спасения души и это было применимо главным образом к классам угнетенным, обреченным на страдания и стеснения, но почему-то не применено к угнетателям и насильникам. Христианское смирение было ложно истолковано и этим истолкованием пользовались для отрицания человеческого достоинства, для требования покорности всякому социальному злу. Христианством пользовались для оправдания приниженности человека, для защиты гнета. Нужно всегда помнить, что церковь имеет два разных смысла. Смешение этих двух смыслов в нынешней церкви или отрицание одного из них имеет

³⁶ См. Gerard Walter - "Les origines du Communisme".

роковые последствия. Церковь есть мистическое тело Христово, духовная реальность, продолжающая в истории жизнь Христа и источником ее является откровение, действие Бога на человека и мир. Но церковь есть также социальный феномен, социальный институт, она связана с социальной средой и испытывает на себе ее влияние, находится во взаимодействии с государством, имеет свое право и хозяйство, и источник ее социальный. Церковь, как социальный институт, как часть истории, греховна, способна к падению и к искажению вечной истины христианства, выдавая временное и человеческое за вечное и божественное. Церковь в истории есть очень сложный богочеловеческий, а не только божественный процесс, и человеческая ее сторона погрешима. Но вечная истина Христовой Церкви сокровенно действует и через церковь, как социальный институт, всегда относительный и погрешимый. Марксисты-ленинисты видят только церковь, как социальный феномен и институт, и ничего за ним не видят. Для них все выброшено наружу, для них нет духовной жизни, она есть лишь эпифеномен, бытие плоское, двухмерное - нет измерения глубины. Но коммунизм нужно понять, как вызов христианскому миру, в нем обнаруживается высший суд и понимание о неисполненном долге. Сами коммунисты этого не понимают и понять не могут. Коммунисты обличают дурные, насильнические дела христиан, но сами они продолжают делать те же дурные, насильнические дела. Их ответственность за дела насилия может быть меньшая, потому что они не знают истины христианства, но они ответственны за то, что не хотят знать этой истины.

Очень показательны книги Гекера, изданные по-английски³⁷. Книги эти производят очень смутное впечатление. Если бы Гекер просто защищал коммунизм и коммунистическое мирозерцание, то все было бы ясно. Но отношение его к христианству иное, чем у интегральных коммунистов, и вероятно по своему прошлому он хотел бы сохранить и некоторый положительный смысл за христианством, резко противопоставляя его христианству церковному. Его отношение к христианству напоминает отношение сектанта рационалистически-моралистического типа. Все, что Гекер говорит о христианстве, свидетельствует о том, что он совсем не видит и не понимает духовной и мистической стороны христианства. И церковь для него исключительно есть явление социальное, определяемое средой и зараженное всеми болезнями господствующих в истории классов. Духовной стороны церкви он не способен увидеть. Религию он выводит из страха, который потом сублимируется, он ее объясняет исключительно социологически. Гекер считает несомненным, что человек происходит от обезьянообразного предка, т. е. имеет животное происхождение. Сообразуясь с господствующей и обязательной в советской России философией, он, конечно, стоит на диалектической точке зрения, хотя следов усвоения гегельянства в нем не видно. Гекер видит в православной церкви лишь внешнюю сторону - обряды (за которыми, конечно, он не видит таинств), связь с монархическим государством и рабское ему подчинение, конформизм духовенства. Исключительная посюсторонность Гекера не позволяет ему почувствовать тему о спасении и вечной жизни. Ценность христианства для него исключительно в морали и в организации социальной жизни. И православие оказывается формой христианства, не создавшей своей морали и не влиявшей на улучшение социальной жизни. Проблема религиозная для него оказывается окончательно подчиненной социальной пользе. И потому нет вопроса об истине. Это есть англосаксонский прагматизм, который очень чувствуется у Гекера и который в сущности противоречит коммунистическому мирозерцанию, претендующему на знание абсолютной истины. Гекер - апологет русского коммунизма для Запада, но он совсем не интегральный коммунист, его мирозерцание эклектическое. Гекер почитатель Л.Толстого и, по-видимому, склонен понимать христианство так, как понимал его Л.Толстой, т.е. прежде всего моралистически. Это есть наследие сектантского христианства Гекера. Сам я склонен думать, что Л.Толстой был пробудителем христианской совести в закостенелом христианском мире и что в его критике исторического христианства было много правды. Я говорил уже, что у Л.Толстого были элементы русского нигилизма, которые и делают его одним из предшественников русского коммунизма. Но невозможно отсюда сделать тот вывод, к которому, по-видимому, склоняется Гекер, что коммунизм осуществляет идеи Толстого. Коммунистическая идеология, и особенно практика, полярно противоположны учению Толстого. Коммунизм есть крайнее противление насилею, крайний этатизм, увлечение технической цивилизацией и индустрией, отрицание естественного братства людей, оторванность от непосредственной связи с землей, истребление религиозного начала жизни. Учение Л.Толстого есть учение о непротвлении насилею, анархическое отрицание государства, технической цивилизации и

³⁷ См. Julius Hecker - "Religion and Communism" в "Moscow-Dialogues".

индустрии, признание естественного братства людей, связь с землей, утверждение религиозного начала жизни.

В своих нападениях на прошлое православной церкви в России Гекер часто бывает фактически прав. Нет ничего легче, как показать, что история церкви, и вообще история христианства, есть в значительной степени история человеческих грехов, измен, падений, бессовестного конформизма. Со времен Константина церковь не столько овладевала царством кесаря, сколько подчинялась царству кесаря. История религии, связанной с социальной средой, с социальными внушениями и интересами, всегда занимала больше места и была сильнее, чем история религии, связанной с откровением и духовной жизнью. Но только духовная слабость и слепота, только подавленность духа внешней средой приводит отсюда к тому заключению, что никакого откровения нет, что духовного мира нет. Бесспорно церковь, как социальный институт, была в России подчинена и даже порабощена государству. Унизительная зависимость церкви от государства была не только в петровский период, она была и в московский период. Бесспорно также, что духовенство в России было в унизительном и зависимом положении и что оно потеряло свое руководящее значение, особенно со времени раскола. Особенно низок был уровень епископата. Епископы, которые в период татарского ига и отчасти в московский период имели духовно руководящее значение, превратились в чиновников, в губернаторов, получавших звезды и ленты и разъезжавших в каретах. Епископы обыкновенно преследовали старцев, т. е. людей наиболее духовных, и всякое проявление самобытной религиозной жизни. Аналогичное явление мы видим в католической церкви. Бесспорно, что за грехи прошлого православной церкви приходится расплачиваться в революции. Церковные люди не могли отказаться от связей исторической церкви со старым режимом. Но сознание всего этого не ведет к оправданию палачей. И протест против рабского подчинения церкви старому царству кесаря никак не может вести к требованию рабского подчинения церкви новому царству кесаря, хотя бы оно именовало себя коммунистическим. При всей фактической верности многого из того, что говорит Гекер о православии - и что можно было бы сказать о прошлом католицизма и протестантизма - его общее суждение ошибочно и извращает всю перспективу. И это неизбежно, потому что для Гекера не существует духа и духовной жизни. Православная церковь сводится для него исключительно к внешней обрядочности, к обрядоверию и к остаткам старых суеверий. Сочувствует он исключительно рационалистическим сектам. Но действовала на душу русского народа, формировала эту душу сокровенная духовная жизнь православия, а не внешняя, официальная церковность. Напрасно Гекер сводит литургическую жизнь церкви к внешнему обряду, к чему-то вроде суеверной магии, а то время как в ней есть духовная глубина, есть отображение небесной жизни, Учение Хомякова о церкви, т. е. учение о соборности и свободе, представляется Гекеру утопией, которая нигде никогда не была реализована, только потому, что для него реальность исчерпывается эмпирической данностью, что он не способен понять существования идейного в онтологическом смысле мира, который находится за миром эмпирическим, противопоставляется ему и вместе с тем действует в нем. Поэтому в церкви он видит лишь грубую и греховную эмпирию и не видит ее идеального образа, т. е. мистического тела Христова. Вся русская творческая религиозная жизнь XIX и XX века, начиная с Хомякова и славянофилов и до мыслителей начала XX века, обличали грехи русской исторической церкви и нередко говорили более резкие вещи, чем Гекер. Православному христианину Достоевскому принадлежит слово, что русская церковь в параличе. Не нужен был ни русский коммунизм, ни книги Гекера, чтобы обнаружить унизительную ложь отношений церкви со старым государством. Это всегда очень резко говорили люди, которые были верующими и даже считали себя сторонниками идеальной монархии - Хомяков, Ю. Самарин, И. Аксаков, Достоевский, Вл. Соловьев и многие другие. Русская творческая религиозная мысль, начиная с Хомякова, стояла на путях религиозной реформации на православной почве. Обличение против духовной иерархии, особенно епископата, есть самое обычное явление и у тех представителей православия, которые ничего общего не имели с сектантством. Неконформизмом отличались не только сектанты, но и те русские религиозные мыслители, которым Гекер склонен не придавать никакого значения. Но Гекер ничего не говорит об огромной положительной социальной роли церкви в татарский период, о нищелюбии в древней Руси, не говорит о положительных явлениях русской святости. Он не понимает, что русское православие, чуждое морализма, в конце концов внутренне воспитало и души тех русских людей, которые в сознании от него отошли, оно вызвало в душе русского народа искание царства Божьего и правды Его, привило человечность и сострадательность, столь отразившиеся в русской литературе. Гекер не

понимает, что, если в Чернышевском были настоящие черты святости, черты подвижника, то получал он это от христианства своего детства и юности. Революции в России предшествовал упадок в официальной церкви, ослабление христианской жизни в народе. Так всегда бывает. Формальные православные часто являли собой безобразный облик. В начале XX века религиозный ренессанс происходил у нас в очень узком кругу и был явлением не столько народной жизни, сколько культурной элиты. Поэтому, как я уже говорил, он был социально бездействен. Распутин был символом духовного разложения старого мира и свидетельством о духовной неизбежности революции. Но Гекер совершенно неверно понимает и оценивает все русские религиозно-философские движения, которые он не может отнести к идейному, официальному православию.

Прежде всего Гекер неверно употребляет термин "богоискательство", который не применим к течениям, сознающим себя определенно христианскими. Говоря о "нео-христианах" - термин допустимый, поскольку речь идет о христианах, которые верят в возможность новой творческой эпохи в христианстве - Гекер причисляет к ним В.Розанова, бесспорно гениального мыслителя и писателя, но определенного врага христианства, которого скорее можно было бы назвать неоязычником. Можно было бы указать много неточностей в изложении Гекера, он смотрит издалека на те духовные явления, о которых пишет, судит слишком суммарно и не различает оттенков и индивидуальных особенностей. Нужно впрочем сказать, что всякий человек, приобщенный к философии коммунизма, теряет способность различать индивидуальное. Чего Гекер окончательно и безнадежно не понимает, это постановки проблемы личности в христианском сознании. Защиту принципа личности он по-видимому отождествляет с индивидуализмом и эгоизмом. Он по-видимому думает, что когда Евангелие призывает отдать жизнь свою за други своя, то оно высказывается против принципа личности. Но признание безусловной ценности всякой человеческой личности, как образа и подобия Божьего, недопустимость обращения с человеческой личностью, как со средством и орудием, лежит в основе христианства. Именно христианство учит, что человеческая душа стоит дороже всех царств мира, христианство бесконечно внимательно ко всякому индивидуальному человеку и к его индивидуальной судьбе. Человек, всегда индивидуальный и неповторяемый, для христианства более первичная и глубокая реальность, чем общество. Человек может и часто должен жертвовать своей жизнью, но не личностью, личность в себе он должен реализовать и жертва есть условие реализации личности. Именно личность призвана к вечной жизни, есть завоевание вечности. Личность есть духовно-религиозная категория и означает задачу поставленную перед человеком. Личность есть совсем иное, чем индивидуум, который есть категория биологическая и социологическая, подчиненная часть рода и общества. Личность же не может быть частью чего-либо, не только общества, но и мира, она есть целое³⁸. И глубиной своей она принадлежит миру духовному, а не природному. Вся ограниченность и неправда коммунистической философии связана с непониманием проблемы личности. Это и превращает коммунизм в силу дегуманизирующую, враждебную человеку. Из общества, социалистического общества, из социального класса, пролетариата, делается кумир, идол, а реальный человек отрицается.

Должен сказать несколько слов о неверном истолковании Гекером моих взглядов. Его явно соблазняет употребляемая мною терминология, слова "аристократизм", "новое средневековье" и т. п. Он считает меня сторонником феодальной аристократии, что почти смешно. Сторонника феодальной аристократии в нашу эпоху нужно было бы признать сумасшедшим. В действительности я являюсь сторонником бесклассового общества, т. е. в этом отношении я наиболее близок к коммунизму. Но при этом же я являюсь сторонником аристократического начала, как качественного начала в человеческом обществе, именно личного, а не классового или сословного качественного начала, т. е. сторонником духовного аристократизма. Классовые неравенства должны быть преодолены в человеческом обществе, но личные неравенства от этого только сильнее выявятся. Человек должен отличаться от человека по своим личным качествам, а не по своему социальному положению, классовому или сословному. Качественное, т. е. личное аристократическое начало не только не может исчезнуть из человеческого общества, но оно как раз наиболее выявится в обществе бесклассовом, когда классов уже не будет, ибо классы закрывают и маскируют личные качественные различия между людьми, делая их не реальными, а символическими. Высшее положение в обществе человек занимал не в силу личных качеств и своего духовного аристократизма, а в силу символики, которую сообщала ему принадлежность к классу или сословию. Я являюсь сторонником

³⁸ См. мою книгу "Я и мир объектов". Париж, 1934.

христианского персонализма, а совсем не индивидуализма, который враждебен принципу личности. В обществе буржуазно-капиталистическом личность обезличивается и нивелируется, рассматривается, как атом. Индивидуализм противоположен христианской идее общения людей, реализация же личности предполагает общение людей. Когда я говорю, что мир идет к "новому средневековью", то это совсем не означает возврата к старому средневековью и уже менее всего к феодализму. Это есть лишь обозначение типа общества, в котором будет стремление к целостности и единству, в противоположность индивидуализму новой истории, и будет возрастание значения религиозного начала, хотя бы в форме воинствующей антирелигиозности. Гекер также совсем не понимает новой проблематики русской религиозной мысли. Эта проблематика, не разрывая связи с внутренней, духовной традицией православной церкви, обращена к творческим задачам христианства в мире. Остро ставилась проблема христианской антропологии и в связи с христианской антропологией проблема христианской культуры и христианского общества. Русская творческая религиозная мысль выносила идею Богочеловечества; подобно тому, как в Иисусе Христе Богочеловеке произошло индивидуальное воплощение Бога в человеке, в христианском человечестве должно произойти коллективное, соборное воплощение Бога. Богочеловечество есть продолжение боговоплощения. Это ставит проблему воплощения Христовой истины и правды а жизни человечества, в человеческой культуре и обществе. Идея Богочеловечества, как сущности христианства, мало раскрывалась западной христианской мыслью и является оригинальным порождением русской христианской мысли. Христианская философия понимается, как философия богочеловеческая, христологическая. В ней преодолеваются границы греческой и схоластической мысли, как и рационалистической мысли нового времени. Вся эта проблематика совершенно чужда и непонятна Гекеру. В качестве прагматиста и социального утилитариста он судит о значительности и ценности явлений духа и мысли исключительно по ближайшим социальным результатам. Но в мире могут быть очень актуальные движения совершенно враждебные духу и мысли, когда человек бывает выброшен исключительно во вне и осуществляет может быть важные задачи, но иные, чем более глубокие и далекие задачи духа и мысли. Проблематика русской религиозной мысли обращена к более отдаленному будущему, когда насущные экономические вопросы будут решены, она обращена к вечности.

Гекер берет под свою защиту так называемую живую церковь и он дает ей, конечно, явное преимущество перед патриаршей православной церковью. Ему кажется, как многим казалось на Западе, что движение живой церкви есть что-то вроде русской реформации, что она близка к протестантизму. Это ошибка. Никакого реформационного движения во время революции у нас не было. Руководители живой церкви, которая сейчас потеряла всякое значение, лишены были всяких творческих религиозных идей. Это было лишь приспособление части православного духовенства к существующей власти, не реформация, а конформизм. Тут сказались традиции старого рабства церковной иерархии у государственной власти. Живоцерковники потому уже не заслуживают никакого уважения, что они делали доносы на патриарха и иерархов патриаршей церкви, занимались церковным шпионажем и приспособлялись к власти имущим, они имели связь с Г.П.У., которое давало директивы живой церкви. Это восстанавливало старое отношение между церковью и государством, причем обер-прокурором был член Г.П.У. Никогда никакое обновляющее реформационное движение не начиналось с приспособления и конформизма, с доносов и шпионажа, оно начиналось с того, что его глашатаи сами несли жертвы, а не делали жертвами других. Живоцерковное движение никаких новых религиозных идей не имело, оно ничего другого не говорило кроме того, что церковь должна приспособиться к советской власти. Но это не есть религиозная идея. Живоцерковники не возвысились даже до той идеи, что в коммунизме есть христианская правда. Их интересовал не коммунизм, а власть. Я держусь гораздо более радикальных религиозных идей, чем живоцерковники, и более их верю в новую творческую эпоху в христианстве, в новое излияние Духа Св. на человека. Но к живоцерковникам я отношусь совершенно отрицательно, потому что считаю такого рода конформизм в религиозной жизни недопустимым. Православная церковь в России должна установить какой-то конкордат с существующей властью, что и пытается сделать митрополит Сергей. Церковь не может заниматься политической борьбой и с нее должны быть сняты подозрения в связях со старым режимом. Но церковь должна возвышаться над царством кесаря. Осуждение церковью капиталистического режима, признание церковью правды социализма и трудового общества я считал бы великой правдой. Но при советском режиме это теряет всякий религиозный смысл, ибо превращается в выполнение требований Г.П.У.

Мы подходим к основной проблеме коммунизма, к проблеме отношений между человеком и обществом. Гекер разделяет все слабости коммунистической постановки и коммунистического решения этой проблемы, т.е. для него нет проблемы человека в ее глубине. Как было у Маркса? Маркс был замечательным социологом, но очень слабым антропологом. Марксизм ставит проблему общества, но не ставит проблему человека, для него человек есть функция общества, техническая функция экономики. Общество есть первофеномен, человек же есть эпифеномен. Такое унижение человека находится в разительном противоречии с обличительным учением Маркса об овеществлении (Verdinglichung) человеческой жизни, о дегуманизации. У него остается коренная двусмысленность: есть ли превращение человека в функцию экономического процесса грех, зло прошлого, капиталистической эксплуатации или это есть онтология человека. Решающим, во всяком случае, является тот факт, что первая попытка осуществления коммунизма на почве марксизма, которую мы видим в России, также рассматривает человека, как функцию экономики, и также дегуманизирует человеческую жизнь, как и капиталистический строй. Поэтому того переворота во всемирной истории, на который надеялись Маркс и Энгельс, не произошло, между тем как, коммунизм претендует не только на создание нового общества, но и на создание нового человека. О новом человеке, о новой душевной структуре много говорят в советской России, об этом любят говорить и иностранцы, посещающие советскую Россию. Но новый человек может явиться лишь в том случае, если человека считают высшей ценностью. Если человека рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, т. е. об углублении процесса дегуманизации. Человек оказывается лишенным измерения глубины, он превращается в двумерное, плоскостное существо. Новый человек будет лишь в том случае, если человек имеет измерение глубины, если он есть духовное существо, иначе вообще человека нет, а есть лишь общественная функция. Человек в своем измерении глубины причастен не только времени, но и вечности. Если человек целиком выброшен в процесс времени, если в нем нет ничего от вечности и для вечности, то образ человека, образ личности не может быть удержан. Коммунизм в своей материалистически-атеистической форме целиком подчиняет человека потоку времени, человек лишь преходящий момент дробимого времени и каждый момент является лишь средством для последующего момента. Поэтому человек оказывается лишенным внутреннего существования, жизнь человеческая дегуманизируется. Марксизм обнаруживает процесс гуманизма. У Маркса, особенно у молодого Маркса, когда в нем сильны еще были следы немецкого идеализма, были возможности нового гуманизма. Он начал с восстания против дегуманизации. Но затем он сам оказался увлеченным процессом дегуманизации, и в отношении к человеку коммунизм унаследовал грехи капитализма. В русском марксизме-ленинизме этот процесс дегуманизации пошел еще дальше и он обусловлен всей обстановкой возникновения русского коммунизма. В русский коммунизм вошли не традиции русского гуманизма, имевшего христианские истоки, а русского антигуманизма, связанного с русским государственным абсолютизмом, всегда рассматривавшим человека, как средство. Марксизм считает зло путем к добру. Новое общество, новый человек рождается от нарастания зла и тьмы, душа нового человека образуется из отрицательных аффектов, из ненависти, мести, насильничества. Это - демониакальный элемент в марксизме, который считают диалектикой. Зло диалектически переходит в добро, тьма в свет. Ленин объявляет нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не знает. Отсюда вытекает, что цель оправдывает средства, всякие средства. Нравственный момент в человеческой жизни теряет всякое самостоятельное значение. И это есть несомненная дегуманизация. Цель, для которой оправдываются всякие средства, есть не человек, не новый человек, не полнота человечности, а лишь новая организация общества. Человек есть средство для этой новой организации общества, а не новая организация общества - средство для человека.

Психический тип коммуниста определяется прежде всего тем, что для него мир резко разделяется на два противоположных лагеря - Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной. Царство пролетариата есть светлое царство Ормузда, царство же буржуазии - темное царство Аримана. Представителям светлого царства все дозволено для

истребления темного царства. Фанатизм, нетерпимость, жестокость и насильничество коммуниста ярко выраженного типа определяется тем, что он чувствует себя поставленным перед царством сатаны и не может переносить этого царства. Но при этом он находится в отрицательной зависимости от царства сатаны, от зла, от капитализма и буржуазии. Он не может жить без врага, без отрицательных чувств к этому врагу, он теряет пафос, когда врага нет. И если врага нет, то врага нужно выдумать. Процессы "вредителей" связаны с этой потребностью создать классового врага. Если бы классовый враг исчез окончательно и коммунизм легко было бы осуществить, то коммунистический пафос тоже исчез бы. Революционный пафос в значительной степени связан с отрицательным отношением к прошлому. Иногда ставится вопрос, в какой мере коммунизм действительно принадлежит будущему и обращен к будущему. Бесспорно он более обращен к будущему, чем фашизм, который уж совсем есть переходное явление, с коммунизмом связана мировая проблема. Но в коммунизме слишком сильна зависимость от прошлого, влюбленная ненависть к прошлому, он слишком прикован к злу капитализма и буржуазии. Коммунисты не могут победить ненависти и в этом их главная слабость. Ненависть всегда обращена к прошлому и всегда зависит от прошлого. Человек охваченный аффектом ненависти не может быть обращен к будущему, к новой жизни. Только любовь обращает человека к будущему, освобождает от тяжелой скованности прошлым и является источником творчества новой, лучшей жизни. В коммунистах есть страшное преобладание ненависти над любовью. Нельзя целиком на них возложить вину за это, они тут жертва злого прошлого. Дух коммунизма, религия коммунизма, философия коммунизма - и антихристианские и антигуманистические. Но в социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма. И не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма, они лишь делают более рельефной правду коммунизма. Неправду коммунистического духа, неправду духовного рабства могут обличать лишь те христиане, которые не могут быть заподозрены в защите интересов буржуазно-капиталистического мира. Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег и не подобает ее адептам учить коммунистов евангельской истине, что "не о хлебе едином жив будет человек". Вопрос о хлебе для меня есть вопрос материальный, но вопрос о хлебе для моих ближних, для всех людей, есть духовный, религиозный вопрос. "Не о хлебе едином жив будет человек", но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех и тогда именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что хлеб для значительной части человечества не будет обеспечен. Это цинизм, справедливо вызывающий атеистическую реакцию и отрицание духа. Христиане должны проникнуться религиозным уважением к элементарным, насущным нуждам людей, огромной массы людей, а не презирать эти нужды с точки зрения духовной возвышенности. Коммунизм есть великое поучение для христиан, часто напоминовение им о Христе и Евангелии, о пророческом элементе в христианстве.

В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономического человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. Но экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека. Одно ясно: проблема эта не может быть лишь проблемой новой организации общества, она неизбежно есть проблема новой душевной структуры человека, проблема нового человека. Но новый человек не может быть приготовлен механическим путем, он не может быть автоматическим результатом

известной организации общества. Новая душевная структура предполагает духовное перевоспитание человека. На проблему перевоспитания коммунизм принужден обратить большое внимание, но у него нет для этого духовных сил. Нельзя создать нового человека и новое общество, объявив хозяйственную жизнь обязательным делом чиновников государства. Это есть не социализация хозяйства, а бюрократизация хозяйства. Коммунизм в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этатизм. Это есть явление чудовища Левиафана, который на все накладывает свои лапы. Советское государство, как я уже говорил, есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство. Это есть трансформация идеи Иоанна Грозного, новая форма старой гипертрофии государства в русской истории. Но понимание хозяйственной жизни, как социального служения, совсем не означает превращения всякого хозяйственного субъекта в чиновника, не означает признания государства единственным хозяйственным субъектом. Бесспорно часть промышленности, наиболее крупной, должна перейти к государству, но наряду с этим хозяйственным субъектом должна быть признана кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек, поставленный организацией общества в условия, исключающие возможность эксплуатации своих ближних. Государство при этом будет иметь контрольные и посреднические функции, призванные не допускать угнетения человека человеком. В мою задачу не входит подробно останавливаться на этих вопросах. Важно только отметить, что этатизм не является единственной формой новой организации общества. Более соответствует свободе человеческого духа не монистическая, а плюралистическая социальная система. Монистическая социальная система всегда ведет к тирании и угнетению человеческой личности. Монизм марксистской системы и есть ее главный дефект. Монизм тоталитарного государства во всяком случае несовместим с христианством, он превращает государство в церковь. И предстоит героическая борьба христиан против абсолютных притязаний царства кесаря, и в коммунизме и в фашизме. В этой борьбе христианство может очиститься и освободиться от печати царства кесаря, которая лежит на церкви со времен Константина. Христианство представляется мне соединимым лишь с системой, которую я назвал бы системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности, как верховной ценности, с принципом братской общности людей. При этом необходимо делать различие, которого не делает коммунизм, различие между осуществлением справедливости в общественной жизни, предполагающим момент принуждения, и осуществлением братства людей, их подлинного общения или коммуникации, предполагающим свободу человека и действие благодати,

Я хотел показать в своей книге, что русский коммунизм более традиционен, чем обыкновенно думают, и есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. Коммунизм в Западной Европе был бы совершенно другим явлением, несмотря на сходство марксистской теории. С традиционно-русским характером коммунизма связаны и его положительные и отрицательные стороны: с одной стороны искание царства Божьего и целостной правды, способность к жертве и отсутствие буржуазности, с другой стороны абсолютизация государства и деспотизм, слабое сознание прав человека и опасность безликого коллективизма. В других странах коммунизм, в случае попытки его осуществления, может быть менее деспотическим в отношении ко всей полноте человеческой жизни, - менее целостным, менее претендующим быть религией, более секулярным и более буржуазным по своему духу. Проблематика коммунизма способствует пробуждению христианской совести и должна привести к раскрытию творческого социального христианства не в смысле понимания христианства, как социальной религии, а в смысле раскрытия христианской правды в отношении к социальной жизни. Это будет означать освобождение от социального рабства, в котором находится христианское сознание. Мир переживает опасность дегуманизации человеческой жизни, дегуманизации самого человека. Самое существование человека находится под опасностью со стороны всех процессов происходящих в мире. Противиться этой опасности может только духовное укрепление человека. Когда христианство появилось в мире, то оно защитило человека от опасности, связанной с демонолатрией. Человек находился во власти космических сил, терзавших его демонов и духов природы. Христианство духовно сосредоточило человека и подчинило судьбу его Богу. Так подготовлена была возможность власти человека над природой. Теперь христианство опять призвано защитить человека, его целостный образ от вновь терзающей его демонолатрии, от порабощения его старыми космическими и новыми техническими силами. Но это может сделать лишь христианство возрожденное, творческое, верное своему пророческому духу, обращенное к царству Божьему.